

28.693.
35 П91

ВВЕДЕНИЕ

П91
Птица на руке Р.Г.

Птица на руке.— Алма-Ата: Кайнар, 1985.— 174 с.

Охота с ловчими птицами — волнующие встречи с природой для людей, любящих ее. Вы познакомитесь с ними, прочитав книгу. Это — опытный беркутчи и начинающие сокольники, много сил и энергии отдающие традиционному увлечению. Это — автор, от лица которого ведется повествование: орнитолог, в течение многих лет изучающий способы охоты с соколами, особенности поведения хищников при дрессировке и приручении. Героями книги являются и сами птицы — беркуты, тетеревятники, балобаны, сапсаны — замечательные представители нашей казахстанской фауны.

Для широкого круга читателей.

28.693.35

4001010000—145^{II} 403 (05)-85
103_85

Рецензент — В. В. Хроков, кандидат **биологических** наук

(С) Издательство «Кайнар», 1985 г.

Человек с птицей на руке... Характерный момент из соколиной охоты. Союз этот, возникнув в далекие времена (барельефу, обнаруженном в развалинах Вавилона, по свидетельству ученых, 3600 лет), прожил долгую, богатую событиями жизнь. Появившись раньше у азиатских народов, соколиная охота распространилась затем в Европе.

На территории нашей страны, как известно, охота с ловчими птицами традиционна. На протяжении многих веков то разгоралася, то ослабевал интерес к этому занятию у разных народов. Так, в России после значительного расцвета его в средние века наступил спад, и к XVIII веку оно сохранилось в основном среди крестьян Поволжья, где с ястребами охотились до восьмидесятых годов прошлого столетия. Напротив, у народов Средней Азии, Казахстана и Закавказья охота с ловчими птицами продолжала процветать и еще в начале пятидесятых годов XX столетия была достаточно широко распространена.

В настоящее время в пределах нашей страны охота с ловчими птицами сохранилась лишь кое-где в местах было расширения, причем только в Грузинской ССР (в том числе в Абхазии и Аджарии) она имеет оди-

циальный статус: при республиканском, а также Абхазском, Аджарском и ряде районных обществ охотников действуют секции ловчих птиц. Они, руководствуясь специально разработанным положением, ведут разнообразную работу, в частности, ежегодно устраивают выставки-соревнования. Однако наиболее сложная охота — с крупными соколами и беркутом, в которой особенно ярко проявляется мастерство сокольника и для овладения которым очень важно сохранение опыта и знаний, накопленных многими поколениями охотников,— безнадежно угасает.

Не ставя перед собой цель выяснить причины снижения интереса к охоте с ловчими птицами, все же можно предсказать ее возрождение в ближайшем будущем, поскольку признаки этого видны уже сегодня (пример тому — опыт других стран, где соколиная охота — излюбленное занятие). В зависимости от того, какими путями пойдет такой «ренессанс», он может либо отрицательно оказаться на состоянии популяции некоторых видов хищных птиц, либо сыграть положительную роль и в сохранении традиций древнего искусства, и в формировании правильного отношения к хищникам, и в деле их изучения и охраны.

Интересен опыт зарубежных сокольников. Охота с ловчими птицами в Европе и США после периода забвения в начале XX века уже к пятидесятным годам начала быстро восстанавливать свои позиции. Об этом свидетельствует рост численности сокольников, состоящих в специальных клубах ГДР, Чехословакии, Венгрии, Франции, Норвегии и многих других стран.

Однако в этом явлении есть две стороны. Растущие потребности в ловчих птицах привели к усилению браконьерского отлова их в природе. Торговля редкими соколами сделала выгодным бизнесом. Например, в Египте в начале семидесятых годов, по свидетельству журнала «Das Tier», стоимость одного балобана после месячной

выноски в среднем составляла 24 000 западногерманских марок. Там среди арабских кочевых племен есть такие, что специализируются на отлове прилетающих на зимовку балобанов. Один удачливый охотник за сезон добывает 30—40 этих редких соколов. Очень вероятно, что в снижении численности в Европе некоторых видов редких хищников, например сапсанов, есть вина и любителей соколиной охоты. Известно, что, несмотря на тщательную охрану гнездовых балобанов в Чехословакии, почти во всех птенцы или даже яйца похищаются. Подобные случаи с сапсанами и кречетами имели место и в Норвегии. Это, естественно, наносит ощутимый ущерб природе.

Вместе с тем именно сокольники впервые начали широко практиковать разведение редких хищников в неволе. Именно им принадлежит заслуга в разработке методики и технических приемов разведения соколов в неволе и выпуска молодняка в природу, которые успешно используются в программах многих научных центров по восстановлению популяций исчезающих хищных птиц. К 1975 году сокольниками всего мира ежегодно выращивалось около двухсот крупных соколов. Причем в отличие от работы научных центров, которые сосредоточили свои усилия на разведении нескольких наиболее редких видов, сокольники не оставляют без внимания и других ловчих птиц и научились размножать в неволе даже таких, еще достаточно обычных птиц, как перепелятники. Следует отметить, что при этом наряду с «признанными героями» соколиных охот — кречетами, балобанами, сапсанами, средиземноморскими соколами, тетеревятниками и некоторыми другими,— с успехом тренируют и представителей новых в истории соколиной охоты видов. Сейчас в качестве ловчих птиц используются два десятка видов, среди них такие, как краснохвостый канюк, канюк Харриса и американская пустельга.

Многие из хищников, применяемых в настоящем вре-

мя для охоты, ещё достаточно обычны и, видимо, рациональнее отлавливать их в природе, чем разводить в неволе. В некоторых странах изымается до половины процента численности таких птиц, что практически не оказывается на состоянии популяции.

В одной из статей, посвященной проблеме охраны хищных птиц, дискутировался вопрос о влиянии сбора соколятниками птенцов тетеревятников на состояние популяции. Ее автор делает парадоксальный вывод: эта практика не только приводит к сокращению численности ястребов, но и способствует ее росту. действительно, выживаемость птенцов ястребов-тетеревятников в естественных условиях иногда не превышает 25%, у сокольников же она достигает 70%, и поэтому сбор птенцов в гнездах, содержание и последующий выпуск (как это обычно практикуется) весной даже половины взятых молодых оказывается вполне целесообразным.

Деятельность обществ и клубов любителей соколиной охоты не ограничивается только охотой и разведением ловчих птиц. Они активно выступают за защиту хищников, проводят работы по восстановлению популяций исчезающих видов путем воспитания молодых птиц, в неволе и выпуска их в природу. В некоторых странах любители соколиной охоты издают свои журналы, на страницах которых делятся опытом отлова, разведения, обучения ловчих птиц, борьбы с их болезнями. Вместе с тем в них нередки и серьезные, содержательные научные статьи, посвященные различным аспектам биологии хищников, обсуждаются проблемы их охраны и восстановления численности.

На ежегодных съездах обществ любителей соколиной охоты подводятся итоги их деятельности, а также проводятся экзамены, дающие право на содержание хищных птиц и охоту с ними. Уставы обществ определяют порядок вступления в них, регламентируют количество и видовой состав ловчих птиц, предусматривают обязатель-

ное участие в мероприятиях по охране хищников, а также в работах орнитологов по учету их численности и изучению экологии.

В нашей стране ловчие птицы — не только предмет увлечения отдельных сокольников (б Казахстане, Киргизии, Грузии), но и объект изучения биологии, повадок, способностей к дрессировке этих замечательных представителей фауны. Причем надо отметить, что интерес к подобным исследованиям в какой-то мере надо считать традиционным. Еще в дореволюционной литературе со знанием дела описывались ловчие птицы, методы их подготовки к охоте. В разное время статьи и книги, посвященные этой теме, издавались и на русском языке. Написанные такими знатоками охоты и хищных птиц, как С. Т. Аксаков, А. П. Сабанеев, Г. П. Дементьев, В. А. Клеменц, они содержат практически все необходимые сведения по охоте с ловчими птицами. Но о современной соколиной охоте, к сожалению, изданий мало. Библиографической редкостью стала замечательная книга Т. П. Дементьева «Охота с ловчими птицами»¹. А необходимость в подобных изданиях велика, так как есть много желающих познакомиться с ловчими птицами, а большинство из них имеют неправильное представление об этих хищниках и, работая самостоятельно, могут причинить им вред.

Предлагаемая читателю книга не является пособием или руководством по соколиной охоте. Это — попытка рассказать о первых шагах начинающих сокольников в овладении сложным искусством подготовки ловчих птиц под руководством опытного беркутчи, и конечно, о самих охотничьих птицах. Книга пронизана мыслью о том, что охота с ловчими птицами в наши дни — удел людей, беззаботно любящих природу, увлеченных. Вы поймете, что работать с соколами — занятие не для многих, что это

¹ Дементьев Г. П. Охота с ловчими птицами. Всесоюзное кооперативное объединенное издательство. М, 1935.

трудно и порой недоступно всем желающим. Однакоому может научить пример начинающих, какими в книге выступают Йкар Бородихин, Павел Пфандер, Александр Усатый, Рашид Шаймурданов и сам автор.

Вы увидите, что успехи этого небольшого коллектива начинающих сокольников более чем скромны, гораздо больше было ошибок и неудач! Вы узнаете из книги, что даже то немногое, что удалось Паше, Икару, Саше, Рашиду и самому автору, вряд ли было возможным без советов и практической помощи наставников и друзей — братьев Абдуллы и Абдилаха Турдыбаевых. Это — простые охотники, к сожалению, одни из очень немногих, которые сумели донести до наших дней секреты соколиной охоты. Интересно прочитать о том, как они ловят и выкармливают хищников, какие дают советы, как помогают дресировке. Возможно, методы содержания и подготовки ловчих птиц, которыми владеют братья, не самые совершенные, но они — итог поисков многих поколений сокольников Казахстана. Сегодня вполне реальна угроза их утраты, поэтому в книге описаны наиболее характерные из них, без претензии, впрочем, на исчерпывающую полноту сведений. Особенно интересно общение с Абдилахом, или, как его еще называют друзья, Аликом. Опытный сокольник щедро делится с друзьями своими наблюдениями за пернатыми, рассказывает легенды и предания о них, услышанные им от отца и деда, которые он воскрешает в своей памяти.

Ну главные герои книги, конечно же, сами ловчие птицы. Удивительно красивые и совершенные, они мало кого оставляют равнодушными. Но, наверное, только сокольник способен оценить неповторимую индивидуальность их характеров. Самым захватывающим в работе с ловчими птицами как раз и есть процесс постижения их характера. По едва уловимым признакам во взгляде, осанке, движениях птиц охотник учится безошибочно определять их настроение и состояние. Иногда между человеком

и птицей устанавливается такое взаимопонимание, в которое трудно поверить тому, кто сам этого не испытал.

К сожалению, судьба большинства хищных птиц, используемых в качестве ловчих, вызывает обоснованное беспокойство. Численность их в природе продолжает сокращаться, из многих областей прежнего распространения они исчезли вовсе. Только сохранив их, можно сохранить и соколиную охоту. Если вы, прочитав книгу «Птица на руке», почувствуете симпатии к великолепным хищникам, если благодаря ей не прогремит несколько выстрелов, уцелеет несколько гнезд,—значит книга написана не напрасно.

«ТОРЖЕСТВО УКРОЩЕНИЯ...»

так выразился о дрессировке ловчих птиц А. Брем, пораженный тем, что дикие осторожные хищники, прожившие на воле порой несколько лет и привыкшие опасаться человека как злейшего врага, за два-три дня свыкаются с неволей и пущенные охотником добровольно возвращаются к нему на руку. Ловля хищных птиц, их содержание, лечение, тренировка и многие другие практические навыки, без которых немыслима соколиная охота,— интереснейший предмет специального исследования, однако выходящего за рамки задач настоящей книги. Поэтому из всего разнообразия известных приемов мне хочется остановиться, Да и то кратко, лишь на тех, о которых удалось узнать, общаясь с казахскими сокольниками, не вдаваясь в технические детали и, напротив, постараться подробнее описать поведение ловчих птиц, особенности их взаимоотношений с человеком и между собой.

КОЕ-ЧТО «ИЗ КУХНИ» СОКОЛЬНИКА

Ловля хищных птиц оказалась непростым делом. Даже приложив немало усилий, чтобы освоить его, мне так и не удалось добиться хороших результатов. Ловил я только одним способом — сеткой на манную птицу. Метод достаточно универсален и применим в разнообразных условиях — сети можно ставить и на лесных полянках, и на горном склоне, и в степи на птиц величиной от перепелятни-

ка до беркута. Однако при кажущейся простоте ему свойственна масса тонкостей...

Например, манок. Обычно при ловле хищников средней величины используют голубей. Но, по моим наблюдениям, тетеревятники гораздо охотнее идут на врановых — сорок, галок, грачей, ворон. Проще всего манков привязывать за ногу. Но Алик при помощи маленькой деревянной рогатинки привязывал их за шею. Этот способ, бесспорно, более гуманный, так как при таком креплении исключаются вывихи лапок, птица почти не ограничена в движениях, практически не запутывается.

При ловле беркутов Алик делал под сеткой комбинированную приманку: клал какую-нибудь падаль или шкуру, а иногда живого зверя (сурка или кролика), а рядом привязывал врановую или небольшую хищную птицу. Таким образом Алику удавалось использовать, с одной стороны, пристрастие беркутов к падали, которую ему помогала обнаружить мечущаяся на привязи сорока или ворона, с другой — склонность этих сильнейших орлов к мародерству (ведь они частенько отнимают добычу у более слабых хищников).

Слышал я от Алика и еще об одной оригинальной приманке, хотя самому видеть такую не приходилось. Под сеткой в центре площадки укрепляют вертикально металлический стержень, на который насаживают деревянную планку со сквозным отверстием по центру так, чтобы она могла в параллельной поверхности земли плоскости вращаться наподобие пропеллера. На одном конце планки крепится чучело кеклика или фазана, к другому привязывается живая сорока. Непоседливая птица не сидит, конечно, на месте, бегает по кругу и вращает планку вместе с чучелом на другом конце. Со стороны это выглядит так, будто сорока гоняется за кекликом или фазаном. Такая сцена не оставит равнодушным ни голодного беркута, ни тетеревятника.

В выборе места для сети, ее установке и маскировке

также много тонкостей, учесть которые помог бы, по-видимому, только опыт. При проверке своих сетей я находил их обычно поваленными, запутанными, но, увы, пустыми. Причем очень часто хищники, повалив сеть, ухитрялись из-под нее извлечь манка и съесть его. Многие причины моих неудач мне до сих пор не ясны, ведь я во всем стремился следовать советам и примеру такого опытного сокольника, как Алик. У меня даже создалось впечатление: в тех редких случаях, когда я все-таки ловил хищников, снасти были установлены, пожалуй, небрежнее обычного.

О других способах ловли хищников мне известно лишь из книг или рассказов Алика. Раньше казахи использовали хитроумные петли. Их расставляли на излюбленных присадах или гнездах ловчих птиц. Этот способ требует наблюдательности, знания повадок, большой предварительной подготовки и имеет тот недостаток, что птица, попавшая в петлю, может получить тяжелую травму.

Обыкновение хищных птиц возвращаться к добыче, с которой их вспугнули, используется для отлова их капканами (с ослабленной пружиной и дугами, обвернутыми матерсией). Конечно, вспугивать с добычи хищников приходится нечасто, да и нужный капкан не всегда есть под рукой. Поэтому обычно на охотничьем участке птицы привязывают живого манка (голубя, курицу, кролика) и издалека наблюдают, ожидая броска хищника.

Способ, требующий большой сноровки и хорошего знания повадок ястребов,— это ловля на ночевке. Одна из основных сложностей заключается в том, чтобы точно определить место ночлега птицы. Хорошо, если в местах обитания ястреба всего одно или несколько деревьев, но гораздо чаще эти птицы встречаются в лесистых местностях. Там тетеревятники, устраиваясь на ночевку, ведут себя очень осмотрительно. Обычно они задолго до сумерек появляются в этом районе и тщательно обследуют его, перелетая с дерева на дерево. Примерно за час до темноты они

присаживаются на удобную ветку в верхней части кроны какого-нибудь дерева и сидят в расслабленных позах, чистятся или дремлют. Там они остаются до глубоких сумерек (часто неопытные ловцы именно это место и принимают за ночлег) и затем почти в полной темноте слетают, на этот раз почти всегда в нижнюю часть кроны другого дерева, растущего метрах в пятидесяти—двуухстах. Точно определить место, куда сел ястреб, очень трудно: он взлетает внезапно, мчится быстро низом, зачастую попросту растворяясь в темноте. Но на этом трудности не кончаются. Обнаружить ночлег тетеревятника поддела, ничуть не проще подобраться к нему в густых переплетениях ветвей с длинным шестом с петлей на конце и зажженной свечой, которая приклеена воском. Надо осторожно, чтобы не вспугнуть птицу, накинуть петлю, затянуть ее быстро, ловко, не повредив оперения бьющегося ястреба, спустить его вниз. Необходимо, чтобы весь «наряд» ловчей птицы был готов к моменту ее поимки. На нее сразу надевают *путцы* их называют еще *опутенками* или *нагавками* и *бубенчик* затем, чтобы птицу по возможности больше не брать в руки. Путцы лучше всего делать из тонкой, но прочной и хорошо выделанной кожи. Изготовленные из другого материала, они либо недостаточно прочны и легки, либо (как матерчатые) цепляются за ветки, что мешает на охоте и может привести к гибели улетевшего хищника. Длина и прочность путц должна соответствовать величине и силе ловчей птицы: короткие доставляют меньше неприятностей хищнику, длинные удобнее удерживать в руке охотнику. Пугливым хищникам, способным на стремительные рывки (перепелятники и тетеревятники), на цевку ниже; путц можно надевать кожаные колечки, которые помогают избежать травм ноги. Сами путцы бывают разного устройства. Для беркутов их плетут из тонких кожаных ремешков, снабжая на концах небольшими, но прочными медными или латунными

колечками, сквозь которые пропускают должник. В некоторых случаях путцы крепят непосредственно к лапе птицы: вот тогда их обычно в месте крепления делают шире и слегка надрезают по краям — так они меньше натирают лапу хищнику да и прочнее. Последнее особенно важно, если ловчая птица недавно попала в неволю. Хищники подолгу орудуют клювами, теребя путцы в месте крепления к лапам и пытаясь освободиться, и способны повредить даже прочную кожу. В других случаях путцы прикрепляют к кожаным колечкам, одетым на цевки хищников.

Должник (или *должик*) — обычно прочный узкий ремешок или шнур длиной несколько меньше метра — привязывается или непосредственно к путцам или к кольцу *вертлюжка*, препятствующему скручиванию путц. *Вертлюжок* — небольшая овальной формы пластинка из кости, дерева, пласти массы, плексигласа или металла с двумя сквозными отверстиями по краям, сквозь которые лишь с трудом можно пропустить концы путц. Если их после этого завязать на узелок, назад проскользнуть ремешки уже не могут. В центре вертлюжка закрепляется металлический стержень с кольцом, свободно вращающийся вокруг своей оси. Удобно, если на другом конце должника есть небольшой стальной карабинчик. Тогда, усаживая птицу на седало или стул, достаточно пристегнуть должник к металлическому кольцу. Такое же кольцо можно пришить и к краю, после чего хищник, даже если неожиданно рванувшись с руки и вырвется, сможет улететь только на длину должника.

Бубенчик тоже лучше всего надевать сразу после поимки ловчей птицы, тем более, что эта процедура довольно сложна и хищнику неприятна. Бубенчики могут сослужить хорошую службу на охоте с ястребами, но иногда их надевают и на соколов.

В отличие от европейских сокольников, которые привязывают бубенчики ремешками к лапам хищных птиц, азиатские охотники крепят их к центральной паре рулевых

перьев близ их основания. Для того чтобы бубенчик свободно колебался при каждом движении птицы, его помещают на специальную гладкую костяную или пластмассовую пластиину. Не берусь судить о преимуществах или недостатках обоих способов крепления, поскольку имел дело только со вторым. Но существует мнение: бубенчик на хвосте отзывается звоном на любое движение ловчей птицы; привязанный к лапе зазвенит лишь тогда, когда птица ею пошевелит.

Из моих друзей мастером по изготовлению бубенчиков был Саша. Кому, как не ему, слесарю высокого разряда, было браться за это ювелирное дело! Делал он их из латуни, используя старые металлические ружейные гильзы. Хотя Саше и не удалось стабильно изготавливать высококачественные бубенчики (уж больно тонкая это операция!), некоторые у него по красоте и силе звука практически не уступали бубенчикам старых казахских или киргизских мастеров.

Одна из важнейших деталей в снаряжении сокольника — *перчатка*. Мы выходили из положения тем, что брали обычные кожаные. Для того чтобы использовать обе, мы левую выворачивали на изнанку, и она тоже превращалась в правую. Очень хороши мотоциклетные перчатки, защищающие от когтей хищников не только кисть, но и часть предплечья. Варежки, которые из кожи барсука или косули (в последнем случае в дело шел лишь наиболее прочный кусок с шеи зверя) шил себе Алик, были, пожалуй, менее удобны, но служили, не в пример нашим, гораздо дольше. В варежку для беркута охотник, кроме того, вставлял войлочную прокладку.

Клобучки для балобанов и беркутов тоже шил Алик. Для обоих видов ловчих птиц он делал их одного покрова из толстой хорошо выделанной кожи. Ему пришлось немало помучиться, прежде чем клобучки стали получаться понастоящему хорошо. Особенно сложна индивидуальная подгонка, когда мастер добивается, чтобы клобучок

прочно сидел на голове птицы и не имел щелеи около клюва (в них птицы ухитряются кое-что видеть), но и не натирал глаз и не мял перьев головы.

Среди большого разнообразия всевозможных подставок, стульев, нашествов, используемых сокольниками разных стран для своих птиц, мы применяли немногие. Предпочтение отдавали горизонтально закрепленной длинной жерди, на которой в ее центральной части вырезали кольцеобразный желобок, благодаря чему должник фиксировался в одном месте, ограничивая движение птицы по шесту. Следует учесть начинающим сокольникам: петля на желобке не должна затягиваться слишком туго, а свободно скользить. В противном случае должник может намотаться на жердь, ведь ловчие птицы то и дело срываются с седала и, обычно облетев вокруг него, возвращаются на место. Чтобы не позволить птицам 'вращаться' вокруг седала, к нему желательно снизу прибить полоску материи. При содержании птиц на такой горизонтальной жерди наилучшим образом сохраняется в целости оперение, сблюдается необходимая чистота, птицы практически не травмируются.

Для подманивания и тренировки соколов служит так называемое *вабило*. Это — шнур или ремень длиной от одного до двух метров, к одному из концов которого привязывают крылья птицы. Берут обычно крылья птицы того вида, на который предполагается охотиться: например, для дербника — перепелиные, для крупных соколов — фазана или кеклика. Крылья крепят на жестком проволочном или фанерном каркасе. Перед подманиванием хищника в него специальными ремешками прикрепляют мясо. Сам я никогда не имел специального вабила и всякий раз пользовался импровизированным: к шнуре привязывал тушку или часть тушки птицы, иногда клочок кроличьей шкурки.

Беркутчи при транспортировке орлов верхом исподъезжают специальную деревянную подставку, один конец ко-

торой ремешками привязывают к луке седла, на другом же конце, имеющем развилку, держат руку с тяжелой птицей.

Кормление ловчей птицы — почти всегда проблема для городского охотника. Сложность ее в том, что почти всем видам ловчих птиц необходимо свежее мясо. Зимой, в охотничий сезон, когда есть возможность настrelять ворон или галок и хранить их практически неограниченное время, еще удается выходить из положения. Другое дело летом. Несмотря на то, что таких типичных орнитофагов, как ястребы или соколы, конечно же, лучше кормить птичьим мясом, приходится переводить их на звериное. Для этих целей годится постное мясо любых домашних животных. Подолгу нам приходилось кормить своих питомцев собачьим и кошачьим мясом. Причем особенно хорошим оказалось мясо кошек, от него птицы не жирели и сохраняли оптимальную форму. Гораздо более калорийное собачье мясо перед скармливанием приходилось сутки вымачивать в воде.

У разных видов ловчих птиц «вкусы» довольно сильно различаются. Соколы предпочитают постное мясо без костей, с удовольствием едят мозг, печень, сердце. Для них лучший корм — голубиное мясо. Тетеревятники, напротив, любят жирное мясо диких куриных птиц — куропаток, кекликов, фазанов. С видимым наслаждением они в первую очередь объедают поджожный жир. В отличие от соколов, ястребы способны заглатывать и переваривать без остатка кости такой величины, что просто диву даешься, как они помещаются в зобу!

Но, наверное, самые неприхотливые в питании среди ловчих птиц — беркуты. Без каких-либо заметных отрицательных последствий они поедают мясо любой свежести, даже с сильным «душком». С неменьшим аппетитом едят сухое или мороженое мясо. Наконец, если мяса нет, они легко переносят недельную голодовку. Однако до этого обычно не доходит. Беркуты довольно долгое время могут

довольствоваться творогом, которым их и подкармливают, пока не удастся достать мясо.

Дозировка корма для ловчих птиц зависит от многих факторов: степени их прирученности, упитанности, состояния здоровья. Надо учитывать и индивидуальные различия в темпераменте, потребность в пище. Но умение правильно кормить хищника, имеющее очень большое значение в его подготовке, приходит с опытом.

Состояние упитанности контролируют прощупыванием пальцами киля и грудных мышц. Следует учесть, что в зависимости от особенностей телосложения хищных птиц, при одной и той же упитанности, киль может выступать в разной степени, грудные мышцы отличаться объемом. Поэтому в неменьшей степени охотник ориентируется на поведение своего питомца. Если птица энергична, ее оперение опрятно и плотно прилегает, в глазах блеск, значит она не истощена. У ястребов, кроме того, хорошим показателем нормального состояния является потряхивание хвостом. Когда хищник начинает дичиться, равнодушно смотрит на мясо, не идет на руку, можно предположить, что он закормлен. Во время кормления о степени насыщения можно судить по наполненности зоба, прощупывая его пальцами.

Время от времени ловчая птица должна получать мясо с перьями или шерстью для формирования погадки, а кормить ее следует только после того, как погадка сброшена. В противном случае, как считают казахские сокольники, птица может заболеть.

Никогда не следует кормить хищников подсоленным мясом, а из стреляных птиц необходимо извлечь все дробинки. Мороженое мясо лучше предварительно оттаять или давать небольшими дозами, иначе есть опасность отморозить стенки зоба.

При длительном содержании ловчих птиц в неволе у них нередко изменяется форма и величина клюва. Происходит это чаще из-за того, что постоянно нарастающий ро-

говий слой, не получая необходимой нагрузки, не стирается. К тому же «крючок» на конце клюва, а у соколов и «зуб» отрастают настолько, что мешают хищникам нормально есть. Чтобы избежать этого, необходимо позаботиться о достаточном количестве костей, хрящей и связок в пище птиц. Лучше всего давать хищникам птичьи головы: дербникам и перепелятникам — величиной от воробья до дрозда, крупным соколам и тетеревятникам — от голубя до курицы. Если же клюв все-таки чрезмерно отрос, его можно осторожно срезать или подточить до нормальных размеров.

Ловчие птицы довольно часто ломают или мнут крупные перья. Потеря махового или рулевого пера отражается на летных качествах хищников, к тому же возрастает опасность поломки соседних перьев. Вообще перья удивительно прочны и эластичны. Мне не раз приходилось видеть ХИЩНИКОВ, только что извлеченных из сетки. Вид их обычно был плачевным: крылья и лапы поранены, перья помяты настолько, что, казалось, птица до линьки не сможет летать. Но уже на следующее утро пленника трудно было узнать — перья, еще вчера измятые и торчащие во все стороны, чудесным образом выпрямлялись и принимали нормальное положение. Особенно быстро перья восстанавливаются, если их полить горячей водой или обдать паром, тогда «перевоплощение» происходит прямо на глазах в течение нескольких секунд. Конечно, ни в коем случае нельзя допускать, чтобы горячая вода или пар попали на тело птицы. Я обычно пользовался паром из носика чайника, осторожно направляя его точно в место изгиба пера.

В случае поломки пера производят так называемое «подперивание». Самому мне никогда не приходилось этого делать, но я не раз видел за операцией Алика. У него всегда был запас необходимых перьев, которые он сохранял после линьки хищников или их гибели. Подобрав соответствующее запасное перо, он насаживал его на про-

воловчный стержень, другой конец которого вставлен в остаток старого. Кроме того, перья можно подклеивать клеем. В любом случае, на мой взгляд, такой «ремонт» не может полноценно заменить настоящее перо, хотя и продлевает «срок службы» ловчей птицы.

Линька большинства хищных птиц охватывает в природе период примерно с середины весны и до середины осени. Лишь у таких крупных хищников, как беркуты, она происходит в более растянутые сроки. В целом такие сроки устраивают и сокольников, хотя они часто и стремятся их сократить, добиваясь этого специальным режимом кормления. Ловчую птицу сначала сильно замаривают, а затем обильно кормят. Обычно это провоцирует линьку, которая в таком случае протекает очень бурно, птицы даже на некоторое время теряют способность к полету. Если крупные соколы у Алика и у Икара в питомнике, как правило, линяли очень хорошо, то с тетеревятниками возникали затруднения. Например, у Саши один ястреб не линял более полутора лет, несмотря ни на какие ухищрения хозяина. Возможно, сказывался недостаток освещенности в гараже, где содержалась птица. В конце концов Саше все-таки удалось заставить ястреба линять: он начал добавлять в корм тривитамин, и это помогло.

Сложность не только в том, чтобы заставить птицу линять, причем в определенные сроки. В этот период они особенно восприимчивы к разным заболеваниям, требовательны к качеству пищи. Любая, самая незначительная травма может привести к дефектам растущих перьев. Поэтому лучше весной основательно взвесить, не выпустить ли птицу на волю? Кстати, именно так традиционно поступают многие азиатские сокольники.

Травмы хищных птиц залечиваются довольно быстро. Опытные сокольники умеют вправлять вывихи, лечить переломы. Первое, что предпринимал Алик,— помещал травмированную птицу в тепло. При вывихах и переломах накладывал шины, а одному молодому балобану с

вывихнутой голенью он предварительно вправил кость, а потом сделал просто тугую повязку. Через двадцать дней птица полностью выздоровела.

Ястребы— перепелятники и тетеревятники — на начальных этапах обучения, если они слишком быстро истощаются (что иногда бывает у неопытных охотников, не умеющих верно контролировать упитанность птиц), внезапно слабеют, становятся вялыми, а обильное кормление в этот момент лишь ускоряет их гибель. Мы потеряли так несколько птиц, пока Алик не научил нас, как следует поступать в таких случаях: при первых же признаках упадка сил ястребу необходимо дать свежей, теплой крови, можно с небольшой добавкой мелко нарубленной печени или сердца. Кормить таким образом надо часто и понемногу. Уже через несколько часов (от силы — день-два) состояние птицы восстанавливается.

Больше всего ловчих птиц мы потеряли от *аспергиллеза*. Этим грибковым заболеванием хищники заражаются обычно, поедая зерноядных птиц. Дикие здоровые хищники почти не восприимчивы к этому грибку. Другое дело — попавшие в неволю, находящиеся в стрессовой ситуации. Икар, советовавшийся с микробиологами, пытался лечить соколов в питомнике раствором формалина — как будто единственным эффективным средством, но успеха не имел. Кроме того, ему посоветовали принять в общем-то несложные профилактические меры, практически исключающие заражение хищников грибком: при кормлении их зерноядными птицами, например голубями, у последних следует предварительно удалять голову, пищевод и трахею, места, где чаще всего локализуются споры.

Распознать аспергиллез обычно просто. В ротовой полости хищника появляются желтовато-белые пятна плотного налета. у ястребов болезнь протекает очень бурно, и уже через три—пять дней после появления первых симптомов они гибнут. Гораздо дольше сопротивляются болезни балобаны. Мне никогда не забыть, как мы боролись за

жизнь одного совершенно ручного молодого сокола, привезенного в питомник из Бетпакдала. Едва ли не ежедневно мы пинцетом сдирали с нёба птицы плотные лепешки грибка. Балобану было мучительно больно, он отчаянно кричал и сопротивлялся, но тем трогательней была его доверчивость сразу после процедуры, когда он, отряхнувшись, мог сам подойти к человеку, сесть ему на руку. Обрабатывали мы его и раствором формалина, мазали мумиё и нистатином. Однажды нам показалось, что дела сокола пошли на поправку: в глотке исчезли зловещие светлые пятна, повеселел взгляд, улучшился аппетит. Но через несколько дней мы заметили, что у птицы затруднено дыхание. Оказывается, единственное, что нам удалось, это загнать грибок вглубь — он ушел в полость носоглотки, распространился на трахею и бронхи. Проболев почти месяц, соколенок в конце концов все-таки погиб.

Несколько птиц у нас пало от какой-то кишечной инфекции. Внешне эта болезнь проявлялась в том, что хищники становились вялыми, теряли аппетит, а их экскременты принимали ядовито-зеленую окраску. Причем в большей степени этому заболеванию были подвержены соколы: ею болели балобаны к дербники.

Иногда ловчие птицы умирали, казалось, без видимых причин. Они постепенно слабели, угасали, хотя никаких других симптомов не обнаруживалось. Таких птиц мы вскрывали и почти у всех обнаруживали отвратительные опухоли, которые локализовались во внутренних органах — обычно в желудочно-кишечном тракте или в дыхательных путях и легких.

И все-таки большинство ловчих птиц у нас жили по долгу. И если мы их и лишались, то не из-за болезней, а по разным другим причинам. Чаще всего они попросту улетали. Качественное питание, чистота содержания (птицам надо регулярно давать возможность искупаться), соблюдение простейших санитарных и профилактических мер — все это служит залогом здоровья пернатых питомцев.

Вынашивание ловчих птиц имеет несколько этапов, каждый из которых необходимо освоить, прежде чем перейти к следующему. Сразу после поимки хищника важно приручить его к человеку. Достигается это «держанием». Птицу стремятся как можно чаще носить на руке. Поначалу она часто срывается и повисает на должнике. Можно, конечно, «подсадить» ее на место, но лучше добиться, чтобы она сама возвращалась на руку. Я, например, стремился создать хищнику дискомфортную обстановку, волоча его по глубокому снегу или траве. Через минуту-другую упрямец приходил к выводу, что на руке все-таки лучше, и сам на нее взлетал.

Быстрее всего хищники привыкают к людям, если их выносят в наиболее людные места — на оживленные улицы, на рынок. Правда, заставить себя сделать это непросто. Сопровождаемый десятками взглядов — любопытных, ехидных, недоброжелательных и даже негодующих — охотник плется, понурив взор, тщетно силясь принять независимый вид. Правда, некоторым развлечением в этой ситуации могут служить реплики прохожих, пытающихся определить, что за птица у вас на руке. Предположения бывают самыми фантастическими. Мне, например, приходилось слышать, как чеглоки приняли за... попугая, ясгребов чаще всего путали с совами, а крошечную дербника называли однажды беркутом(!).

С самого начала обучения также следует добиваться, чтобы птица ела на руке. В зависимости от индивидуальных особенностей хищников, а также их упитанности в момент поимки это может произойти и в первый день, и на третьи-четвертые сутки, а у беркутов нередко *еще* позже. Очень часто ловчие птицы, равнодушно отворачивающиеся от мяса, не могут удержаться от соблазна, если им предложить целую неощипанную, а еще лучше живую птицу. Не следует забывать, что хищник, не принимающий пищу, страдает не только и даже не столько от голода, как от жажды — ведь необходимую влагу он получает вмес-

-те с мясом. Нередко на третий-четвертый день голодовки птица, отказывающаяся от пищи, с жадностью пьет, а вслед за этим обычно начинает и есть.

В первое время при выноске многие сокольники не дают своим питомцам спать, считая, что утомление в сочетании с голодом быстрее ломают упрямство хищников. Сам я никогда не прибегал к этому методу и, хотя и не отрицаю его действенности, считаю, что в большинстве случаев можно обойтись и без него.

«Хождение на руку» лучше начинать отрабатывать в Закрытом помещении, где птицу ничто не отвлекает и не пугает. При работе с соколом, добиваясь первого прыжка на руку на минимальное расстояние, ее лучше опустить несколько ниже уровня седала; ястреб же легче решается пойти на руку, которую держат на уровне его груди или головы. Обычно решившись на первый прыжок, хищники довольно быстро осваивают этот элемент обучения. Здесь важно не спешить, постепенно увеличивая дистанцию, и очень внимательно следить за тем, чтобы птицу никто не напугал.

А напугать ее может не только посторонний человек, но и проехавшая машина, хлопнувшая дверь, выбежавшая из-за угла собака, низко пролетевший хищник, наконец, рывок за лапы, если зацепится за что-нибудь шнур, на котором поначалу пускают птицу. Для ястребов этот этап обучения можно считать осиленным, если они летят на пятнадцать — двадцать метров на пустую перчатку, то есть не видя мяса. Правда, у нас встречались тетеревятники, летевшие и на сто, и на двести метров, и даже на полкилометра. Соколы, начавшие летать на восемь — десять метров, обычно также охотно летят и на гораздо большие расстояния, вплоть до нескольких километров.

Соколов учат еще и хождению на вабило, преимущество которого не только в том, что оно заметнее на большом расстоянии и сильнее возбуждает хищника, но и в том, что оно позволяет тренировать сокола, поддерживая его в хо-

рошей форме, а это особенно важно для гнездарей, то есть птенцов, взятых из гнезда.

После того, как ловчие птицы стали хорошо идти на руку (соколы, кроме того, и на вабило), следует *притравка*. Хищников напускают на живую добычу, позаботившись о том, чтобы она не могла улететь или убежать — голубям подрезают перья на крыльях, кроликов — привязывают. Когда хищник поймает и умертвит добычу, охотник медленно, обязательно со стороны головы птицы приближается к ней вплотную. Встревоженный хищник прикрывает добычу распущенными крыльями, не сводит настороженных глаз с хозяина и, кажется, вот-вот готов обратиться в бегство. Допускать этого нельзя. Каждый следующий шаг делается лишь после того, как птица принимается ощипывать или клевать жертву. Когда ловчая птица, успокоившись, начнет есть, невзирая на присутствие хозяина, тот может попытаться осторожно обойти вокруг нее, а затем и перешагнуть через увлеченного поглощением пищи хищника.

Если, допустим, поблизости есть другие охотники, знающие толк в обращении с ловчими птицами, они тоже подходят к хищнику, становятся в кружок вокруг него, ходят по кругу и тоже переступают через него. Обычно птица довольно быстро (часто даже за один раз) настолько привыкает, что совсем перестает обращать внимание на людей. Тогда хозяин, опустившись на корточки и осторожно взяв в руки добычу хищника, может попытаться заставить перейти его на перчатку и продолжить трапезу на ней, что обычно довольно легко удается. Теперь подставляя другой рукой наиболее лакомые кусочки, легко добиться, что ловчая птица, не только не настораживается при движениях второй руки, но даже как бы ждет помощи хозяина.

После притравки ловчая птица практически готова к настоящей полевой работе. Конечно, если охота ведется одновременно с несколькими ловчими птицами или охот-

ничьей собакой, необходимо дополнительное обучение. Однако мне не приходилось готовить птиц к такой охоте, поэтому и детали обучения мне не известны.

ОСТОРОЖНО — ХИЩНИК!

Глядя на «вооружение» ловчих птиц — мощные лапы, «оснащенные» крупными изогнутыми когтями, и крепкие клювы,— невольно задаешься вопросом: не представляют ли они опасности и для охотника? Не берусь судить о беркуте. Но если говорить о соколе и ястребе, то мне кажется: соблюдая осторожность, можно избежать многих травм. Начиная работать с ловчими птицами, я и мои товарищи наивно полагали, что достаточно иметь на руке перчатку, чтобы стать неуязвимыми. Это было поспешное решение, и все так или иначе за это поплатились. Причем как это ни парадоксально, доставалось нам в основном от хорошо выношенных птиц. Действительно, только что пойманный тетеревятник, когда его выпустили из сетки, надели путцы и посадили на руку, обычно не проявляет особой агрессивности к человеку. Исключением была, пожалуй, только крупная молодая самка, которую Саша купил у охотников. Те поймали ее на падали в капкан за задний палец и, по-видимому, жестоко и бесцеремонно с ней обращались. Первые дни самка то и дело пыталась ударить Сашу лапой или клюнуть, а ведь последнее для ястребов вообще не характерно. Что касается сокола, здесь другое дело. Даже маленький дербник способен ущипнуть очень сильно, а к озлобленному, яростно шипящему балобану просто страшно подойти. Но мы в основном имели дело с ястребами, а они, как я уже говорил, вели себя смироно.

Впервые я испытал на себе остроту когтей и мощь хватки ястреба, занимаясь с первой моей птицей. Она уже хорошо шла на руку, когда я в очередной раз пришел ее потренировать. Отвязав должник, отошел метра на полто-

ра, достал левой рукой из кармана припасенный кусок мяса.. И только я хотел переложить его в правую, одетую в перчатку, чтобы поманить ястреба, как он меня опередил: стремительно рванулся с седала и перехватил незащищённую руку на полпути. Конечно, его интересовало мясо, но вместе с ним он прихватил и мою кисть. Я попытался по одному разжать пальцы птицы и вытащить когти из руки. Но ястреб, сопротивляясь, сильнее сжал лапы, глубже вонзая другие когти. Мне же стоило, разжав один палец, взяться за другой, как первый вновь сжался. Было больно, но главное — я не видел никакого выхода. Если бы мне удалось взять мясо в правую руку, то скорее всего тетеревятник последовал бы за ним, но не тут-то было — оно оказалось накрепко пришипленным ястребиными когтями к моей левой руке! К счастью, я вспомнил о дохлой вороне, которая лежала под ведром в углу комнаты, быстро вытащил ее, а мясо прикрыл от ястреба перчаткой. С минуту, изгибая шею, он пытался все таки добраться до мяса, затем я почувствовал, как хватка наконец ослабла, он взмахнул крыльями, и оттолкнувшись от руки, слетел к вороне. С тех пор я очень твердо усвоил, что нельзя показывать голодной птице мясо в незащищённой руке.

Этот же ястреб преподал мне еще один урок и тоже в момент, когда я манил его на руку. Вместо того, чтобы сесть на перчатку, он, чего-то испугавшись, шарахнулся в сторону, завис надо мной и вдруг опустился на голову. Я замер, опасаясь, как бы птица, стремясь удержать равновесие, не сжала пальцы сильнее. Спустя несколько секунд ястреб все же перелетел на руку. Вздохнув с облегчением, я провел ладонью по голове — на ней оказалась кровь.

После этого случая я взял за правило — заниматься с ловчими птицами только в шапке. Оказалось, что даже вязаная шерстяная шапочка хорошо защищает от когтей. Впрочем, был случай на охоте (мы ездили на кекликов), когда мне не помогла и шапочка.

В полдень, вдоволь насладившись лазанием по невысоким горам, с разных сторон по одному мы подходили к машине. Метрах в ста от нее протянулась линия электропередач, и, когда я проходил мимо одного из деревянных столбов, заметил, что он приглянулся моему ястребу. Тот приподнялся на лапах, прижал перо, вытянул шею и, наконец, дернулся с руки. А я не стал его держать, прикинув, что с двумя свободными руками намного удобнее завтракать, да и столб от машины был хорошо виден. Можно было поесть, не теряя птицу из виду.

Подойдя к машине, я оглянулся, чтобы посмотреть, как там мой питомец. Но в ту же секунду получил удар по лицу и почувствовал, как с неприятным хрустом в кожу впиваются ястребиные когти. Все ясно — ястреб не усидел на своем столбе и, памятуя о заветном голубином крыльишке в кармане моей штурмовки, полетел следом. Поскольку на опущенную руку сесть было невозможно, он решил опуститься мне на голову как раз в тот миг, когда я обернулся. Ситуация осложнялась тем, что тетеревятник сбил с меня шапочку и, пожалуй, впервые за время нашего сотрудничества, увидел, что под ней кроется. Не знаю, какие ассоциации вызывала у него моя прическа, но только вдруг он сильнее скжал когти и принял меня энергично ощипывать. Надо сказать, работы хищнику предстояло немного, но и я, естественно, не собирался мириться с таким положением — кто же потерпит, чтобы вот так вдруг, за здорово живешь, расстаться с шевелюрой, которую рассчитывал поносить еще с десяток лет? Ястреб не терял времени даром, поэтому дорога была каждая секунда.

Первым делом я подобрал шапочку и прикрыл ею голову. Защитив свой скальп, я достал из кармана крыло и, зажав его в перчатке, поднял руку над головой. Немного поколебавшись, тетеревятник все же перешел на руку и с жадностью набросился на мясо, а я пошел к зеркальцу машины, чтобы оценить понесенный урон. Прическа почти не пострадала — ветер лениво шевелил на снегу несколько

жидких клочков. Зато лицу досталось больше. Под правым глазом — примерно на сантиметр ниже — темнела глубокая рана, из которой тоненькой струйкой сбегала кровь, сюда вошел самый большой задний коготь ястреба. На лбу остались глубокие царапины, волосы скрывали еще одну, по-видимому, большую рану, из которой тоже сочилась кровь. Что ж, на ошибках учатся. Нельзя спускать глаз с непривязанной ловчей птицы!

Попадало от птиц, конечно, не только мне. В совершенно одинаковой ситуации пострадали Саша и Икар. Они тренировали своих ястребов, отрабатывая прилет на руку. В обоих случаях голодные тетеревятники, не дожидаясь, пока их хозяева отойдут на намеченное расстояние и поманят их, срывались с присад и устремлялись вслед. Догнав ничего не подозревавшего человека, они прямо-таки по-соколиному наносили удар лапой сзади по голове. У Саши на шее и за ухом осталась глубокая царапина, а, как не без некоторого злорадства подчеркивает он, Икару, кроме того, досталось и по уху.

После такой проделки ястребы, сделав круг, как ни в чем не бывало пошли на руку. Саша считает это со стороны птиц проявлением «настоящего хулиганства». Но я очень похожее поведение регулярно наблюдал у балобанов. Если голодного сокола пустить полетать, он иногда, раз за разом хорошо разогнавшись, так стремительно мчится прямо на хозяина, что от него приходится уворачиваться, отскакивая в сторону или пригибаясь. Иногда он все-таки задевает по плечу или спине, не причиняя, правда, особой боли. Очень настойчивыми такие атаки бывают, если птица знает, что у человека припрятано в кармане мясо. Возможно, что и ястребы, и соколы таким способом выражают свое нетерпение, требуют подачки.

Дважды ловчие птицы меня поцарапали, набрасываясь на предметы красного цвета, принимая их, очевидно, за мясо. В одном случае это оказался ломоть спелого арбуза. Заметив его однажды в моей руке, молодой балобан энер-

гично «закивал» головой и, прежде чем я успел что-нибудь сообразить, бросился вперед, вцепился в руку и с жадностью отхватил порядочный кусок мякоти арбуза. Надо было видеть, какое недоумение и разочарование отразились в живых, темных глазах сокола, с таким неподдельным отвращением он, давясь и тряся головой, выплевывал непривычную еду!

В другой раз я решил обмотать седало тряпкой, чтобы мой ястреб не тупил о твердое дерево когти, и нашел для этой цели кусок красной материи. Едва я приступил к делу, как тетеревятник, который сидел рядом, рванулся и, спустя мгновение, запустив когти в мою руку и тряпку, принял с остервенением рвать ее так, что только ключья полетели.

Возможно, неожиданное нападение может спровоцировать и меховой воротник или шапка. Правда, я не припомню, чтобы ловчие птицы набрасывались бы на головной убор на человеке... Но как-то раз, когда мы затемно поехали на охоту, произошел такой случай. Пока не рассвело, мой ястреб смирно сидел на руке. Но как только видимость стала хорошей, птицу словно подменили. Она начала дергаться, поминутно срываясь с руки. Вскоре мы догадались, что ее привлекла кроличья шапка, которая лежала между передними креслами. Водитель — хозяин шапки — переложил ее, сунув куда-то слева от себя. Это не ускользнуло от глаз ястреба и, хотя он больше ее не видел, продолжал, хлопая крыльями, рваться, то и дело задевая водителя по лицу, что, конечно, отнюдь не благоприятствовало безопасности нашей поездки. Поэтому решено было переложить шапку назад. Тетеревятник не замедлил переменить направление рыков, и теперь уже мне до конца дороги пришлось получать удары его сильных крыльев. Ничуть не сомневаюсь: в этом эпизоде для птицы не имело существенного значения то, где находилась шапка — на кресле или на голове ее владельца.

Все описанные до сих пор случаи не были, на мой

взгляд, результатом агрессивности хищников по отношению к человеку. Но нам приходилось сталкиваться и с недвусмысленными угрозами и даже нападениями. Я не говорю о реакции птиц на грубость, когда их берут в руки, например, чтобы повесить колокольчик; даже ручные птицы в таких ситуациях нередко яростно сопротивляются, но по окончании процедуры быстро успокаиваются. Не имею я в виду и диких, только что пойманных птиц. Речь идет об обычно неожиданных вспышках агрессивности уже хорошо выношенных хищников, причины которых не всегда ясны.

Алику и Паше их ястребы нанесли удар лапой по лицу. Не знаю, случайность ли это, но у обоих оказалось распоротым веко. Если в случае с Аликом поведение птицы еще можно объяснить — во время поимки ястреб получил повреждение, и хозяин его регулярно врачевал, причиняя, возможно, боль, то Пашиному ястребу было не на что обижаться. В обоих случаях тетеревятники неожиданно сделали молниеносный выпад в тот момент, когда их хозяева склонились над ними. По счастливой случайности люди отделались царапинами. Можно только поражаться той мгновенной реакции мышц, которая в момент опасности позволяет нам успевать закрывать глаза!

Только однажды мне пришлось наблюдать агрессивное поведение ловчей птицы, когда она защищала свою добычу. Обычно при приближении человека хищники, будь то соколы или ястребы, прикрывают добычу расправлennыми крыльями, иногда пытаются оттащить ее в сторону или даже улететь. На этот раз было по-другому. Вот что произошло в ботаническом саду, где Икар пустил своего ястреба — шустрого молодого самца — на голубя. Загнав жертву в густые кусты, тетеревятник ее там поймал и принял ощипывать. Икар, продираясь сквозь ветки, полез за своей птицей, чем, наверное, ничуть ее не обрадовал. Ястреб встретил своего хозяина таким стремительным ударом, что я, хоть и находился в нескольких метрах, ничего не заме-

тил. И только когда Икар с тетеревятником выбрался из кустов, я по его растерянной улыбке понял: что-то произошло. На его подбородке и щеке темнели четыре красных пятнышка — следы всех четырех когтей лап ястреба.

Оригинально вела себя во время кормления Сашин птица — крупная самка тетеревятника, прожившая у него более двух лет. Она прекрасно усвоила, что ей никогда не позволят поесть, не заставив несколько раз полететь на руку. Так вот она не спускала глаз с левой руки хозяина, и, когда тог пытался забрать мясо, несильно хватала лапой за ладонь и придерживала ее. Если Саша все же пытался дотянуться до мяса, птица, как бы предупреждая, сжимала когти сильнее. Но стоило ему отвести руку, как ястреб спокойно ее отпускал. Наверное, когда-то Саша, не проявив необходимой расторопности, позволил тетеревятнику несколько раз схватить себя за руку, и у того развилась вредная привычка.

Вообще у охотника с каждой птицей складываются свои особые, пожалуй, всякий раз неповторимые отношения. Они приоравливаются друг к другу, трудно сказать, чьи индивидуальные особенности в большей степени определяют стиль поведения. Однако в любом случае человеку необходимо стремиться воспитывать своего питомца так, чтобы максимально обезопасить себя. Поучительный пример такого воспитания продемонстрировал мне как-то Алик.

Я привез к нему своего балобана, которого крупным птенцом, почти слетком, взял из гнезда. Несмотря на все усилия, мне не удалось наладить с ним добрых отношений. Сокол при каждом удобном случаекусал меня за руку, и в конце-концов я начал его побаиваться. Предупредив о скверном нраве птицы, я передал ее Алику. Он спокойно подставил балобану выпрямленную ладонь с плотно сжатыми пальцами. Сокол яростно на нее набросился, но клюв скользил по ровной поверхности, не причиняя никакого вреда. И вскоре, убедившись в тщетности своих попыток,

хищник прекратил их. Через несколько дней, в течение которых балобан, намереваясь укусить, всякий раз натыкался на неуязвимую ладонь, он совсем и навсегда отказался от этой скверной привычки.

Имея дело с беркутом, по словам Алика, еще важнее не допускать ни одного случая удачной попытки напасть на своего хозяина и вообще на любого человека. Иначе такая птица быстро становится очень агрессивной, что нередко приводит к тяжелым последствиям.

Итак, в обращении с ловчими птицами важно никогда не терять бдительности, внимательно наблюдать за ними, изучая индивидуальные особенности поведения. И тогда, соблюдая в общем несложные меры предосторожности, можно в значительной мере оградить себя от слишком близкого знакомства с их клювами и когтями.

И ВСЕ-ТАКИ ОНИ УЛЕТАЮТ...

Для охотника каждый раз, когда у него улетает ловчая птица, это — разочарование, крушение надежд. А самое главное — его мучает тревожная мысль о том, что его питомец может погибнуть. И это, к сожалению, происходит не так уж редко. Мы тоже теряли птиц, причем иногда это были хорошо выношенные, совершенно ручные птицы.

При всем разнообразии обстоятельств, при которых улетали ловчие птицы, юс несложно объединить в несколько групп. Но в любом случае при первом же анализе причин становится очевидным: большинства потерь можно было легко избежать,

Едва ли не самым обидным бывает, когда хищники улетают, отвязавшись или оборвав должник или путцы. У Саши так улетел перепелятник, у Икара — тетеревятник. У Алика — тетеревятник и беркут. Важно, чтобы снаряжение птиц соответствовало их размерам и силе. Например, у Алика беркут улетел, оборвав слишком слабый для него должник. Он сидел на колоде, к которой был привязан

должник, когда близко от него проехал всадник. Испугавшийся орел сильно дернулся... и оказался на свободе. К счастью для него, он через два дня вернулся. Иначе хищника ждала бы неминуемая гибель: путцы, связанные с должником, рано или поздно должны были зацепиться за ветку или камень, но а дальнейшее нетрудно себе представить.

Горький опыт заставил нас отказаться от сыротятных ремешков. С виду вполне надежные, они, намокая, теряли прочность. Так, во время дождя сумел порвать сыротятный должник отличный ястреб Икара.

Довольно часто, как это и было у меня, птицы отвязывались. Правда, обычно это происходило в помещении, из которого они не могли выбраться. Отвязывались они по двум причинам: или путцы крепились к должнику при помощи вертлюшка, а их концы, завязанные на узелок, проскальзывали через слишком большие отверстия; или путцы просто связывались с должником узлом., а он распускался (кстати, самым удобным и надежным оказался калмыцкий узел.).

Иногда развязывался и узел, которым должник крепился к седалу. Именно по этой причине у меня однажды едва не улетел тетеревятник. После тренировки, я по-видимому, небрежно привязал его и, заперев дом, в котором его держал, пошел домой. К сожалению, на звук,— будто что-то ударилось в окно,— я не обратил внимания. Каково же было мое удивление (да что удивление — испуг!), когда уже в добре сотне метров от домика мне на голову вдруг села, больно хлестнув по щеке должником, крупная птица. Не сообразив что к чему, я смахнул ее с головы вместе с лыжной шапочкой, в которую запустил свои когти тетеревятник. Несмотря на столь непочтительное обращение, мой ястреб, сделав круг, вновь полетел ко мне с явным намерением. вновь опуститься на голову. Но, к счастью, я инстинктивно, защищая лицо, поднял руку, и ловчая птица предпочла сесть на нее. Оказалось, что хищ-

34

нику, случайно ударившемуся о незапертую форточку удалось ее открыть и таким образом выбраться наружу. Причиной потери мелких ловчих птиц у нас несколько раз было преследование их врановыми. Поймать хищника они, конечно, не в состоянии, но напугать и далеко угнать вполне способны. Особенно нахально вороны ведут себя почему-то в городе. Возможно, благодаря высокой их численности здесь в зимнее время достаточно нескольких секунд, чтобы они собирались в огромную галдящую стаю. Разглядеть сокола в центре черного клубка иногда просто невозможно. Неудивительно, что, попав в такой переплет, хищник теряет ориентировку и летит куда глаза глядят, только бы отделаться от назойливых преследователей. Так потеряли мы с Икаром своих дербников, Рашид — чеглока.

Наверное, и для перепелятников вороны тоже представляют опасность. Но зато при работе с крупными ловчими птицами, особенно тетеревятниками, врановые превращаются в союзников охотника. Неотступно следя в воздухе за хищником, они его несильно беспокоят, но очень облегчают его поиски. У меня несколько раз в ботаническом саду улетали тетеревятники, причем иногда проводили на воле по несколько дней. И в любое время я без труда, максимум за полчаса, находил их по воронам, несмотря на обилие старых деревьев и немалую площадь сада. Именно это обстоятельство сыграло решающую роль в том, что улетевших птиц удавалось рано или поздно поймать.

Чаще всего ловчие птицы теряются на охоте. Это обычно вовсе не потому, что они стремятся улететь. Охотиться, как правило, приходится на сильно пересеченной местности или в угодьях, густо поросших разнообразной растительностью — деревьями, тростником, кустарником, то есть там, где дичь находит многочисленные и надежные убежища и корм и потому имеет наивысшую плотность. В таких условиях хищник почти при каждом напуске теряется из виду, и остается только гадать, куда он девался. Хорошо, если он догнал добычу. В таких случаях крики

жертвы или шум борьбы помогают сориентироваться. Но сколько раз бывало: метнется, скажем, ястреб вслед за фазанами и — все, нет его, словно в воду канул! Кругом тишина да безбрежное море тростника или стеной стоят непролазные заросли тугая. И тут важно не запаниковать, не броситься на бесполезные поиски. Так вернее всего можно лишиться птицы.

О том, насколько трудно отыскать, даже, казалось бы, при благоприятном стечении обстоятельств потерянную ловчую птицу, можно судить по случаю с дербником Алика. Мы охотились на скошенном клеверном поле, по краю которого вдоль арыка тянулась узкая, не более одного-полутора метров, полоска бурьяна. Соколка напустили на довольно далеко поднявшуюся перепелку. Он быстро ее настиг и метрах в ста пятидесяти от нас плюхнулся вслед за добычей в бурьян. Вся погоня была видна нам как на ладони, поэтому место, где скрылись птицы, мы заметили довольно точно. И тем не менее вчетвером раз за разом трижды прочесали небольшой участок, прежде чем я вдруг у самых ног обнаружил дербника. Тот сидел на земле, судорожно стиснув в лапах пучок травы и, по-видимому, все не мог поверить, что это не перепелка.

Гораздо сложнее было мне найти однажды своего теревятника во время охоты на фазана. Петух выскочил из кустов в довольно редком тугае, проскользнул под поваленным стволом, ракетой взмыл вертикально вверх и скрылся за густыми кронами высоких деревьев лоха. Ястреб, не отставая ни на сантиметр, проделал тот же путь и исчез вслед за фазаном. Когда я выскочил из-за деревьев, передо мной за небольшой полоской луга открылась просторная ложбинка, поросшая тростником. В надежде на то, что ястреб поднимется над тростниками («неично же ему там сидеть!»), я выбрался на место, откуда открывался хороший обзор. Но хищник, по-видимому, поймал до-

бычу и не показывался.

Через некоторое время я обратил внимание на пару

серых синиц, которые беспокойно звенели, суяясь в ветвях сухой турнаги, возвышавшейся над тростником. А еще несколько минут спустя к ним присоединилась сорока, которая не поленилась прилететь откуда-то издалека. Повернувшись на турнаге, она вдруг слетела и сделала несколько кругов метрах в пяти — десяти от дерева, вернулась на него, но тут же снова слетела и опять закружила над прежним местом. Я уже почти не сомневался, что сорока кружила над моей птицей и, постаравшись запомнить направление, бросился вперед. Уж не помню, как мне удалось, проламывая брешь в сплошной стене высоких, не менее трех-четырех, а то и пяти метров сухих стеблей, сохранить верный курс. От прежней уверенности в том, что птица скоро будет найдена, не осталось и следа. Здесь запросто можно было пройти в двух шагах не то что от ястреба, от лошади и не заподозрить ее присутствия. Но мне повезло. Впереди оказалась небольшая прогалинка. Тростник на ней был почему-то примят, образуя слой толщиной метра полтора. Мои ноги сразу провалились и застяли в рыхлой массе.

Я остановился на минутку оглядеться и отдохнуть и вдруг услышал впереди какой-то шорох. Он повторялся снова и снова и исходил из одного места. Последние метры до прогалины дались мне труднее, чем все предыдущие. Я беспомощно барабался, проваливаясь на каждом шагу, причем тростник так сильно трещал под ногами, что у меня от страха, что ястреб испугается и улетит, замирало сердце. Но он не взлетал. Хуже того, я пересек участок полегшего тростника, а ястреба все не было видно. Но, наконец, во время очередной передышки я услышал шорох совсем рядом. Оказалось, что фазан, а вслед за ним и ястреб, прошли рыхлую толщу тростника, и уже там, в глубине, погоня завершилась поимкой добычи.

Один раз я лишился ястреба из-за того, что тот сильно напугался проезжавшего мимо колесного трактора. После неудачной погони за фазаном он сел на ветку дерева, низко

нависавшую над проселочной дорогой. В этот момент, на беду, прежде чем я подоспел, откуда-то вывернулся трактор и, грохоча пустым прицепом и выплевывая густые клубы черной гари, покатил прямо к тетеревятнику. Тот заметался на ветке, но все-таки до последнего момента не взлетал. Тем, однако, стремительнее было его бегство, когда машина, обдав его горячим дымом, с лязгом промчалась под ним. Мне удалось найти ястреба примерно в километре, забившегося в крону высокого карагача. Но он наотрез отказался лететь на руку. Пережитый испуг так сильно сказался на птице, что и два часа спустя она не могла успокоиться, сидела с плотно прижатым пером к дико тараща глаза. В тот день она так и не слетела ко мне, а на следующее утро я нашел ее с полным зобом — хищник успел поживиться какой-то добычей и теперь еще меньше прежнего склонен был возвращаться ко мне.

Очень рискованнопускать птиц в сильный ветер. Даже такой привязанный к хозяину ловчий хищник, как гнездарь-балобан, может в ветер улететь. Однажды так едва не случилось с балобаном Алика. Хищник при тренировочном выпуске на домашнего голубя довольно легко его поймал и низом полетел с добычей в когтях, подыскивая удобное для посадки место. И тут налетел резкий ветер, подхватил со-кола и быстро понес вниз по ущелью. Не успели мы и глазом моргнуть, как сокол скрылся за изгибом ущелья, похоже было, что он нескоро опустится. К счастью, балобана унесло, по-видимому, не очень далеко. Действительно, он сел где-то в пределах знакомого ему района и, съев голубя, сумел найти обратную дорогу и через полчаса вернулся.

В ветер я потерял одного из своих перепелятников. Ястrebok специально и не стремился от меня улететь — он просто парил на неподвижных крыльях. Когда спустя десять минут перепелятник пошел на снижение, его отнесло к тому времени так далеко, что он потерялся из виду.

На поведение ловчих птиц оказывает влияние погода. В теплый солнечный день для охоты (да и тренировок) при-

годны, только утренние или вечерние часы, когда не очень жарко. С повышением температуры воздуха активность хищников резко снижается, и тогда они, рванувшись было за добычей, быстро оставляют преследование. Либо опускаются на какую-нибудь присаду, откуда их потом очень трудно выманивать, либо, что *еще* хуже, начинают кружить, набирая огромную высоту, и в таком случае могут умчаться очень далеко. Именно так у меня едва не улетели дербник и тетеревятник.

Есть, наконец, такая категория птиц, которые в любой момент и при любых обстоятельствах могут предпринять попытку к бегству. Даже самые упорные занятия с ними, самое тщательное соблюдение всех мер предосторожности не могут дать гарантии, что они не «отбудут». Алик утверждал, что подобная опасность всегда грозит тетеревятникам и сапсанам, пойманым взрослыми птицами. Нам попадались такие птицы и среди молодых хищников: у Саши и у меня это были молодые самцы тетеревятники, кроме того, мне однажды достался и гнездарь-перепелятник. По поведению их довольно легко узнать и, по-видимому, лучше сразу отпускать на волю.

Итак, ловчие птицы всех видов время от времени улетают. Это факт, который не могут абсолютно исключить ни опыт охотника, ни даже привязанность хищника к хозяину. И все-таки вероятность потери можно свести к минимуму как благодаря соблюдению нехитрых правил, так и использованию специальных средств.

Правила в общих чертах таковы:

снаряжение ловчих ППРЦ; должно соответствовать их величине и силе и изготавливаться из качественных материалов;
оставляя птицу на привязи, необходимо убедиться в надежности крепления;

брать на охоту и тренировать только некормленых птиц;

при работе с мелкими хищниками — дербниками, чег-

локами и перепелятниками — избегать соседства врановых птиц:

не заниматься с ловчими птицами при неблагоприятных метеоусловиях — в сильный ветер и жару;

следить, чтобы хищник не мог быть напуган посторонними людьми, домашними животными, машинами.

Можно добавить еще, что тренировкой соколов желательно заниматься в одном и том же месте. Необходимо познакомить птицу с ближайшими окрестностями. Тогда она, даже случайно улетев, почти наверняка попытается найти хозяина и вернуться на место.

Хорошее средство вернуть улетающую ловчую птицу — применение вабила, на которое большинство соколов идет гораздо охотнее, чем на руку. Еще лучше, если в запасе есть живой голубь на шнурке.

Что касается плохо обученных тетеревятников и беркутов, азиатские сокольники с успехом применяют специальный ремешок, которым стягивают хвост так, что парящая птица не может его расправить. Это очень сильно ограничивает ее возможности набрать высоту, заставляет пользоваться лишь активным гребным, горизонтальным полетом. Обычно, пролетев относительно небольшое расстояние, она быстро утомляется и присаживается на первое же удобное место.

Другое приспособление, позволяющее быстро отыскать хищника в густой растительности, — это медный бубенчик, который крепится к центральной паре рулевых перьев.

И наконец (быть может, самое главное), — хорошее знание повадок хищных птиц и особенно своего питомца. Опытный охотник способен тонко чувствовать состояние своей ловчей птицы, предугадать ее реакцию на любое изменение обстановки, а значит, и своевременно принять необходимые меры.

ЭТЮДЫ О ЛОВЧИХ ПТИЦАХ...

написаны с желанием посвятить читателя в трудности и радости древнего занятия. Тренируя ловчих птиц, волей-неволей узнаешь их характеры, учишься распознавать благоприятные черты, преодолевать отрицательные. Вместе с тем наблюдательному охотнику открываются границы физических возможностей пернатых хищников. Сокольник постоянно становится свидетелем захватывающих сцен охоты, в которых со всей полнотой раскрывается совершенство ловчих птиц, когда особенно ярко проявляются качества, которые веками оттачивала в них природа. Так какие они, ловчие птицы? Чем заворожили древнего охотника, толкнув на дерзкий шаг — попытку сделать их своими союзниками? Вряд ли мне удастся достаточно обстоятельно ответить на эти вопросы. И все-таки, надеюсь, рассказав о хищниках, которых мне и моим товарищам пришлось ловить, обучать и использовать на охоте, я хоть немного приближу читателя к их разрешению.

«МОГУЧИЙ СОКОЛ»

Однажды, короткая ночь с Вячеславом Беляловым, оператором и режиссером, автором целого ряда хороших фильмов о животных, в Кегенской гостинице, я не без ехидства спросил:

Как это вас угораздило в последнем фильме назвать дербника — одного из самых мелких соколов нашей фауны — «могучим соколом»?

Ничуть не смущившись, мой собеседник рассказал:

— Дербников достаточно близко я узнал недавно, когда больше месяца прожил на Большом Алматинском озере. Собственно, меня тогда интересовали серпоклювы, но по случайности наша палатка оказалась разбитой неподалеку от гнезд этих соколков. Их нельзя было не заметить, так как вели они себя как полновластные хозя-

ва окрестных склонов. Не говоря уже о мелких пташках, в панике забивавшихся в ближайшие укрытия при одном только появлении маленьких хищников, их права на охраняемую территорию безоговорочно признавали и более крупные обитатели гор. Если же какому-нибудь пернатому хищнику случалось, по незнанию, «нарушить границу», немедленно следовало возмездие. Причем нападали на нарушителей с такой отвагой, что даже царственный беркут, не выдерживая натиска стремительно атакующих соколов, обращался в бегство. Вот почему я и воспринимаю дербника как настоящего могучего сокола!

Возможно, кое-кому это утверждение покажется небезупречным... Но в моем сердце оно нашло отклик, тем более, что симпатичные миниатюрные хищники мне давно импонировали! Возможно, поэтому свои первые шаги в соколиной охоте я проделал именно с дербниками. И хотя прошло уже несколько лет, и в моих руках побывало не-

мало самых разнообразных ловчих птиц, воспоминания о первом дербнике остаются самыми яркими впечатлениями от общения с хищниками.

...В том году нам удалось найти два гнезда этих птиц. В одном из них были птенцы, оптимальный возраст которых, совпадающий с появлением кисточки маховых и рулевых перьев (тогда их лучше всего брать на воспитание, — как объяснил нам Алик), должен был наступить в наше отсутствие: нам с Пашей предстояла экспедиция на Алтай. Мы уехали, а когда вернулись, сразу же отправились к Алику.

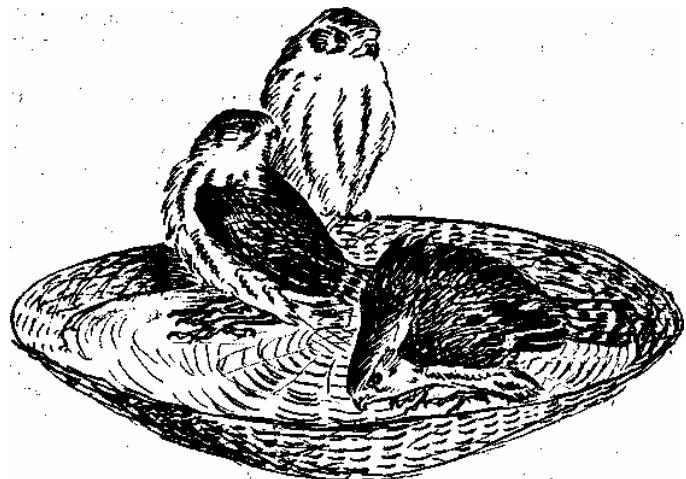
— Ну что, не терпится? — спросил хозяин, а потом без лишних слов повел нас за дом.

Там в небольшой вольере на старой корзине, имитировавшей гнездо, восседали три чудесных большеглазых птенца. Они были уже полностью оперены, хотя крылья и хвост еще далеко не достигли нормальной длины. На голове птенцов развевались трогательные сultанчики светлого пуха. У самого маленького, но тем не менее, по-видимому, старшего из дербников, этого пуха оставалось меньше всего. Он отличался особенно темным и ярким оперением и, судя по всему, был самцом. Алик заметил, что соколок мне понравился.

— Учи, — предупредил он, — этот будет худшим из всех.

Я видел, что в отличие от своих более младших по возрасту крупных сестер, самец диковат, да и силенок для охоты на перепелок, казалось, у него не должно хватить. Однако маленький дербник настолько пленил меня своей красотой и гордой осанкой, что я, несмотря на все доводы, остановил свой выбор на нем.

Уже в первые дни, когда птенцы только-только начали перепархивать, выяснилось, что по характеру они очень разные. Самочка, которую выбрал себе Алик, выделялась бойкостью, предприимчивостью и, в то же время, была очень доверчивой. При кормлении она всегда оказывалась

у мяса первой, а научившись летать, с криком бросалась навстречу хозяину, едва только дверца вольеры оказывалась отворенной. Другая самочка, самая крупная из птенцов, была немного флегматичной, но тоже совершенно ручной и отличалась удивительной крикливостью — без всякой видимой причины она могла, не умолкая ни на минуту, часами тянуть свое протяжное и звонкое «кии-киики».

Время летело, а мой дербник, как и предсказывал Алик, несмотря на все мои усилия сломать ледок в наших отношениях, оставался независимым, хотя особой пугливости не проявлял и никогда не делал попыток улететь. Единственное, чем он меня радовал, так это успехами в летном искусстве — он превосходил своих сестер и в ловкости, и в скорости.

Первые самостоятельные полеты соколов доставили нам особенно много волнений и хлопот. Опасность потерять

птенца в это время особенно велика, причем не потому, что он сам хочет улететь. Просто, опьяненный незнакомым ощущением полета, он может увлечься, залететь слишком далеко и заблудиться.

Подъем в воздух да и сам полет давался птенцам сразу легко. Правда, по раскрытыму, постоянно хвосту и торопливым движениям крыльев угадывалась некоторая неуверенность, но особенно заметно она проявлялась при попытках сесть. То птенцы промахивались, проносясь мимо намеченной ветки, то, при посадке на землю, не сумев вовремя затормозить, летели кувырком. Если же дербникам удавалось сесть на дерево, то возникала проблема, как их оттуда достать.

Мы строго придерживались правила — выпускать только некормленых птиц. Но, несмотря на тяжкие муки голода, они подолгу не могли решиться покинуть ветку. Увидев лакомый кусок в руке хозяина, соколки поднимали страшный крик, нетерпеливо топтались на месте. Часто казалось, что вот-вот слетят, но они так и не трогались с места. Поэтому нам в те дни приходилось не раз влезать на деревья и оттуда с птицей в руке (что очень неудобно), демонстрируя чудеса акробатики, спускаться вниз.

Тем временем, нашего полку прибыло — появился еще один начинающий сокольник. Это был Икар. Он попросил:

— Найдите мне птенца.

— Попытаюсь. На Красивой поляне я не раз встречал взрослых птиц. Там, наверное, где-то должно быть гнездо.

Действительно, мне удалось именно там найти гнездо и взять там почти летного, уже полностью оперившегося птенца.

Хотя наши питомцы дней на десять постарше этого птенца, новый сокольник с таким рвением взялся за дело, что уже через неделю-другую его дербник им ни в чем не уступал. Но сам Икар все еще сомневался и как-то сказал:

— Я давно мечтал научиться вынашивать ловчих птиц

и даже пытался когда-то самостоятельно заниматься с баллоном. Но... опыта у меня маловато.

Он был прав. Навык приходит со временем. Мы все учились, тренируя ловчих птиц. Все здесь важно: последовательность разных этапов обучения, масса тонкостей... Например, как подойти, как привязать, манить на руку, отнимать добычу, определять упитанность и многое другое. До всего этого дойти самостоятельно, несмотря на удивительную рациональность, логичность и простоту всей системы обучения птиц и обращения с ними, наверное, очень трудно и уж, во всяком случае, потребуется масса времени. Да и ошибок не избежать, они же, в лучшем случае, могут испортить птицу или привести к ее потере, в худшем — к ее гибели.

По-настоящему увлекательными занятия с дербниками стали, когда пришла пора учить их идти на вабило (обычно это мертвая птичка, к лапкам которой привязан полутора-двухметровый шнурок). Первое время, когда его просто тащили по земле, соколки очень быстро смекнули, что от них требуется и вскоре научились хватать его без промаха. Когда же вабило начали вращать в воздухе, это привело дербников в замешательство. Они то пытались гнаться за птичьей тушкой пешком, то делали неуклюжий бросок в воздухе и, промахнувшись, тут же опускались на землю. Но постепенно, день за днем, движения становились все более уверенными и ловкими. Сделав промах, они, уже не присаживаясь, поворачивали в воздухе и повторяли атаку. Однако *еще* долго гонялись за вабилом, пытаясь преследовать его в угон, а сами броски делали горизонтальными, затрачивая каждый раз много усилий на разгон.

Мой дербник, кажется, первый сообразил, что вабило гораздо легче ловить на встречном курсе. Возможно, вначале это получилось случайно, но, сразу оценив преимущества новою способа, он в последующем прибегал только к нему. Другое важное открытие дербники сделали, когда

научились после промаха, используя запас скорости, взмывать ввысь. При этом они оказывались в очень удобной позиции для следующего броска. Теперь, пикируя с пяти—десятиметровой высоты, они ухитрялись развивать такую скорость, что со свистом проносились мимо и, если вращали вабило равномерно, практически не промахивались. Впрочем, и отдергивание его в последний момент помогало далеко не всегда.

Для всех неожиданно выяснилось, что Икар в обучении своего питомца оставил нас позади. Его дербник вырос в крупную, сильную птицу и при работе на вабиле показывал настоящие чудеса. Воспитатель намеренно усложнил задачу, выбирая для тренировок место под деревьями с густыми кронами. Пикируя на вабило или взмывая вверх после промаха, дербник должен был каждый раз буквально протискиваться, лавируя среди переплетения ветвей. Причем делал это с такой поразительной скоростью, что трудно было себе представить, чтобы подобное мог повторить даже дикий сокол.

Любили наши дербники и просто полетать. И, надо сказать, если бы не путцы, их было бы не так-то просто отличить от вольных сородичей. Впрочем, чем-то незаметным человеческому глазу они все-таки отличались. Лишь этим, мне кажется, объясняется, что если только поблизости оказывались сороки или вороны, они непременно увязывались за соколками, преследуя их с нахальством и настойчивостью, которую вряд ли позволили бы себе по отношению к дикой птице.

Но и наши питомцы не пасовали. Даже мой маленький и слабосильный дербник мог за себя постоять. Однажды он залетел довольно высоко и с наслаждением парил на неподвижных крыльях, когда к нему пристроилась сорока. Соколок несколько раз лениво увернулся, но сорока не унималась. И тут, видно, вскипела соколиная кровь! Вмиг превратившись в грозного хищника, он молнией обрушился на свою преследовательницу, и та, вся помятая, навер-

ное, не раз пока, наконец, добралась до спасительных кустов, пожалела о своем легкомыслии.

Мои отношения с дербником так и не сложились. Не сказать, чтобы он меня боялся, но всегда был начеку, никогда не спускал с меня глаз. С другой стороны, на природе он вел себя уверенно, если только чувствовал мое близкое присутствие. Нередко я делал такой эксперимент: отпускал сокола полетать и, дождавшись, когда он присаживался передохнуть на макушку дерева или высоковольтную опору, поворачивался к нему спиной и не спеша уходил. Пока меня было видно, дербник сидел спокойно, даже если я уходил на километр и больше. Стоило мне, однако, скрыться за поворотом ущелья, как спустя несколько секунд он появлялся надо мной и... либо садился мне на голову, либо на ближайшее дерево.

Порой, когда я отдыхал под деревом, на котором устроился дербник, тот слетал вниз и подолгу копошился рядом — гонялся за букашками, трогал клювом травинки, а то начинал играть с щепкой или камушком: подбрасывал в воздух и пытался поймать лапой; иногда отбегал в сторону, смешно опустив голову, затем, повернувшись, воинственно набрасывался на воображаемую добычу. В такие минуты у него, как у распахнувшегося щенка, в глазах зажигались веселые, задорные искорки. Утомившись, он разваливался подле меня на травке, подложив под себя крыло, и нежился на солнце. И тогда мне начинало казаться, что настал, наконец, долгожданный миг полного доверия и взаимопонимания. Но увы, первое же мое вольное движение — и уже моего дербника не узнать: перья плотно прижаты, в глазах настороженность.

Я и мои товарищи, конечно, занимались не только летной подготовкой дербников, но и стремились выработать у них охотничьи навыки. Заинтересовать соколов живой добычейказалось несложно. Они азартно гонялись за подранками или птицами с подрезанными перьями и довольно скоро научились их ловить в считанные секунды.

Когда же наши дербники окрепли, даже совсем целые птицы практически не имели шансов спастись от маленьких хищников. Конечно, мы выпускали добычу на открытых местах, а на случай, если им все-таки удастся уйти от погони, к лапке привязывали метровую нитку. Она не мешала в полете, но когда они, стремясь скрыться от дербников, прятались в кустах или деревьях, то сразу там запутывались. Однако такое случалось крайне редко, обычно же после одного-двух бросков добыча оказывалась в когтях соколов.

На этом этапе обучения мы столкнулись с двумя трудностями, которые, благодаря советам Алика и Абдуллы, удалось преодолеть.

Прежде всего было приучить дербников не улетать с пойманной добычей. А они, быстро смекнув, что приближение человека грозит расставанием с лакомым кусочком, повадились удирать подальше и повыше — на дерево, крышу дома или на стог сена. Мой малыш ухитрился однажды улизнуть от меня с горлицей, которая была не легче его самого. Он удивительно легко вспорхнул со своей добычей на любимую присаду — стог сена во дворе у Алика.

Мне все-таки удалось изжить этот недостаток у моего дербника. Секрет оказался довольно прост. Необходимо было всякий раз мешать улетать соколу с добычей. Для этих целей очень удобной оказалась та самая веревочка, которую мы привязывали к лапке птиц. Схватив добычу, дербники обычно сразу опускались на землю и начинали ее ощипывать, а удирать пытались, если видели человеческую руку в нескольких сантиметрах от себя. Поэтому, осторожно приближаясь к соколу, надо было только дотянуться до кончика веревочки, а затем уж отнимать у него добычу. Дербник пытался оттащить птицу в сторону или взлететь с ней. Но убедившись, что все старания напрасны и добыча не поддается, быстро успокаивался. Теперь он только торопился, давясь, старался отхватить побольше

мяса прежде, чем его у него отнимут. Для этой же цели очень удобным оказалось и вабило. Вцепившемуся в него дербнику я давал опуститься на землю и медленно подходил со стороны головы. Ну а дальше все повторялось, как в предыдущем случае. Надо сказать, таким способом мне очень быстро, за какую-то неделю, удалось добиться того, что мои дербники совершенно забыли свою вредную привычку.

Другой неожиданной трудностью, с которой главным образом пришлось столкнуться мне, было нежелание моего дербника преследовать вольных птиц. Насколько азартно он гонял птиц, пущенных из руки, настолько безразличен был к свободным.

Обычно преимущество выкормышей в том, что их не надо морить голодом, чтобы они охотились или шли на руку. Достаточно их перед охотой раз не покормить, и они будут хорошо работать. В отличие от ловчих птиц, пойманых взрослыми, которых на охоту берут не в лучшей форме, гнезда нормально упитаны и благодаря этому энергичны и выносливы. И вот, как ни жалко мне было, пришлось посадить моего сокола на диету. Через несколько

дней у бедняги киль торчал топориком, вес его, когда он садился на руку, почти не ощущался..

Ожидаемого успеха голодовка не принесла. Однажды я, правда, было обрадовался, но оказалось — преждевременно. Дербник вдруг оживился у меня на руке, энергично закивал головой и стремительно рванулся вперед. Миг спустя, сделав виртуозный пирамидку, он опустился на землю... с бабочкой в когтях. Недоумменно рассматривая бьющееся в лапке насекомое, соколок никак не мог взять в толк, куда же подевалось довольно большое — судя по крыльям — существо, которое он ловил. Ну а птиц он по-прежнему игнорировал.

Алик, с которым я поделился своими неудачами, предложил:

— Оставь его на несколько дней у меня.

Прошло дня три, когда раздался телефонный звонок:

— Приезжай, — услышал я голос Алика, — не узнаешь свою птицу.

Это не было преувеличением. Я действительно увидел совершенно другую птицу. Еще издали заметив людей, дербник с криками начал биться в сетку вольеры. Не успел я открыть дверку, как он оказался у меня на руке и принял с совершенно ему не свойственной настойчивостью вымогать подачку. Я удивился, так как за все время, которое соколок был у меня, он ни разу, в отличие от других наших дербников, не выпрашивал еду, ни разу не едался на руку, в которой не было никакой приманки.

— Вот это да! — изумился я, когда дербник рванулся вслед за первым подвернувшимся воробьем, которому, впрочем, удалось скрыться в густой живой изгороди. — Это уже становится похожим на волшебство. И как тебе это удалось, Алик?

— Твой дербник хоть и похудел после голодовки, но еще сохранил внутренний жир, который надо было удалить. Я кормил его мясом, посыпаным сахаром, оно действует как слабительное. Но учти: такое средство можно

применять только в крайних случаях, так как легко погубить птицу.

Не знаю, насколько этому объяснению следовало верить, но результат был, как говорится, налицо.

В поведении дербника с тех пор наступил перелом—ках в отношениях со мной, так и на охоте. Но это случилось потом, а раньше, еще до «лечения», мы дважды выезжали на охоту специально с дербниками. И хотя ничего особенного не происходило, все равно запомнились эти поездки, ведь мы впервые охотились с ловчими птицами.

В первый раз мы никак не могли найти перепелок. Не было их ни на клеверниках, ни на скошенных хлебных полях, ни на целинных участках. Правда, попадались другие птицы. За одной из них — черноголовым чеканом — темпераментную погоню как-то затянул дербник Алика. Это было захватывающее зрелище! Сколько раз казалось, что птица вот сейчас попадется в когти хищника, но обычно ей (как — непостижимо?) удавалось увернуться и в конце концов найти спасение в зарослях высокой травы.

Уже на обратном пути нам-таки удалось набрести на перепелиное место. Рядом с городскими окраинами через скошенное поде тянулась канава, поросшая сорняками. Из этих зарослей мы выпугнули нескольких перепелок. И у Икара и у Алика соколы каждый раз бросались в погоню, очень быстро настигали добычу, но перепелки в последний момент успевали плюхнуться в траву.

Пусть пока без успеха, но чужие дербники пытались охотиться, а мой сидел на руке с отсутствующим видом, а то и вовсе демонстративно отворачивался от взлетающей дичи. И когда перепелка взлетела в двух метрах от меня, я, чтобы хоть как-то расшевелить дербника, подбросил его в воздух. Но ему и в голову не пришло погнаться за добычей. Напротив, он полетел в противоположную сторону, начал набирать высоту да так быстро, что я еще не успел осознать всей глупости своего поступка, как сокол превратился в маленькую точку, едва заметную на пятисотмет-

ровой высоте. Покружив немного, дербник потянул в сторону автотрассы, обсаженной пирамidalными тополями, и быстро снизившись, скрылся за деревьями километрах в трех от нас.

Помахивая вабилом, я несколько раз прошел вдоль полосы деревьев, где исчез сокол, но его нигде не было видно. Уже отчаявшись его найти, я пошел назад к машине.. как вдруг заметил тень, скользнувшую рядом по земле, и почему-то сразу решил: это мой дербник. Когда я поднял голову — так и есть, он!

Дербник, обиженный бесцеремонным обращением, по-видимому не торопился слететь ко мне на руку или вабило, вообще не обнаруживал своего присутствия и спокойно наблюдал за моими поисками. Но когда я пошел прочь, ему одному стало не по себе, и он полетел следом. Но и сейчас он меня еще не простил и, сделав круг, сел на ветку тополя.

В душе я ликовал, ведь можно было уже не сомневаться, что мой питомец рано или поздно слетит вниз. Но главное — меня переполняло ощущение невидимой связи между мной и птицей, которую я считал более надежной и бескорыстной, чем ту, что строится обычно на голоде птицы, с одной стороны, и куском мяса в руке человека — с другой.

Вторая поездка — на Сорбулак — тоже запомнилась не столько охотничими успехами, сколько пропажей дербника — на этот раз едва не лишился своей птицы Икар. Случилось это так: выпорхнула какая-то пичуга, дербник, было, погнался за ней, но тут откуда ни возьмись появилась пустельга и напала на него. Птицы быстро скрылись за холмом, а когда мы взобрались на него, то увидели только пустельгу.

Больше двух часов потратили мы на поиски потерявшейся птицы, но дербник словно сквозь землю провалился. Один раз мы видели, как вдали над тростниковыми зарослями возле озера на огромной скорости промчался, пре-

следуя добычу, мелкий сокол, скорее всего дербник. Мелькнул и исчез.

Дело уже шло к вечеру, надо было возвращаться. На Икара было жалко смотреть. Он сорвал себе голос, клича сокола. Все напрасно. Решили еще раз пройти до лесополосы, хотя уже никто, даже Икар, не верил, что в этом есть смысл.

Первым потерявшегося сокола заметил мой дербник. Он вдруг подобрался, прижал перо и уставился в одну точку. Я посмотрел в ту же сторону и увидел стремительно приближающуюся птицу. Спустя секунду она уже была рядом. Я крикнул Икару, который шел метрах в ста дальше. Дербник хотел сесть мне на голову, но в этот момент послышался срывающийся от радости голос хозяина, и птица устремилась на зов. Что это была за встреча! Честное слово, трудно сказать, кто имел более счастливый вид — человек или его питомец!

Наступила осень. Перепелки исчезли, а наши дербники все еще никого не поймали. Но мы использовали любую возможность, чтобы выбраться с соколами на природу.

В горах мы в первую очередь старались отыскать оляпок. Они держались речек с открытыми берегами, удобными для напуска дербников. Соколы настигали оляпок очень быстро, но те всегда успевали в последний момент нырнуть в воду. Страх перед хищниками был настолько велик, что заставить птичек снова подняться в воздух было почти невозможно. Они подпускали человека вплотную, а затем исчезали под водой с тем, чтобы, промелькнув неясной тенью, вновь вынырнуть в укромном месте под прикрытием большого камня или коряги.

Однажды, разыскивая оляпок, мы наткнулись на стайку кекликов, спустившихся к реке на водопой. Дербник Алика рванул вниз и мгновенно очутился рядом с одним из разлетающихся в панике кекликов, но схватить его не решился. Сразу погнался за другим, настиг и его, но также не рискнул напасть. Вообще о дербниках пишут, что они спо-

собны совладать с такими птицами, как голуби, чирки, и даже тетерки. Представить себе такое трудно. Мне кажется, что предельная величина жертвы дербника — это птицы с обыкновенную или кольчатую горлицу. Правда, мне доводилось видеть, как дикий дербник нападал на голубей, но я все же склонен такие атаки рассматривать как проявление лихости или озорства, а не как настоящую охоту. Кстати, тот же дербник несколько раз нападал на малых горлиц, а одну даже схватил, но удержать не смог.

Специально для охоты на малых горлиц натаскивал своего дербника Икар. Его соколок был самым крупным из наших птиц, отличался крепким телосложением и мощными (для дербников, конечно) лапами. Малые горлицы были для него, без сомнения, посильной добычей.

Вначале дербника напускали на горлиц, у которых в каждом крыле было выдернуто по три маховых пера, затем по два и, наконец, по одному. Отсутствие в крыльях одного пера, думаю, не сказывалось на летных качествах горлиц и, тем не менее, дербник их быстро настигал.

Обычно горлицы, которых выпускали в тридцати—сорока метрах от ближайших деревьев, искали спасения в их кронах. Но, как уже упоминалось, этот дербник умел виртуозно лавировать среди самых густых ветвей, почти не снижая скорости. Благодаря этому он чаще всего овладевал добычей именно в ветвях. На вольных горлиц, насколько мне известно, Икар своего дербника так и не успел пустить.

Однажды (это было в самом начале наших занятий дербниками) Икар решил выяснить у Алика:

— Как долго жили у тебя эти соколки? — думал, что Икар ожидал услышать о сроках, измеряемых годами. Ответ же был разочаровывающим:

— Дербники долго не задерживались и обычно через три-четыре месяца улетали.

Не стали, увы, исключением и наши питомцы. Сначала улетел сокол у Алика, затем у Икара, и наконец у меня.

Честно говоря, я не рассчитывал, что мой дербник проживет у меня дольше других. Он всегда оставался слишком независимым и самостоятельным. Однако, прежде чем улететь, он все-таки поймал одну дикую птицу — единственный среди наших дербников, кому это удалось. Это знаменательное событие произошло в горах, на довольно Широкой речной долине, которую, на свою беду, вздумалось перелететь черноголовой завиушке. Сокол настиг ее на совершенно открытом месте, где решительно негде было укрыться, и бедная пичуга не придумала ничего лучшего, как сложить крылья и камнем упасть вниз. Но еще прежде, чем она достигла земли, ее подхватил дербник.

Дома дербник жил у меня свободно. Очень скоро выяснив его излюбленные места — шкаф, книжные полки и рога козерога, висевшие на стене, я обложил их газетами, которые время от времени менял. На шкафу, кроме того, я соорудил присаду, под которой расстелил полиэтиленовую пленку. Таким образом чистоту более или менее удавалось сохранять. Конечно, для настоящего жилья необходима была вольера, которую я в конце концов соорудил на балконе, ну а до той поры мы втроем (у меня еще была и такса по кличке Гек) делили одну комнату.

Оказавшись в квартире, сокол первым делом напал на чучела двух сплюшек, однако быстро убедившись в их несъедобности, навсегда оставил в покое. Еще в течение нескольких дней было покончено с керамическими вазами, стоявшими на полках. На этом, не считая нескольких белых, трудноистираемых пятен, которые периодически появлялись на моих вещах, перечень ущерба, нанесенного дербником, можно закончить. В целом же он проявил себя как достаточно «удобный» и очень симпатичный жилец.

Иногда, когда я, читая, подолгу неподвижно сидел в кресле, малыш слетал мне на плечо и начинал свои исследования. Путешествуя с одного плеча на другое, спархивая на колени, забираясь под рубашку, он с неистощимым любопытством обследовал каждую складку одежды, любую

деталь туалета. Особым почетом у него пользовались пуговицы, каждую из которых необходимо было потрогать клювом, а также карманы, — интерес к ним, подозреваю, был не бескорыстным.

В минуты таких визитов я сидел, затаив дыхание, и только глазами следил за действиями птицы. Смотрел и восхищался ее ловкими и уверенными движениями, удивительно гармоничным сложением, в котором, казалось, любое изменение только испортило бы картину. Безупречным я считал и скромный наряд дербника. Каждый штрих шок, любое пятнышко были хороши именно на своем месте, а в целом рисунок подчеркивал красоту линий ладной фигурки сокола.

Каждое утро на рассвете дербник начинал с интенсивной; разминки. Быстро работая крыльями, он кругами носился несколько минут под потолком, затем, ненадолго присаживался передохнуть и снова повторял упражнение. Наблюдая, как ловко он летает в небольшой комнате, я решил попробовать разнообразить его полеты работой на вабиле. И опыт удался! Дербник ухитрялся делать маленькие, всего в один-полтора метра ставки и, несмотря на все мои старания, довольно скоро вабило (два перепелиных крыльышка, соединенных между собой, к которым привязывалось мясо) оказывалось у него в когтях.

Конечно, для поддержания хорошей охотничьей формы таких занятий было недостаточно, а заниматься с соколом на улице в центре большого города я как-то не решался. Но из любюю положения может быть найден выход. Оказалось, что для моих целей вполне пригоден и балкон, благо жил я на четвертом, самом верхнем этаже. Были, конечно, и здесь свои неудобства: мне, например, чтобы вращать вабило, приходилось насколько возможно свешиваться через перила, да и растущее рядом дерево мешало. Но все-таки мы — и я и сокол — сумели приспособиться.

Моим надеждам на то, что сокол и собака подружатся, увы, не суждено было сбыться. Гек страшно ревновал и,

раньше. Не добившись успеха, не сумев заинтересовать хозяина ни одной из столь любимых нами обоими игр, Гек переходил, как выразился бы спортивный комментатор, на бесхитростный навал — подбрасывал своим холодным носом руку, лез на колени или начинал попросту громко тявкать.

Однажды произошел случай, после которого ревность пса переросла в лютую ненависть. Плотно пообедав, Гек, как всегда, пришел в игривое настроение. На свет была извлечена любимая косточка, и началась веселая возня. Гек подбрасывал ее в воздух и затем пытался с грозным рычанием и щелканьем зубов подхватить на лету. Но что за фокус? Подброшенная в воздух косточка вдруг бесследно исчезла! Пес недоуменно посмотрел на меня — с трудом сдерживая смех, я все же сумел сохранить невозмутимый

надо признать, у него были на то основания. Приyкнув к безраздельному вниманию, заботам и ласкам хозяина, он не смог примириться с появлением конкурента. Перехватив в очередной раз мой восхищенный взгляд, адресованный птице, он со всей изобретательностью, на которую способны таксы (а им, как известно, ее не занимать), пытался завладеть моим вниманием. То он вытаскивал из-под дивана старый мячик, то, рискуя навлечь мой гнев, запретный веник из кухни, то, наконец, у моих ног оказывалась заветная косточка, так рьяно охраняемая

вид. Тогда он еще раз обследовал тщательно всё вокруг, не только на полу, но и заглянул на диван и кресла — безрезультатно! И вдруг в глазах собаки промелькнула догадка. Она взглянула вверх, на книжную полку — и точно: драгоценная косточка оказалась там, на недосягаемой высоте, в когтях наглой птицы! Глаза Гека вдруг загорелись недобрым зеленым огнем. Он не стал лаять или рычать, нет, он затаил злобу и теперь не спускал с обидчика глаз, выжидая момента для мести.

Ну а похищение косточки произошло так. Едва Гек начал ею забавляться, как дербник оживился. Энергично «кивая» головой, он следил за игрой, несколько раз порывался было взлететь и, наконец, улучив момент, бесшумно скользнул вниз и подхватил кость так ловко в воздухе, что пес ничего не заметил. К счастью, месть не состоялась. Дербник нередко слетал на пол и даже вертелся рядом с собакой, но при первом же подозрительном движении легко, как пушинка, подхваченная вихрем, взмыпал вверх, ... После того, как улетел и мой дербник, эти соколы долго не попадали в наши руки. Каждый год летом я поднимался в горы с надеждой найти гнездо, но не только не находил, но даже и самих птиц не видел. Любопытно, что в тех ущельях, где раньше обитали дербники, сейчас поселились чеглоки. Возможно, эти более крупные соколы сумели вытеснить прежних обитателей. Правда, совсем недавно, я от хорошего знатока птиц узнал, что в том ущелье, где мы брали птенцов, вновь появилась пара дербников.

Отчаявшись достать птенца, я решил попытать счастья со взрослой птицей. Раздобыл ее для меня Паша, который привез соколка с Чокпакского перевала, где орнитологи огромными ловушками отлавливают и кольцают десятки тысяч птиц, среди них немало хищников.

Дербник оказался молодой самкой средней величины. Первые дни она свирепо кусалась, и, казалось, ничто не могло заставить смириться ее с неволей. Но небольшая голодовка сделала свое дело: соколок через четыре дня впер-

поел на руке! Раз уступив, дербник быстро начал осваивать все элементы дрессировки. Он даже стал делать то, чего я не мог добиться от выкормыша — летел по первому зову на пустую руку. Недели через две я безбоязненно выпускал его без привязи и манил на руку практически с любого расстояния.

Сложности с этим дербником возникли при отработке полетов на вабило. Он упорно не желал за ним гоняться. Даже посаженный на землю не обращал внимания на тушку воробья, которую я протаскивал на веревочке в десяти сантиметрах от него. Если же я вращал вабило в воздухе, дербник летел на поднятую руку.

В принципе вабило, бесспорно, очень удобное для тренировок и подманивания соколов, вовсе не обязательно. Насколько мне известно, киргизские и туркменские сокольники и вовсе обходятся без него. Поэтому я решил рискнуть: попробовать дербника на охоте, так и не освоив этого раздела курса обучения соколов.

Пасмурным осенним днем мы выехали с Пашей за город и после долгих поисков наконец обнаружили стайку овсянок, сидевших на чахлых карагачах жидкой лесополосы. У нас на глазах птицы слетели на землю. Позиция была очень удобной, так как дело происходило в холмистой, но открытой местности, а мы оказались на склоне выше того места, куда опустились овсянки. Птички очень заинтересовали дербника, но слететь с руки он не решался. Я начал медленно подходить, но овсянки уже в пятидесяти—семидесяти метрах стали выпархивать. И тут дербник все-таки рванулся вперед и помчался, низко стелясь над землей, характерным только для этого вида соколов ныряющим, или, лучше сказать, волнистым полетом. Расстояние между овсянками и соколом быстро таяло, и мы уже предвкушали -зрелище завершающего броска, но его так и не последовало. Хищник, практически настигнув добычу, вяло вильнул в сторону одной из овсянок, затем резко сбавил скорость и, пролетев еще немного, сел на какую-то вросшую в зем-

лю железяку. В этот день он уже больше не пожелал охотиться, правда, и такой выгодной для броска возможности больше не подвернулось.

Еще один раз с этим дербником мы пытались охотится на обширном пустыре в черте города неподалеку от Пашиного дома. Дербник вновь сделал лишь один бросок, на этот раз на воробьев. Причем последних, похоже спасло лишь то, что неподалеку росли густые кусты, куда они успели в последний момент забиться.

А потом я передал дербника Паше, так как мне предстояла довольно продолжительная экспедиция. Когда я вернулся, сокола у Паши уже не было — он улетел, но при таких обстоятельствах, что упрекнуть товарища было не в чем.. Ему-таки удалось добиться, что дербник стал идти на вабило, а главное — был достаточно активным на охоте. И хотя ни один из бросков не принес успеха, то, что демонстрировал дербник, уже походило на настоящую соколиную охоту.

Паша решил «переквалифицировать» дербника с воробьев на малых горлиц, что ему после нескольких напусков на отловленных сеткой птиц вполне удалось. Однако именно эта «переквалификация» сослужила плохую службу. Однажды, отрабатывая «хождение» на руку, Паша пустил дербника на дерево, а сам отошел подальше. Обернувшись он только успел заметить, что сокол стремительно удаляется, преследуя откуда-то вывернувшую горлицу. Обе птицы скрылись за высоким зданием, причем хищник уже почти настиг жертву. Самые тщательные поиски не дали результатов. По-видимому, дербник все-таки поймал горлицу, ну а насытившись (для него такая добыча означает почти двухдневный запас мяса), конечно, не откликнулся на зов человека.

Однажды Икар признался мне:

— С того времени, как пропал мой дербник, дня не проходило, чтобы я о нем не вспомнил.

Зная Икара и его привязанность к своему питомцу, я

уверен, что его слова не были большим преувеличением. Пришлось мне с того времени повидать и других соколов — балобанов, кречетов. И не нашел я у них ни каких-либо значительных отличий, ни особых преимуществ перед дербниками.

Есть в этих маленьких хищниках все то, чем славен соколинный род — и смелость, и быстрота, и главное — способность к такому контакту с человеком, которого никогда, например, не добиться с ястребами. Поэтому сейчас, когда все без исключения крупные соколы стали редкими, даже исчезающими птицами, занятие с дербниками — пожалуй, единственная возможность приобщиться к настоящей соколиной охоте.

ТЕТЕРЕВЯТНИК

Автор всемирно известного издания «Жизнь животных» Альфред Брем вот что писал о тетеревятниках: «В неволе ястреб такая же ненавистная для нас птица, как и на свободе. Его дикость и злобность, неуживчивость и кровожадность вскоре делают его в высшей степени противным. Что ястреб поддается приручению, доказали наши старые соколятники и доказывают ежедневно азиатские охотники с соколами; но каким образом удается сломить упорство таких упрямцев, остается для меня загадкой... такое существо сделать покорным человеку, это является... торжеством укрощения».

Действительно, разве не поразительно, что дикая, осторожная птица, прожившая, возможно, не один год вольной жизнью и привыкшая все это время остерегаться человека как злейшего врага, в считанные дни забывает о своем свободолюбии, при виде хозяина рвется ему навстречу, пущенная без привязи даже не помышляет о бегстве! Причем именно с тетеревятниками бывает обычно проще всего добиться этого очень быстро. Хочу, правда, оговориться — индивидуальные различия и во внешности, и в охот-

нических качествах, и в способности к приручению у них очень велики. Сам я имел пять птиц, у моих товарищей их было не менее двух десятков, но каждая из них имела «свое лицо».

Охотниками давно подмечена индивидуальная изменчивость ястребов-тетеревятников, что и привело к возникновению разнообразных классификаций. Казахи, например, по форме головы делят тетеревятников на две основные категории: *бакабас*, то есть лягушачья (круглая) голова, и *жыланбас* — змеиная (удлиненная) голова. Между двумя этими крайними формами имеется, естественно, целый ряд переходных. Наиболее высоко ценимые ястреба — жыланбас. Считается, что они отличаются особенной жадностью, азартностью.

По расцветке ястребы делятся на три основные группы: *каришига* — птицы нормальной серой окраски; *туйгун* — белые и *тунджур* — окраски промежуточной между первыми двумя. Из туйгунов, в свою очередь, различают три разновидности: *актүйгун* — чисто-белая птица, *киричүйгун* — белый ястреб с темными пестринами на спинной стороне и *култүйгун* — светло-серый сверху, но с полностью редуцированным рисунком низа. *Тунджуры* тоже подразделяются в зависимости от окраски верха на *ак* (белых), *кок* (серых) и *кара* (черных). Всех их объединяет характер рисунка низа — он сильно редуцирован и не имеет поперечной полосатости, сохраняются только тонкие продольные штришки. Выше других ценятся *туйгуны*, затем *тунджуры*, что, вероятно, можно объяснить, с

одной стороны, их редкостью, с другой — обычно более крупными размерами.

Рисунок хвоста тетеревятники тоже различаются. Поперечные полоски на каждом отдельном рулевом пере могут иметь различную форму. Чаще всего это простая темная полоска, иногда напоминающая отпечаток копыта кулана или джейрана. Именно такой рисунок считается хорошим признаком.

Коренастые, относительно короткохвостые и длиннокрылые птицы считаются наиболее скоростными. Предполагается, что ястребы с противоположными признаками отличаются высокой маневренностью.

Очень большое значение при выборе птицы для охоты придается лапам — степени развитости мускулатуры голени, толщине и длине цевки, величине и закругленности когтей. Так, если берут птенца из гнезда, предпочтение отдают не самому большому, а имеющему наиболее крупные лапы.

Ястреб-тетеревятник, в котором сочетаются; все лучшие признаки — экстерьерные, скорость и маневренность полета, физическая мощь и охотничий азарт — именуется *сыргак каршига*.

Возраст тетеревятников во взрослом наряде определяют по глазам. Обращают внимание на цвет — чем ярче, темнее они, чем сильнее в них оранжевый или красноватый оттенок, тем птица старше. Очень важный признак — рисунок радужины в виде радиальных трещинок, которые появляются уже в зрелом возрасте, и в последующем их с каждым годом становится все больше.

...Мой первый ястреб попал ко мне уже в конце зимы. Его поймал по моей давней просьбе Алик. Он позвонил и пригласил забрать птицу. Уже по голосу, в котором явственно слышались хвастливые нотки, я понял, что ястреб поймался отменный.

И действительно, птицу, которую я увидел привязанной в углу комнаты, иначе как могучей назвать было нель-

64

зя. Все в ней впечатляло — мощные лапы, крепкий клюв, широкая грудь. Наслаждаясь эффектом, который произвел на меня ястреб, Алик с явно ложной скромностью обронил:

— Бывают, конечно, тетеревятники и крупнее, но редко.

Судя по буроватому цвету спины, широким поперечным полосам «тельняшки», светло-желтым глазам без всяких трещинок, птица была молодой, скорее всего она первый год носила взрослый наряд, это особенно радовало меня. Теперь все зависело от того, как я усвоил уроки Алика. Не пропали ли они даром? Я понимал, что имею шансы подготовить прекрасную ловчую птицу. Полный радужных надежд, я немедленно повез своего первого ястреба в город. Увы, конец этой истории был очень печальным — через несколько дней красавец-ястреб погиб от аспергиллеза. Мне он достался, бесспорно, уже пораженным этой страшной болезнью, и я напрасно ликовал, не догадываясь, что на руке сидит уже обреченная птица...

Но прошло еще недели две и снова — звонок Алика.

— Приезжай! — бросил он, и в трубке зазвучали короткие гудки.

- К этому времени я уже достаточно хорошо изучил повадки нашего наставника и понял, что ему опять улыбнулась удача.. Когда Алик бывал собой особенно доволен, речь его становилась лаконичной, какой она и должна быть у «великого кусбеге», знающего себе цену!

Он встретил меня у калитки, провел к сараю и, небрежно махнув рукой, все так же скupo обронил:

— Выбирай!

Сам с равнодушным видом вернулся на лавочку, на которой он что-то мастерил. Когда мои глаза привыкли к полумраку сарая, у дальней стены стали вырисовываться силуэты двух птиц. Оба ястреба были крупными, хотя и мельче погибшего, и тоже во взрослом наряде. Но как они

65

различались! Один, потемнее, с резкими, порывистыми движениями, был очень красивого сложения: маленькая голова на длинной шее, длинные цевки, длинный хвост. Несмотря на солидные размеры, он казался легким и изящным. Второй же был полной противоположностью: массивная круглая голова незаметно переходила в короткую толстую шею, а та — в мощные широкие плечи и грудь. Широко расставленные короткие лапы с толстенными цевками и короткий хвост — вот что бросалось в глаза. В сравнении с первой птицей эта казалась какой-то несуразной, почти уродливой. Но вместе с тем в ней ощущалась такая сила, такая мощь, что я пришел в полуя растерянность, не зная, какой отдать предпочтение. Пришлось идти за советом к Алику.

Мой друг сказал:

— Каждый из них имеет свои достоинства. Посмотри, у стройного тетеревятника хорошая примета — особый рисунок хвоста, или копыто кулана. Это — почти гарантия высоких охотниччьих качеств.

Впервые услышав о такой примете, я, естественно, заинтересовался и, попросил Алика показать мне загадочный рисунок. Тот, все еще «великий» и «неприступный», не отрываясь от своего занятия, распорядился:

— Принеси птицу!

«Благодарный» и «благоговеющий», я поспешил в сарай. Под лучами солнца стройный ястреб показался еще красивее. Правда, он ни в какую не желал сидеть на руке, всякий раз срываюсь и повисая на должнике и мешая тем самым рассмотреть хвост. Понаблюдав за моими беспомощными, неумелыми попытками справиться с птицами, Алик наконец рассерженно буркнул:

— Положи ее грудью на снег.

Я так и сделал. Ястреб на снегу сразу присмирел, и мы склонились над ним, чтобы получше рассмотреть. И вдруг тетеревятник рванулся. Конец должника выскоцизнул из моих пальцев. Пролетев метра полтора, птица села

на забор, не вполне, по-видимому, сознавая, что свободна. Я медленно потянулся за должником. Но когда, казалось, что вот-вот ястреб окажется в моей руке, он взмыл в воздух, перелетел через ущелье и сел на противоположном склоне на ель.

Оставалась одна маленькая надежда: хорошо, если бы путцы, связанные с должником, зацепились за ветку. Поэтому я, не медля, припустил следом. Ель была приметная, ее без труда отыскал и сразу увидел ястреб. Наклонив голову, он наблюдал за мной, но не улетал. Снизу он почему-то казался *еще* больше и красивее. Шоковое состояние после поимки у него все еще, по-видимому, не прошло. Во всяком случае тетеревятник позволил мне вскарабкаться на ель и почти вплотную к нему подобраться. Но как в первый раз, в последний момент взлетел и скрылся за деревьями.

От приподнятого настроения не осталось и следа. На этот раз я лишился птицы, даже не ощущив себя ее владельцем. Кроме того (и это, пожалуй, самое главное), участь ястреба была предрешена — рано или поздно он должен был зацепиться и погибнуть от голода. (Так оно и произошло. Примерно через полтора года его обнаружили в нескольких километрах на яблоне — высохшая тушка висела на должнике, который захлестнулся за сучок).

И тут надо отдать должное Алику. Когда я вернулся после неудачной попытки поймать ястреба, он молча, без всяких упреков вручил другого тетеревятника.

— Смотри, — показал он, — кулак свободно проходит между ног сидящей птицы. Есть такая примета — очень сильным должен быть этот ястреб.

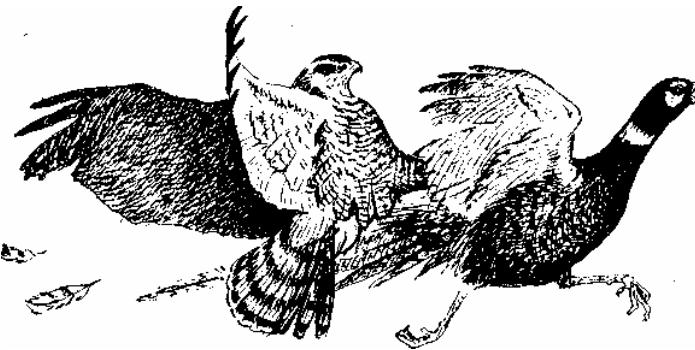
Случай так распорядился, что я стал обладателем птицы, лучше которой, пожалуй, и не встречал. Только жаль — досталась она такому неопытному сокольнику, как я! Вспоминая многочисленные просчеты и ошибки, которые допустил при подготовке тетеревятника, я до сих пор удивляюсь, что эта великолепная птица все-таки работала!

Главной моей ошибкой была спешка. Не освоив первого элемента обучения, я принимался за следующий и так далее. Да и времени ястребу уделял слишком мало — в день полчаса, от силы час. Он сидел в пустом помещении и видел человека совсем не долго (пока я с ним занимался). Неудивительно, что тетеревятник так и не стал ручным. Он часто делал «свечку», летя на руку, круто взмывая вверх перед самой посадкой. В довершение ко всему он улетел. И только на следующий день мне удалось его поймать. Конечно, он не слетел на руку, как бы не так! Пришлось ставить на него, как на диковинную птицу, сетку с голубем.

Как бы то ни было, на десятый день после начала занятий я решил, что птица готова к охоте и, не откладывая в долгий ящик, решил испытать ее в деле. Как назло весь день не везло, только раз мелькнул и тут же скрылся в густых кустах заяц. И уже вечером, когда солнце, расплющившись, прилипло к горизонту, а фазаны затянули обычную перед устройством на ночлег перекличку, из-за макушек деревьев выплыл петух.

Тетеревятник при первых же криках фазанов приподнялся на ногах, принял горизонтальное положение, энергично начал вертеть головой, пристальноглядясь во все места, где могла укрыться добыча. Когда же появилась летящая птица, хищник мгновенно сорвался с руки и низом помчался, к моему удивлению, ни к фазану, а в сторону ближайших кустов, темневших метрах в сорока. Но и петух, отчаянно работая крыльями, устремился туда же. Опытный ястреб, мгновенно оценив обстановку, принял единственно верное решение — отрезать добычу от ближайшего укрытия. Там, у кустов, их траектории и пересеклись. Ястреб сделал короткий, стремительный рывок, фазан истошно закричал, посыпалось перья и началась бешеная скачка, своеобразное родео — хищник верхом на обезумевшей от боли и ужаса жертве.

Мне удалось отнять фазана у тетеревятника на удивление легко (кстати, этого ни в коем случае не следовало де-

лать, нужно было позволить хищнику задавить свою первую добычу и хотя бы немного отведать свежего мяса!). Запихав его живым в рюкзак, я пошел дальше, размышляя о том, насколько просто и скоротечно произошла поимка. Так, пожалуй, при обилии дичи, действительно, можно за день, как уверял Алик, наловить тридцать—сорок, а то и полсотни фазанов. В этот момент за ближайшими кустами послышался шум взлетающей птицы, и, прежде чем я успел что-нибудь сообразить, ястреб сорвался с руки, мигом перемахнул через кусты. Спустя секунду я опять услышал крики, но не такие, как в первый раз, а тоньше, больше похожие на писк. Пока я обежал кусты, тетеревятник уже начал ощипывать фазанку. Она оказалась значительно слабее петуха и не смогла оказаться никакого сопротивления мощному хищнику. На этот раз он ни в какую не желал расставаться с добычей, а мне вдруг стало жалко фазанку и захотелось ее спасти. Что было делать? И тут я вспомнил о живом петухе, сидевшем в рюкзаке, быстро достал его и, прикрыв фазанку рукой, сунул слегка помятого, но все еще эффектного красавца-фазана под нос ястребу. Такой поворот дела того явно озадачил: в когтях бьется невидимая и от тою не очень реальная добыча,

тогда как рядом тяжело дышит аппетитный петух. Вдруг фазан, которого новая встреча с хищником совсем не устраивала, сильно дернулся, вырвался у меня из руки и низом полетел к кустам. В тот же миг тетеревятник метнулся следом и, мгновенно настигнув беглеца, повалился с ним на снег. Пока он боролся с добычей, я отбежал с курицей за кусты и там ее выпустил. Не решаясь взлететь, она резвой рывью припустила в укрытие.

Больше мне с этим ястребом охотиться не пришлось. У Икара к этому времени пропала его ловчая птица, и я решил отдать ястреба ему, тем более, что пришла весна, а мне предстояло ехать в экспедицию.

Следующей осенью, в октябре, Алик поймал для меня очередного ястреба. Довольно вяло нахваливая молодого, коренастого самца, он вручил мне его, а на прощание не очень уверенно заявил:

— Такой должен брать фазана.

Пожалуй, ни с одним другим из моих тетеревятников обучение не продвигалось так трудно, как с этим. Целыми днями я возился с ним, не снимая с руки, но толку было мало. Лишь в состоянии крайнего истощения он более или менее исправно шел на руку. Наконец, через две недели, я, признаться, с тяжелым сердцем решился взять его с собой на охоту. Придя за ним утром, я, к своему удивлению, не обнаружил на месте ни ястреба, ни седала, где он должен был сидеть. Домик, в одной из комнат которого я держал птицу, был заперт, окна закрыты и все-таки ястреб с трехметровой жердью исчез!

Вдруг за спиной мне почудился шорох. Я оглянулся и увидел своего питомца в другой комнате, в которой хранил для него мясо. Ее дверь открывалась в тесный коридорчик против двери комнаты, в которой должен был сидеть тетеревятник. По небрежности я обе двери оставил открытymi, и голодный ястреб (накануне охоты он постился) рвался к мясу до тех пор, пока один из концов седала, закрепленный на столе (он был просто привален мешком с

зерном) не был освобожден. Другой конец крепился на подоконнике гораздо слабее — был просто заклинен в углу. Для меня до сей поры остается загадкой, как ястреб ухитрился протащить трехметровую жердь, к которой был привязан примерно посередине, через две узкие двери? Но так или иначе, ему это удалось, и теперь он благодушно поглядывал на меня, как будто даже смущаясь невероятных размеров зоба, уродливой опухолью повисшего над грудиной. Естественно, ни о какой охоте не могло быть и речи.

Относительно того, что этот ястреб будет ловить фазанов, Алик оказался прав только наполовину. Петухи, взлетавшие прямо из-под ног, не производили на птицу ни малейшего впечатления — она словно не замечала их. Другое дело самки. Ястреб не только кидался на них, но даже и поймал двух, чем, признаться, очень удивил меня. Что интересно: на летящих кур он не реагировал; заметив же фазанку на земле, тетеревятник дожидался, пока она зайдет за какое-нибудь укрытие и, низко стелясь над землей, летел следом; затем ошеломив добычу внезапным появлением, бросался на нее сверху. Выглядело это совершенно неэффективно. Но гораздо больше меня огорчало, что между нами так и не возникло контакта, взаимопонимания. Я никак не мог угадать настроения и состояния птицы и не сомневался, что рано или поздно она улетит от меня именно по этой причине. Однако, к счастью, Алик поймал мне еще одного ястреба и великодушно обменял на старого. Он показал мне молодую стройную самку, беспокойно вертевшуюся на седале.

— Ну что, такой тебя устроит? Обрати внимание на когти нового тетеревятника, они великолепны: не очень толстые, но удивительной длины. Смотри, как грозно поблескивают на солнце...

При первом же знакомстве с птицей на меня особое впечатление произвела ее поразительная доверчивость. Оказавшись впервые на руке, она и не думала биться,

смотрела без страха и даже, казалось, с любопытством. И хотя я возвращался в город в переполненном автобусе, ястреб вел себя отлично и ни разу не дернулся с руки. Сначала я думал, что такое спокойствие — следствие шока, ведь птица была поймана только вчера. Но и на следующий день ястреб оставался по-прежнему тихим, более того, к вечеру он в помещении через всю комнату летел на руку. На третий день я вынес его наружу и, постепенно увеличивая дистанцию, в конце концов добился, что он стал летать на двадцать метров — сколько позволяла длина шнура. Кстати, предыдущий ястреб, даже после трех недель тренировок, ни разу на такое расстояние не летал. Но еще важнее было поведение нового ястреба, он не сделал ни одной «свечки», ни разу не попытался улизнуть. Каждый раз, когда он подлетал, я гляделся в его глаза — не появится ли в них испуг, беспокойство? Нет, он проделывал все так, словно всю жизнь только этим и занимался. И тогда у меня появилась удивительная уверенность — уверенность, какой так не доставало при работе с другими ястребами. Быть может, поэтому я решился на рискованный шаг: отвязал шнур, оставил на птице только путцы. Признаться, когда, усадив ее на пенек, я повернулся, чтобы отойти и поманить на руку, сердце у меня замерло от страха. А вдруг ястреб улетит? Но... По первому же сигналу тетеревятник шел на руку, а дистанцию я увеличил до восьмидесяти метров! И это на третий день занятий!

После тренировки я пошел с ястребом побродить по ботаническому саду, внимательно приглядываясь к питомцу, стремясь получше узнать его характер. Первое, что бросилось в глаза, это интерес ко всяkim укромным местам. Он зорко заглядывал под кусты и ели, чутко реагировал на любой шорох. Один раз вдали мелькнул фазан, перебегавший через аллею. Что тут сделалось с моим ястребом! Он вытянулся во весь рост, причем оказалось, что у него невероятно длинные ноги. А шея? Она почему-то стала плоской, напоминая по форме «капюшон» раздра-

женной кобры. Сходство увеличивали и своеобразные боковые движения головы. Весь вид птицы выражал предельное внимание и заинтересованность. Уверен: покажись фазан еще раз, ястреб бросился бы в атаку.

Почти такую же заинтересованность он обнаружил, когда я перешагивал через арочку с журчащей водой. Догадавшись, что птицу мучает жажда, я, придерживая должник, пустил ее к воде. Тетеревятник сначала жадно и с наслаждением попил, зачерпывая раскрытым кловом воду, так, что при этом в ней скрывалась почти вся голова, а глаза, прикрытые третьим веком, смешно закатывались. А потом, несмотря на легкий морозец, устроил купание. Распустившись перья, присаживаясь и хлопая полусложенными крыльями, он в считанные секунды вымок до последнего перышка. Из воды ястреб вспорхнул ко мне на перчатку, и мы двинулись дальше. Через несколько минут я обратил внимание на странный металлический звук — словно терлись друг о друга несколько жестянок. Оказывается, замерзли все крупные перья ястреба. Они-то, касаясь друг друга, и издавали звук. Я не на шутку перепугался: не заболеет ли птица, не переломает ли перья? Но вскоре звук исчез, а перья приобрели обычную упругость.

Через день мы поехали на охоту. К сожалению, удалось выпугнуть лишь одну стайку кекликов. Птицы взлетели по склону значительно выше, чем это было бы удобно для ястреба. Однако он сразу рванулся с руки и через несколько секунд скрылся вслед за кекликами за гребнем. Когда я, задыхаясь от быстрого бега, тоже выбрался на гребень, ни ястреба, ни кекликов видно не было. Ругая себя за то, что пустил тетеревятника, я карабкался по склонам, тщетно выискивая ловчую птицу. Обшарил все вокруг в радиусе километра — полутора, но так и не добился успеха. И уже на обратном пути вдруг наткнулся на следы кекликов. Было это совсем недалеко от того места, где пустил ястреба, сразу за гребнем. Мне почему-то казалось, что кеклики, а вместе с ними и тетеревятник, должны были

улететь гораздо дальше. Вновь затеплилась надежда. Вдруг и мой питомец где-то поблизости? Он вполне мог поймать добычу и сейчас где-нибудь в укромном месте ее доедать. И я торопливо пошел по следу, чтобы выяснить, откуда он ведет.

Вскоре впереди! показался большой куст жимолости, а в его центре — коряга, немного похожая своими очертаниями на сидящего ястреба. На всякий случай я поднес к глазам бинокль... и увидел тетеревятника! Он сидел совершенно неподвижно, казалось, не замечая меня. Выхватив из кармана кусок мяса, я начал его манить, не решаясь подойти ближе. Ястреб, что было на него совсем не похоже, долго колебался, прежде чем решился лететь на руку. Но вот он наконец на перчатке! Вцепившись в путцы гораздо крепче, чем было необходимо, я все никак не мог на него наглядеться, не верилось, что он вновь у меня. Оказывается, совсем недалеко от куста жимолости, в каких-то пятнадцати метрах, проходили мои следы. Уверенный, что тетеревятник улетел дальше, я даже не удосужился сюда посмотреть. Теперь же из простого любопытства я подошел к жимолости. Вдруг из глубины куста с криками и хлопаньем крыльев вылетел кеклик. Ястреб мгновенно среагировал, чего нельзя сказать обо мне. Все *еще* судорожно сжимая путцы, я просто не мог себя заставить их отпустить. А именно на этот раз ситуация была благоприятнейшей. Теперь мне стало ясно, почему в течение полутора часов, пока длились поиски, ястреб сидел на одном месте и почему он с явной неохотой пошел на руку. В дальнейшем его удивительная «вязкость» и упорство определили наш охотничий стиль.

В тот же день выяснилась и другая, менее приятная черта моего тетеревятника: его совершенно не интересовали зайцы. Мы вспугнули их не менее десятка, и лишь один раз, когда толай выскочил буквально из-под ног, ястреб кинулся, мгновенно догнал его, но, так к не схватив, развернулся и полетел назад. Мне так и не удалось добиться,

чтобы он охотился на зайцев. Не интересовали его и другие млекопитающие, в том числе белки.

Первая удачная охота состоялась на следующий день в том же ботаническом саду, где я работал орнитологом. Кстати сказать, заводя ловчую птицу, я мечтал использовать ее для отлова фазанов, которых там водилось около двух сотен. Эффективность этого метода была как будто проверена на Иссык-Куле, причем, как писал автор статьи, отход фазанов был наименьшим по сравнению с другими способами лова.

Итак, я запасся кольцами, отвязал ястреба и отправился на поиски фазанов. Вскоре мой путь пересекли следы четырех птиц, четко отпечатавшиеся на выпавшем за ночь снегу. Они вели к зарослям кустов, которые, склонившись под тяжестью мокрого снега, образовали целую сеть ходов и лабиринтов. Прекрасно понимая надежность своего укрытия, фазаны и не думали его покидать. Иногда мелькнет один в просвете — хищник метнется вслед, да поздно. После нескольких неудачных попыток тетеревятник не вернулся, как обычно, на руку, а взлетел на росшее рядом дерево. Мы, кажется, одновременно поняли, что это очень удобно: у ястреба идеальная позиция для броска с большим запасом высоты и прекрасным обзором, а мне, когда свободны руки, сподручнее выпугивать дичь. И действительно, первый же бросок оказался удачным. Хищник камнем упал вниз и, пробив гущу ветвей, вцепился в курицу. После нескольких дней охоты в ботаническом саду тетеревятник ориентировался в нем не хуже меня. Быстро запомнив места, где чаще всего держались фазаны, он иногда за триста—четыреста метров срывался с руки и летел вперед, поджиная моего приближения на удобной присаде. Нередко погнавшись за добычей, он не успевал настичь ее в воздухе. фазан забивался в заросли кустов, и тогда тетеревятник садился на дерево над ним и довольно громко «цивиркал». По этому сигналу я быстро его находил, даже если он улетал очень далеко. Впрочем, с поис-

ками ястреба, несмотря на то, что здесь много густых деревьев и очень ограничен обзор, у меня хлопот не было благодаря серым воронам и сорокам. Где бы не оказался хищник, они тут же собирались над ним и, покружив, рассаживались по макушкам ближайших деревьев. Более того, по их поведению я мог безошибочно определить, были ли погоня успешной — над хищником с добычей они низко вились черным клубком и орали так, словно сами оказались в его когтях.

Легче всего тетеревятнику удавалось ловить улетающих или убегающих птиц. В таких случаях он обычно не знал промахов. Гораздо сложнее ему было, если фазану хватало выдержки встретить опасность, что называется, лицом. Чаще всего это происходило с петухами — они почти всегда в последний момент успевали сделать ловкий прыжок в сторону или, бросаясь навстречу, проскачивали под ястребом. Возможно поэтому тот почти всегда выбирал кур (если было несколько фазанов). Наметив какую-нибудь жертву, тетеревятник обычно упорно ее преследовал, не обращая внимания на других птиц, даже если те оказывались в более благоприятном для броска положении.

Охотился я практически ежедневно. Контролируя упитанность хищника, стал замечать, что она очень существенно влияет и на манеру охоты, и на ее успех, и на взаимоотношения ловчей птицы с хозяином. Худой ястреб совершил только короткие броски, обычно с присады на находящуюся на земле добычу, игнорируя взлетающих птиц. Очень часто он прибегал к такой хитрости: слетал с руки, словно заметил дичь, но тут же садился на ближайшее дерево и сразу поворачивался ко мне, ожидая, когда его поманю, зная, что, вернувшись, получит обязательно вознаграждение. Вообще с легкостью готов был прервать охоту и по первому знаку лететь на руку практически на любое расстояние, хоть на полкилометра.

Упитанный тетеревятник летал значительно энергичнее и быстрее, легко решался на охоту авантюрную, поч-

ти наверняка не сулящую удачи, но зато в упор не желал замечать своего хозяина. Ему можно было демонстрировать самые аппетитные кусочки, совать их чуть ли не под нос, но хищник равнодушными, бесстрастными глазами смотрел сквозь меня, а то и вовсе отворачивался, давая понять, насколько я ему опротивел. Не помогала даже такая хитрость: я делал вид, что ухожу, и, будто случайно, по небрежности оставлял оброненное голубиное крыльышко. Ястреб, поймавший на эту уловку раз или два, быстро усвоил, что такое крыльышко — на крепком шнурке — все равно отнимут после нескольких поклевок. Нет, упитанного ястреба, не облазнить полукусашенным мясом, он жаждет крови! Хорошо, если поблизости есть фазаны, а если их нет? В таких случаях мы как бы! менялись ролями: он — охотник, поджидающий появления добычи, которую я, словно гончий пес, обязан выгнать на него. А что поделаешь? И мне приходилось чуть ли не с другого конца сада гнать, продираясь сквозь терновник, фазанов к моему ястребу. Правда, надо отдать ему должное, в этом состоянии он ловил просто здорово.

Очень скоро и без труда я научился управлять состоянием этого ястреба, добиваясь золотой середины, когда хорошие охотничьи кондиции сочетались с необходимой управляемостью птицы.

Работая с этой птицей, я убедился, что, как и сокола, ее можно научить лететь на звуковую команду, которую она воспринимает, не видя человека. Конечно, подобные опыты можно проделывать только с ястребом, которому очень доверяешь. У меня такой был только один. Я сажал его на какую-нибудь ветку и уходил за густые деревья, иногда, скрывшись с глаз птицы, рееко менял направление, удаляясь на добрую сотню метров. Крикнув «ка», поднимал руку и ждал ястреба. Он вскоре появлялся, лавируя среди деревьев, причем летел очень точно на звук, что свидетельствует об умении тетеревятников отлично ориентироваться на слух.

...Связка колец, которыми я кольцевал фазанов, быстро таяла, были уже и возвраты. Я нарадоваться не мог на свою птицу, но однажды совершил ошибку, которая испортила все дело. Ястреб схватил петуха-фазана не как обычно за спину, когда притупленные когти хищника не наносят серьезных ран, а за горло. Тетеревятник сдавил его железной хваткой и, пока я подоспел, жертва была мертва. И вот здесь-то я и допустил эту самую ошибку. Поскольку петух так и так был мертв, я позволил ястребу съесть голову и шею. С тех пор хищник хватал добычу почти исключительно за шею, причем держал так крепко, что разжать его пальцы было очень трудно, во всяком случае я не мог сделать это достаточно быстро, чтобы спасти жертву. И, конечно, истребление фазанов в ботаническом саду не входило в мои планы.

Сначала была надежда, что удастся переменить объект охоты. Я попытался напускать своего ястреба на врановых — сорок, ворон, грачей, которых здесь водится много (даже слишком много!). И вначале казалось, что толк будет. По крайней мере, тетеревятник безотказно пытался их ловить. Но тут выяснилось, что он настолько прочно усвоил тот способ охоты (который я описал), что никак иначе охотиться не хотел или не мог. Но то, что было применимо в отношении фазанов и даже давало прекрасные результаты, совершенно не годилось для ворон. Когда ястреб, заметив их на земле, не спеша летел к ним и садился на дерево, поджидая меня, те попросту разлетелись. Промучившись безрезультатно дня три, я оставил эту затею.

И опять, как и предыдущая птица, этот ястреб от меня попал к Икарю. Его собственный тетеревятник приболел — на охоте схватил крякву, а та, нырнув, утащила хищника под воду. Купание в ледяной воде не прошло бесследно, и ястреб надолго вышел из строя. К тому же я уже пришел к убеждению, что хороших результатов можно добиться, если только охотиться с ловчей птицей регулярно — именно такой режим дня ее самый благоприятный.

То есть те условия, какие мог создать Икар в своем охотхозяйстве, где располагался его питомник соколов. Я отдавал птицу с легким сердцем, зная, что попадает она в хорошие руки. Как мне позже рассказывал новый владелец ястреба, тот остался верен старому способу охоты, и ничто не могло заставить его изменить ему...

О птицах, которых держал сам, конечно, легче рассказывать, чем о чужих, поэтому я упомяну лишь о некоторых тетеревятниках, с которыми охотились мои товарищи и, конечно, не так подробно, как о своих.

Однажды в Большом Алматинском ущелье, где жил Алик, появился белый ястреб — туйгун. В отличие от других, охотившихся главным образом на открытом южном склоне на кекликов и фазанов, этот упорно держался ельников, куда привлекать его могли, пожалуй, только белки. Алик, конечно, загорелся поймать редкую птицу, и в конце концов ему это удалось. Узнав о том, что туйгун пойман, я на следующее же утро приехал на него посмотреть. Белых ястребов мне, кстати, в том же ущелье, приходилось видеть и раньше, но никогда близко, поэтому вполне 'понятно мое нетерпение, заставившее с первым же автобусом отправиться в горы.

Войдя во двор, я увидел Алика, манящего туйгуна на руку. Я не поверил своим глазам: ястреб, правда на шнуре, исправно летел. Оказывается, поймав тетеревятника, опытный охотник сразу обнаружил, что тот весьма тощ (сказывалась, наверное, малочисленность белок), и при своей любви к эффектам не поленился заниматься с птицей всю ночь, ни на минуту не сомкнув глаз. Сейчас он, конечно, наслаждался изумлением, которого я не мог скрыть.

Туйгун оказался довольно крупной птицей с мощными цевками и очень широкой грудью. По не очень чистому фону оперения кое-где темнели пестрины светло-кофейного цвета, на крыльях и хвосте тоже проглядывал очень бледный рисунок.

Насколько мне известно, Алик с ним почти не охотился и ничего не поймал. Он решил, что такая птица должна украсить экспозицию зоопарка. Там распорядились ценным даром довольно оригинально — туйгуну посадили в одну вольеру с... сорокой! Хищник, естественно, едва освоившись, попытался сороку поймать. Промахнувшись, он ударился о сетку и разбился. К счастью, мертвый туйгун попал в руки заведующего таксiderмической мастерской музея университета, и сейчас его чучело хранится там.

Тунджур, или, по крайней мере, приближающийся к этому типу окраски ястреб был у Паши. Он со свойственной ему основательностью не спеша, обстоятельно тренировал птицу. Как того требует методика, не давал ему спать. В конце концов довел своего тунджура до такого состояния, что тот, на минуту оставленный в покое, тут же засыпал. Кстати, позже по такому же методу Паша пытался готовить и балобана, но сокол оказался несравненно выносливее не только ястреба, но и своего хозяина, так что пришлось отказаться от этого способа. Через две недели планомерных занятий Пашин тунджур был готов к охоте и неплохо себя показал, поймав двух кекликов, но, к сожалению, по случайности был потерян.

Запомнился мне и другой Пашин ястреб — взрослая самка очень темной расцветки. Хоть и не очень большой величины, она благодаря коренастому телосложению производила впечатление очень сильной птицы. Хозяин решил натаскать ее для охоты на врановых птиц, главным образом грачей. Идея эта сама по себе очень привлекательна. Для такой охоты нет никаких ограничений ни в сроках, ни в количестве, а главное — далеко не каждый имеет возможность достаточно часто выезжать в отдаленные угодья, где в необходимом количестве обитает обычная дичь, на которую принято напускать тетеревятников — утки, куропатки, фазаны, зайцы. Врановых же в любом населенном пункте и его ближайших окрестностях хоть отбавляй. Но

охота на этих осторожных и сообразительных птиц, конечно, непроста.

Одна из основных трудностей, с которыми пришлось столкнуться Паше, это — невыдержанность ястреба. Дистанция, с которой он реагировал на добычу, была слишком велика. Преимущество тетеревятника в способности быстрее развивать скорость накоротке в таком случае не реализовывалось. Если же он ястреба не отпускал, то вороны, заметив рвущегося с руки хищника, все равно заблаговременно разлетались. Вот тогда охотник и решил попробовать одеть на ястреба клобучек. Традиционно клобучки используют для других ловчих птиц — крупных соколов и беркутов, но попытаться стоило. Когда после многочисленных примерок и переделок клобучок был готов, перед Пашей возникла новая проблема — приучить к нему птицу. Едва на ястреба одевали клобучок, тот терял координацию: заваливался на бок или повисал на руке. Когда же с хищника снимали головной убор, он то ли мученный сиденьем с закрытыми глазами, то ли ослепленный светом, бессмысленно таращился, не помышляя, конечно, ни о какой охоте. Тем не менее в итоге упорных занятий более или менее он привык к клобучку.

К сожалению, по разным обстоятельствам Паша не довел до конца свои опыты. Мне кажется, что для городского охотника возможность использовать клобучек для ястреба дает немало преимуществ, особенно при транспортировке. Очень часто наши птицы ломали себе перья, начав вдруг биться в тесном общественном транспорте или легковой автомашине. В клобучке же ловчие птицы сидят очень смирно, не доставляя неприятностей ни хозяину, ни окружающим.

Из нас всех наибольшее число ястребов держал Саша. Маленькие и большие, молодые и старые — каждый со своими особенностями, все до одного были нежно любими своим хозяином. Только странно — ни один из них ни разу ничего не поймал. Меньше всего это обстоятельство смущало.

щало, кажется, самого Сашу. С неугасающим энтузиазмом взамен улетевших ястребов он тренировал новых, любовно готовил снаряжение — путцы, бубенцы, чинил перья. Возился с хищниками, приезжая домой на обеденный перерыв и вечером после работы.

Довольно скоро выяснилось, что одна из причин неудач — тоже следствие любви к ястребам. Сколько раз с трагическим выражением лица он, ощупывая киль своего разъевшегося тетеревятника, уверял нас, что тот вот-вот протянет ноги от истощения! В конце концов, вняв нашим увещеваниям, Саша в какой-то мере преодолел себя, хотя его птицы всегда оставались самыми упитанными. Главной же была другая причина, и я узнал о ней, присутствуя однажды на очередной тренировке.

Вот что оказалось — Саша работал с птицами в совсем не подходящих условиях. Судите сами. Живет он в двухэтажном доме, а тренирует птиц во дворе. Что же это за площадка? С одной стороны ее ограничивает Сашин дом, с другой — гаражи и сараи (в одном из них Саша держит свой мотоцикл и ястребов), с третьей — какие-то склады или сараи, а с четвертой — еще один многоквартирный дом. Казалось бы, уютный четырехугольный, со всех сторон закрытый двор, вполне пригодный для тренировки ловчих птиц! Но не тут-то было! Постоянно снуют автомобили. Толпятся покупатели (в обоих жилых домах на первом этаже продовольственные магазины), причем среди них есть особая категория, особенно досаждающая Саше — молодые (и не очень молодые) люди, которые проявляют повышенный интерес к Сашиным занятиям — они чинно сидят на лавочках и терпеливо ждут «эрелища». И вот, когда из подъезда появляется Саша и с каменным лицом направляется к гаражу, среди публики сразу замечается оживление: слышны смех, шутки, словом, настроение праздничное, как перед представлением...

Что тут еще добавить? Мне, наверное, хватило бы и десятой доли комментариев и советов, которые выслушивает

Саша за одну тренировку, чтобы навсегда было отбито желание заниматься с ловчими птицами. Я наблюдал, как Постепенно темнело лицо товарища, который, надо отдать ему должное, в остальном никак не проявлял своих эмоций, и чувствовал — во мне растет восхищение его нестигаемым энтузиазмом. Теперь мне стали понятны его просьбы разрешить прийти в ботанический сад и там потренировать свою птицу. И хотя я опасался что его появление там с ловчим ястребом может быть неверно истолковано, после всего увиденного у меня не хватило духа отказать в очередной раз.

Саше не повезло и в ботаническом саду. Первая же его тренировка там оказалась и последней. Тетеревятник заупрямившись, взлетел на дерево и не желал слетать на руку. Скорее всего он был просто недостаточно голоден. Нежась на солнце, он не хотел внять зазывным жестам хозяина, у которого заканчивался обеденный перерыв и пора было на работу, а время неумолимо бежало. Саша был вынужден уехать без птицы. Позже он еще несколько раз приходил сюда, но ястреба найти не смог. Какое-то время беглец не попадался на глаза и мне. Потом, дня через три, я видел, как он довольно неуклюже пытался охотиться на фазанов, а еще через два дня хозяин небольшого домика, находящегося недалеко от тер-

ритории сада, рассказал, что какои-то хищник с ремешками на лапах напал на курицу, которую, правда, удалось отбить.

Наконец, спустя *еще* два или три дня, когда я шел по одной из аллей сада, вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд и, подняв голову, увидел Сашиного тетеревятника. Но в каком виде! Казалось, он состоял из одних глаз, горевших жутким голодным блеском. Старые выцветшие перья (он не линял около полутора лет), многие из которых на крыльях и на хвосте были обломаны, неряшливо торпелились и торчали во все стороны. По счастью, у меня после занятия со своим ястребом в кармане осталось голубиное крыльшко. Увидев его, тетеревятник пришел в страшное возбуждение. Заметался на ветке, не решаясь слететь, ведь он больше недели жил свободным, а для ястреба это срок более чем достаточный для того, чтобы одичать. Один раз совсем вроде решился: слетел с ветки, но перед самой рукой сделал «свечку» и сел на другую ветку, правда на этот раз значительно ниже и, конечно, ближе к крыльшку. Было видно, что долго ему против соблазна не устоять. И действительно, голод взял верх над страхом, и беглец оказался у меня на руке.

Из других Сашиных ястребов мне запомнились, пожалуй, два. Один из них был удивительной красоты — очень крупная и довольно старая самка. Все, от клюва до кончика хвоста, казалось мне в ней идеальным: гармоничное телосложение, ласкающее глаз сочетание цветов, красивый и строгий рисунок. При всем желании не могу себе представить более совершенного ястреба-тетеревятника. Он, судя по поведению на тренировках и притравке, обещал стать хорошей ловчей птицей, но, увы, его постигла судьба большинства Сашиних птиц — он улетел.

Второй ястреб, напротив, был весьма неказистой молодой птицей. Ее хозяин отмечал в ней чрезвычайную стремительность полета, но вместе с тем непримируемую дикость.

— Он улетит на первой же охоте, — говорил нам Саша. И действительно, не ошибся. Но это был тот самый ястреб, которого первым среди своих птиц Саша заставил настоящему попоститься.

Мы еще не доехали до места, где предполагали поохотиться, как увидели первого фазана. Крупный петух, не спеша, с достоинством удалялся от нас в сторону зарослей тростника. Остановили машину, Саша открыл дверцу и поднял руку с ястребом. Тот заметил добычу, когда фазан уже исчезал в тростнике. Ни секунды не раздумывая, тетеревятник рванулся вслед, с фантастической скоростью промчался те пятьдесят метров, что отделяли его от петуха и с треском врезался в заросли. Послышалось хлопанье крыльев, раздался характерный крик фазана, который тот издает, оказавшись в когтях у хищника. Мы выскочили из машины, бросились следом, но опоздали. Сильному петуху удалось вырваться у небольшого, ослабленного голодовкой ястреба. Роняя перья, он вззвился над тростником и снова плюхнулся в самую гущу. Не стал дожидаться нас и тетеревятник и взлетел на ближайшее дерево. Мы остались в отдалении, а Саша пошел манить свою птицу. Безнадежно! Ястреб ни разу даже не взглянул на голубя, которого на шнуре протащил под деревом хозяин. Он презрительно отвернулся и перелетел на другое дерево. Так, от дерева к дереву, мы проследовали за ним несколько километров, и не было даже малейших признаков того, что он может вернуться. Напротив, расстояние, на которое хищник нас подпускал, с каждым разом все больше увеличивалось и, наконец, ястреб улетел так далеко, что мы потеряли его из виду.

Одна из неожиданных особенностей многих ястребов — полное нежелание охотиться на фазана. Ладно бы, что этого не хотели слабосильные самцы, так нет — мощные, дородные самки чуть ли не со страхом взирали на взлетающих с треском, хлопаньем, криками фазанов. Иногда, правда, они даже бросались в погоню, но, настигнув добычу, не

хватали ее, а отворачивали в сторону. Одна из птиц Икара — крупная молодая самка — по непонятной причине прекратив погоню, вдруг возвращалась на то место, откуда вылетел фазан, и там садилась. Едва ли не больше всех недоумевал наш наставник. Он утверждал, что любые ястребы, даже самые мелкие, должны бросаться на этих птиц.

Проверить справедливость его слов не было, конечно, возможности, но факт оставался фактом — фазан, классическая для охоты с ястребом добыча, был многим тетеревятникам не знаком. По-видимому, хищники, прилетающие к нам на зимовку с севера, при современной низкой в большинстве районов численности фазанов просто могли его и не встретить. Скорее всего, чтобы освоить новый вид добычи, привыкнуть, присмотреться, им требуется какое-то время.

О тетеревятниках-выкормышах я могу судить в основном только с чужих слов. У нас в Заилийском Алатау эти ястребы гнездятся настолько редко, что такой случай был установлен всего несколько лет тому назад и, естественно, взять нам гнездарей было просто негде. Алик рассказывал:

— Молодые тетеревятники, как и их родичи перепелятники, очень быстро начинают работать, практически не уступая в ловкости, скорости и охотничьих качествах птицам, пойманным взрослыми.

Бесспорно, ястреб-тетеревятник в наше время — самая подходящая для охоты птица. Его довольно легко поймать, не представляет особой трудности обычно и его вынашивание. Снаряжение для этой птицы требуется простейшее. Диапазон ее охотничих возможностей очень велик: птицы величиной от голубя до гуся, а также зайцы. С ястребом довольно удобно охотиться пешком, что очень важно для городского жителя. По добычливости охота с тетеревятником в определенных условиях может поспорить с ружейной. Содержание этого хищника тоже простое, хотя, конечно, весной его лучше отпускать на волю. Наконец (и

это, пожалуй, самое главное), ястреб-тетеревятник — одна из обычнейших хищных птиц, которую до сих пор считают вредной и в некоторых охотничьих хозяйствах даже выплачивают премии за ее отстрел. Впрочем, следует оговориться: ситуация может очень быстро измениться; существует, к сожалению, немало примеров, когда многочисленные птицы за несколько лет становятся редкими, и нет никакой гарантии, что такая судьба не постигнет и тетеревятника.

ЧЕГЛОК

С самого начала, когда мы все — Паша, Икар и я,— увлеклись охотой с ловчими птицами, возле нас вертелся Рашид. Он всегда был в курсе всех дел, регулярно поднимался в горы к Алику, навещал Икара, при случае помогал мне или Паше. Долгое время его вполне устраивало такое пассивное участие в наших делах, и это не казалось странным. Ведь если Икару, Паше и мне, профессиональным орнитологам, к тому же интересующимся хищными птицами, как говорится, сам бог велел попробовать свои силы в соколиной охоте, то Рашид, тоже зоолог, занимался летучими мышами, которых (впрочем, с некоторой натяжкой) тоже можно было бы назвать «соколами» среди млекопитающих. И все-таки однажды не утерпел и он — решил попробовать свои силы в обучении ловчей птицы.

Когда Алик узнал о намерении Рашида взять из гнезда птенца чеглока, то попытался его отговорить:

— В детстве, — рассказывал он, — отец не раз приносил мне чеглокат. Эти птицы, быстро привыкают, становятся очень ручными и отличаются покладистым характером, почти никогда не царапаются и не кусаются. Поэтому считалось, что чеглок — идеальная птица для выработки у детей первых навыков обращения с хищными птицами. Но не более того. Для охоты чеглоки считались абсолютно непригодными.

Но Рашид, плененный красотой, стремительным и легким полетом соколов, твердо стоял на своем. Не последнюю роль в его решении сыграло и то, что гнездо с тремя маленьными, покрытыми белым пухом птенцами, было уже найдено.

Достали мы птенца, пожалуй, рановато. У него только-только начали пробиваться пеньки, еще скрытые пухом, и лишь темные глаза и клювик выделялись на белом фоне. Птенец слабо шевелился и время от времени тихим, хрипловатым, словно простуженным, голосом, верещал «кай-кай-кай». И Рашид, не долго думая, дал ему имя «Кай». Получилось довольно внушительное имя для такой крохи, На ум сразу шли то ли Каин, то ли Гай Юлий Цезарь...

Когда птенец растет не у тебя и видишь его от случая к случаю, кажется, что он меняется не по дням, а по часам. Так и Кай. Давно ли я держал на руке белый комочек? И вот уже у Рашида на балконе сидит, пусть маленький, но настоящий красавец-сокол! Вырос он, действительно, очень мелким. Возможно, сказалось кормление одним мясом. В природе чеглоката получают обычно много насекомых. Даже у полностью оперившегося, у него был слабенький клюв и тоненькие лапки, а по массе он вряд ли превосходил малую горлицу.

Настала пора приступать к дрессировке. Кай оказался упрямым, и обучение продвигалось плохо. Возможно они с хозяином не «сошлись характерами». Но скорее всего Рашиду просто не хватало опыта и терпения. И тогда по

пытать счастья с Каем решил Паша, тоже, кстати, неравнодушный к чеглокам. Он в это время жил у Алика и много времени отдавал занятиям с орлом-карликом и своим ястребом-тетеревятником. И когда он подключился к Рашиду, дела сразу пошли лучше. Чегложенок вскоре стал хорошо идти на руку, познакомился с ближайшими окрестностями. Новый хозяин позволял ему довольно много свободно летать.

Алика вся эта возня вокруг чеглока раздражала:

— Я считаю это пустой тратой времени. Ты бы, Паша, лучше больше внимания уделил карлику и тетеревятнику.

Но Паша упорно продолжал работу с соколом, и обучение мало-малу продвигалось.

Как-то раз Паша позвонил мне:

— Приезжайте с Рашидом, посмотрите, как Кай работает на вабиле.

И, не жалея слов, он расписал, какое великолепное зрелище нам предстоит увидеть. Мы, конечно, не замедлили явиться.

Горы встретили нас великолепием осенних красок. Насколько эта пора невыразительна в городе, настолько впечатляет в среднегорье. Группы темных елей, словно мрачные айсберги, высится над морем пестрых ярких красок лиственных деревьев: багряной листвы рябины, нежной, зеленовато-желтой осины, переливающейся всеми оттенками оранжевого и красного урюка, желтой бересклета. Шумные стаи чернозобых дроздов облепили боярышник, барбарис, рябину, лакомясь созревшими плодами, на фоне хмурого неба с гомоном проносились сотни зябликов и юрков. Влажная, мягкая, побитая первыми ночных заморозками трава, глушила звуки шагов. Свежий чистый воздух был удивительно прозрачен.

Паша начал демонстрировать успехи Кая, мы, уже растратив изрядную долю эмоционального запала, отреагировали довольно сдержанно. Наш товарищ, ревниво наблюдавший за такой реакцией, был явно разочарован. А

следует признать, добился он немалого. Чеглок исправно шел на вабило, атакуя его, как и положено, на встречном курсе, демонстрировал неплохую скорость и маневренность. Но не чувствовалось в нем огня, азарта, он был вроде отличника с первой партии. Да и свежи еще были воспоминания о маленьких дьяволятых-дербниках. Броски у них были намного круче. А как быстро они набирали скорость! Правда, они достигли этого не сразу. Но таково уж свойство нашей памяти: она дольше удерживает наиболее яркие впечатления.

Не дождавшись от нас комплиментов, Паша все-таки получил полноценную компенсацию. Молча наблюдавший за тренировкой Алик только и сказал:

— Кажется, ловчий будет.

Для всех нас это означало: удалось поколебать уверенность в непригодности чеглока в качестве ловчей птицы у человека, которого мы считали в этих вопросах непререкаемым авторитетом. Что ж, Кай и его воспитатель были на верном пути.

Справедливости ради надо сказать, что в одном из номеров журнала «Охота и охотничье хозяйство» помещена статья о сокольнике из России, который успешно охотился с чеглоками на жаворонков.

На меня же в тот день наибольшее впечатление произвела способность чеглока к парению. Пущенный полетать, он лавировал между нами в метре от земли на неподвижных крыльях, которые были как-то странно, серповидно, книзу изогнуты. Казалось уму непостижимым, как может соколок минута за минутой, без единого взмаха крыльев, не теряя высоты, легко и изящно скользить над землей, плавно огибая препятствия!

Когда Кай достаточно окреп, став неплохим летуном, практически безошибочно шел на вабило, наступило время притравки его на живую птицу. Вопреки опасениям и пессимистическим прогнозам Алика, он сразу активно начал преследовать добычу. Мы напускали чеглока на мелких

птиц, стремясь создать наиболее благоприятную для него позицию. Например, разгоняли его на вабиле и, когда соколок, набрав высоту, заходил на очередной бросок, выпускали птицу на открытом, лишенном растительности участке. Сначала напуски заканчивались одинаково: либо Кай не успевал догнать добычу прежде, чем та достигала спасительных кустов, либо промахивался раз, а для второго промаха у него уже просто не оставалось времени — птицы успевали скрыться раньше.

Самым обидным было то, что зачастую не хватало буквально нескольких сантиметров, когда, загнав добычу в куст, он взмывал вверх вместо того, чтобы продолжить погоню. Как тут было не вспомнить о дербниках! Тем такая ситуация была даже кстати. Они с треском врезались в гущу ветвей и, как правило, оказывались расторопнее спасающихся птиц. А чеглок есть чеглок, это — птица открытых пространств, ей нужен простор, где она может использовать свой главный козырь — скорость.

Однако чеглоченок показал, что нет правил без исключений. Раз за разом он все смелее лавировал среди кустов, более того, в конце концов стал как заправский дербник гонять добычу в довольно густых зарослях и, нередко добивался успеха.

Однажды во время тренировки произошел случай, который мог иметь для Кая печальный исход. Не догнав птицу, он присел отдохнуть на макушку ели. И вдруг, откуда

ни возьмись, появилась крупная самка ястреба-тетеревятника и бросилась на чеглока. Паша и Рашид, бывшие свидетелями этой сцены, испугались, что она сейчас сгребет неопытного соколенка, который, возможно, и не подозревал, какой смертельной опасностью грозит ему появление страшного хищника. Но не тут-то было! Кай все прекрасно понял и, увернувшись от ястреба, слетел Паше на руку.

На дворе стоял ноябрь, в горах эта пору уже холодно, но чеглок держался молодцом. Правда, у него заметно возрос аппетит. Едва дождавшись рассвета, он будил по утрам Пашу жалобными криками, требуя корма. Потребность в пище у него возросла по меньшей мере вдвое.

Крутый поворот в жизни Кая произошел с отъездом Паши. Тот, правда, был непрочь захватить чеглока с собой, но у него был, кроме того, ястреб-тетеревятник, а Рашид оставался без птицы. Так случилось, что Кай вновь переселился в городскую квартиру. Здесь кончились для него всякие охоты, и лишь раз в день Рашид выносил его на пустырь, чтобы погонять на вабиле. Во время одной из таких разминок налетела стая серых ворон. Темным клубком навалились они на бедного соколка и погнали его над городскими кварталами. Рашид отчаянно вращал вабило, но Каю было не до того — все его внимание было сосредоточено на том, чтобы вовремя увернуться от очередной атаки одной из ворон. Вскоре он исчез за одним из высоких зданий, а безуспешные поиски прервали опустившиеся сумерки.

Больше мы Кая не видели. Но нам очень хотелось верить, что время, затраченное на обучение его охоте, не было потеряно напрасно, и он сумел выжить и без человеческой опеки.

ОРЕЛ-КАРЛИК

Признаться, мы ничего не слышали о возможностях орлов-карликов как ловчих птиц. Ноказалось невероятным, что никто не соблазнился исключительной ловкостью и

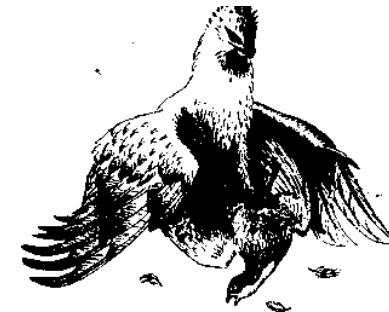
смелостью этих птиц. Во всяком случае нам с Пашей хотелось составить о них собственное мнение.

Однажды такая возможность представилась. Паша был в экспедиции в Джунгарии и почти все время посвящал наблюдениям за «карликами», их охотой, воздушными играми. А нам писал подробные письма об этом. Из них я узнал,

в частности, что он нашел два гнезда. Одно из них было под угрозой гибели. Оказалось, неподалеку велась рубка леса, и, даже если бы дерево с гнездом и уцелело, вероятность того, что напуганные работой лесорубов орлы бросят гнездо, была велика. Могли его и просто разорить... Однажды ранним утром меня разбудил телефонный звонок. Это был Паша. Он привез птенца и предложил поехать к Алику.

И вот, наконец, большая картонная коробка с орленком стоит во дворе у Алика. С нетерпением мы склонились над ней, ожидая, пока Паша распутает веревки. Я никогда раньше не видел птенца орла-карлика, а Алик с Абдуллой вообще впервые о существовании такой птицы узнали от нас. Последнее обстоятельство было просто удивительным, ведь братья отлично знали хищных птиц! Нередко бывало, что, заметив вдали какого-нибудь хищника, почти точку в небе, мы с Пашей хватались за бинокли, пытаясь рассмотреть его, а Алик, едва кинув взгляд, почти всегда безошибочно определял его видовую принадлежность, а зачастую еще и пол и возраст...

Когда Паша осторожно вытряхнул орленка из коробки на траву, тот, прежде чем мы успели что-нибудь сообразить, сделал молниеносный бросок к ближе стоящему че-

ловеку (им оказался Алик) и вцепился в руку. Из-под когтей брызнула кровь. Братья обменялись восхищенными взглядами и принялись, осторожно разжимая птичьи пальцы, вытаскивать по одному когти из руки.

После минутной возни, когда Алику удалось наконец освободить руку, Карлушу — так мы впоследствии окрестили с Пашей птенца — опустили на землю. Мы принялись его рассматривать. Нашим глазам открылась трогательная картина: маленький взъерошенный птенец, полагая, очевидно, что настала его последняя минута, приготовился дорого отдать свою жизнь. Приоткрытый клюв, темные глаза, мечущие молнии, длинные ланцетовидные перья на темени и затылке, поднятые как у рассвирепевшей гарпии, — все это принадлежало небольшому существу, действительно карлику с куцым хвостиком и султанчиками белого детского пуха, проглядывающего на голове, спине и груди. Все это вызывало наше общее восхищение. Но мы заметили у орлена и то, что как бы говорило: воинственный облик не просто камуфляж. Взгляд невольно притягивали лапы: мощные оперенные цевки, толстые ярко-желтые пальцы, вооруженные черными, блестящими, длинными, угрожающе изогнутыми когтями. Они были настолько велики, что не испортили бы портрета птицы и вдвое крупнее орла-карлика.

Абдулла и Алик с полчаса обследовали птенца, обменивались вполголоса короткими замечаниями. Они ощупывали мышцы ног, подсчитывали количество щитков на внутреннем пальце, проверяли толщину и крепость костей крыльев, детально исследовали десятки других признаков. Мы наблюдали и, признаться, волновались, понравится ли братьям орленок?

Ну вот осмотр завершен и, помолчав минуту, Алик заговорил:

— Удивительная птица! Очень похожа на беркута. Если приметы, отличающие хорошего беркута, верны и для карлика, у него прекрасные данные.

Особый восторг у братьев вызвали белые пятна на плечах птицы. Оказывается, такие же пятна иногда видны и у беркутов, хотя обычно их слегка или полностью прикрывают бурье перья. Если есть эти пятна, значит, не ошибешься в предварительной оценке рабочих качеств беркутов. Пожалуй, единственный серьезный (по беркутным меркам) недостаток карлика — слабоватый клюв, а главное — небольшие ноздри.

Оба брата были едины в том, что никогда прежде не видели орлов-карликов. Правда, среди казахов-охотников ходили легенды о двух каких-то таинственных хищных птицах, которые якобы в давние времена использовали в качестве ловчих. Одну из них называли *бидаяк*, а другую — *караклыши*. Алик рассказал о том, о чем он услышал от своего отца, а тот — от какого-то старика-охотника. *Караклыши* (черный меч) — это самый быстрый, очень сильный, смелый и азартный хищник небольшой величины. Мы перебрали в памяти всех возможных хищников:

— По-моему, больше всего подходит *шахин*. Хотя есть существенное возражение — он вовсе не черный, — сказал я.

— Если считать, что это *бидаяк*, то он должен быть покрупнее, достаточно ловким, чтобы ловить птиц на лету, — заметил Паша.

— Мне рассказывали, что птенцов *бидаяк* выкармливает исключительно сердцами своих жертв, — добавил Алик. — Настигнув птицу в воздухе, он наносит ей удар лапой с такой силой, что распарывает грудную клетку и вырывает еще бьющееся сердце.

— На эту роль могли бы, пожалуй, претендовать два близких родственника, два орла, — ястребиный и карлик, — рассуждал я. — Причем карлик в большей степени, ведь он ловит почти исключительно птиц и, пикируя с большой высоты, действительно наносит ей сильный удар. Наверное, это и могло послужить основанием для легенды, тем более, что охотникам всех времен в богатстве воображения не откажешь...

Рос карлуша медленно. Паща привез его почти оперившися, но прошло более месяца, прежде чем отросли и высохли перья на крыльях и хвосте и полностью выпал детский пух. Алик не спешил с началом занятий. Он добился лишь, чтобы орленок ел у него на руке. Но именно это и было очень важным для завоевания доверия у осторожной и упрямой птицы.

Даже с полностью отросшим хвостом и крыльями орленок так и не превратился во внушительного хищника. Он был заметно меньше некрупного балобана, который в то время жил у Алика. Скорее всего Карлуша оказался самцом (а они, как известно, у орлов-карликов значительно меньше самок).

— Большая птица — большой характер,— часто любит повторять Алик. Это означает, что чем крупнее вид ловчей птицы, тем больше времени и сил необходимо затратить на ее подготовку, что, усвоив что-нибудь, большой хищник это надолго запоминает. Но на сей раз поговорка не оправдывалась. По своей неуступчивости Карлуша мог спорить с беркутом. Несмотря на то, что в его выноске деятельное участие принимал и Паша, живший в то время в горах у Алика, дело продвигалось медленно.

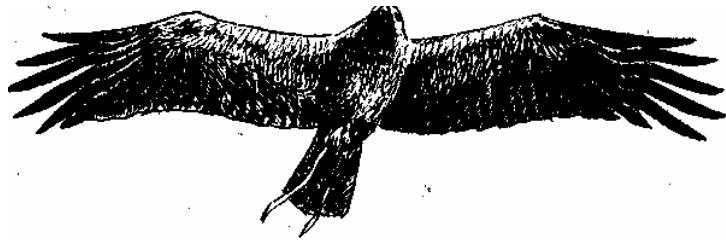
Настало наконец время, когда карлик начал безотказно идти на руку. Хотя его и пускали без шнура, он не делал попыток улететь. Разве что покружит немного и сядет на возвышающуюся высоковольтную опору. Честно говоря, он не производил в воздухе особого впечатления — летал медленно и как-то вяло. Трудно было поверить, что такая птица способна поймать в воздухе какого-нибудь хорошего летуна, как, например, сизый голубь. Алик не спешил с выводами, но и особого восторга в адрес своего питомца не выраживал. Да и новые птицы (а он наловил к этому времени с пяток ястребов, причем среди них одного белого, так называемого *туйгун*, высоко ценимого среди казахов) отодвинули на некоторое время Карлушу на второй план.

Однажды произошёл эпизод, подогревший угасший было интерес к орлу-карлику.

Я решил немного поносить его на руке и, когда он вдруг неожиданно дернулся, не удержал путцы. Карлик, сделав круг, сел на высоковольтный провод. Испугавшись, что он улетит, я позвал Алика. Тот надел перчатку и, зажав в кулаке кусок мяса, зашел прямо под птицу и начал маниТЬ. И тут Карлуша сделал то, чего я меньше всего от него ожидал. Он сложил крылья и камнем упал вниз. Бросок был настолько неожиданным, а удар таким сильным, что рука Алика резко дернулась вниз, а на ней повис, вцепившись мертвой хваткой в перчатку, орел.

Вскоре карлика впервые пустили на живую птицу. К сожалению, это происходило без меня. Знаю только, что жертвой охоты стал чернозобый дрозд с подрезанными крыльями. Напускали на пологом склоне, причем Карлуша в этот момент был выше жертвы. Он легко настиг дрозда и взял его с первой попытки.

Услышав об успешном испытании, я тут же приехал, прихватив с собой голубя. Абдулла с карликом поднялся на тридцатиметровый береговой обрыв, а я с голубем остался внизу на обширном галечнике. Едва Карлуша увидел у меня в руке птицу, как рванулся с перчатки и, поджав крылья, стал стремительно снижаться. Когда он пролетел метров двадцать пять и расстояние между нами сократилось примерно на треть, я пустил голубя. На наших глазах разыгрывалась одна из тех сцен, которые в природе происходят часто и везде, где встречаются хищник и жертва. Правда, на сей раз мы, люди, поставили их в неравные условия: орел имел более выигрышную позицию. Однако и у голубя был хороший шанс: крепкая здоровая птица противостояла всего лишь неопытному птенцу. И сначалаказалось, что голубь спасется: он сделал неожиданный ход — не стал набирать высоту, а быстро разогнавшись, устремился, стелясь над землей, встречным курсом и прокользнул под карликом прежде, чем тот успел достаточно

снизиться. Орлу пришлось поворачивать почти на сто восемьдесят градусов, теряя, таким образом, преимущество в скорости; не оставалось у него и запаса высоты.

Я смотрел вслед удаляющемуся голубю и досадовал на то, что выпустил его слишком рано. Карлуша гнался за ним, тяжело работая крыльями. Выглядело это довольно-таки безнадежно, и я мечтал только об одном — поскорее бы орел понял бесплодность своих усилий и прекратил погоню раньше, чем скроется из виду. Голубь тем временем повернулся вдоль склона, и тут вдруг стало видно, как быстро тащит расстояние между ним и хищником. Казалось, Карлуша не спеша машет крыльями да и летит вроде медленно, однако прошла еще секунда — другая — голубь заметался, карлик сделал ловкий маневр, и вот уже добыча забилась в его когтях...

В другой раз карлика выпускали на кеклика, которого накануне поймали с помощью балобана. Загнанный соколом в куст, он предпочел даться в руки человека новой атаке хищника. Орла пускали с того же обрыва, а кеклику подрезали крылья: очень важно было, чтобы орел-карлик непременно поймал его, ведь в дальнейшем мы предполагали использовать карлика для охоты на кекликов, а он должен был убедиться, что ловить этих птиц ему вполне по силам.

Обе птицы повели себя не так, как мы ожидали. Хищник вместо того, чтобы пикировать, плавно выписывал кру-

ги, а кеклик не стал бежать к спасительным кустам, а залег среди камней на открытом, как стол, селевом наносе. Пришлось вспугнуть кеклика. Он быстро побежал, даже не пытаясь взлететь, а карлик, круживший над ним, вдруг сложил крылья и камнем упал вниз. Многие орлы способны так охотиться, однако в последний момент, у самой земли, они, расправив крылья, тормозят и, лишь погасив скорость, хватают добычу. Иначе Карлуша. Он с громким шлепком обрушился на жертву и, вцепившись в нее когтями, покатился, несколько раз перевернувшись через голову. Затем он застыл над кекликом в великолепной позе: расправленные крылья, поднятая голова, вздыбленные на шее перья. Он был вновь удивительно похож на миниатюрную гарпию.

На охоту орел-карлик съездил лишь один раз. Весь долгий путь в машине он с упорством, достойным лучшего применения, бился в окно. Когда мы, наконец, прибыли на место, ему было уже не до охоты. Измотанный, он сидел на руке с отрешенным видом, а то вдруг срывался и повисал на должнике, даже не пытаясь вновь взлететь на перчатку. В довершение всех неудач мы после полудня добросовестных поисков, прочесав десятки ущельиц, вспугнули в конце концов только одну маленькую стайку кекликов, причем они взлетели настолько далеко, что Карлуша их и не заметил. Мы брали с собой и балобана, которому удалось одного кеклика поймать. Увидев мертвую птицу, карлик прореагировал очень вяло, как бы нехотя слетев после минутного колебания.

Между тем надвигалась зима, а с ней и холода. Тепло-любивый карлик целыми днями тоскливо кричал, зябко взъерошив перья и пряча в них то одну, то другую лапу. Его постоянно била мелкая дрожь, исчез блеск в глазах, и вообще он производил очень жалкое впечатление. К тому времени уехал Паша, да и Алику, поймавшему двух беркутов, прибавилось забот. Саша и я уже имели птиц, и взять еще одну, к тому же такую криклившую, означало

окончательно испортить отношения с соседями. Оставался один выход — зоопарк. Так однажды он вместе с белым ястребом перекочевал в вольеру городского зоопарка.

Иногда, собираясь вместе, мы вспоминаем Карлушу и спорим — мог бы он стать хорошей ловчей птицей? И сходимся на том, что, наверное, мог бы. Но вряд ли лучше тетеревятника или балобана. А если учесть, что работы с ним гораздо больше, что он не в меру криклив и не переносит холода (и еще считается редкой птицей, занесен в Красную книгу), то, пожалуй, двух мнений быть не может — орлу-карлику место на воле.

«СОКОЛ-ДУШИТЕЛЬ»

Именно так (или еще «сокол-убийца») называют балобана немцы. Вообще люди, писавшие об этом хищнике, не скучились на громкие эпитеты. Вот, например, какие мы находим у некоторых авторов: «Одна из самых импонирующих птиц нашего континента» — у Баумгарта, «исключительно быстрый и ловкий сокол» — у Гржимека, «очень мощный и дикий, нападает на животных, которые намного больше, чем он сам» — у Питерсона.

Прочитав такие характеристики, невольно заинтересуешься птицей, которой они адресованы. Наверное поэтому, а также благодаря тому обстоятельству, что в Казахстане этих соколов еще кое-где можно встретить, они давно и прочно завладели моим воображением.

Сейчас я знаю об этой птице, пожалуй, достаточно, чтобы самому судить, насколько справедливо то, что о ней пишут. И, надо сказать, ничего такого я в балобанах не обнаружил и был даже поначалу разочарован. Конечно же, никакой он не душитель. Как и все настоящие соколы, балобан умерщвляет добычу клювом, перекусывая шейные позвонки, а не душит, как можно заключить из его названия. Скромная расцветка, плавный, неторопливый полет и, наконец, не слишком украшающее благородного сокола

пристрастие к охоте на небольших грызунов — вот что бросилось в глаза при первом знакомстве с ним! Где уж было ему тягаться с такими рафинированными хищниками, как сапсан, шахин, кречет!

Но время шло, и балобаны вновь начали отвоевывать место в моем сердце. Обитатели неприветливых, пустынных ландшафтов, они сумели великолепно приспособиться к суровым условиям. Скромная расцветка? Что ж, она идеально соответствует окружающей обстановке. Неторопливый полет? Оказывается, он в нужный момент может за долю секунды преобразоваться в мощный и стремительный. Питается грызунами? Да и чем еще можно выкормить птенцов в пустыне? Впрочем, при случае балобан не преминет разнообразить свой стол более изысканной пищей, например, голубями или рябками — птицами, с полным правом носящими репутацию отменных летунов.

По-настоящему же симпатичными балобаны стали мне после того, как я узнал, каковы они в неволе, а именно — в качестве ловчих птиц. Первый такой сокол, с которым мне пришлось столкнуться, принадлежал сначала Саше.

Однажды позвонил Икар и рассказал:

— Я познакомился с сокольником. У него есть рабочий балобан. Вот его телефон.

Заинтересовавшись возможностью увидеть дрессированного сокола и познакомиться с человеком, сумевшим его подготовить, я немедленно позвонил и договорился о встрече. Это и был Саша. Он подъехал на машине с товарищем, и мы отправились в горы к Алику. По пути я рассмотрел моего нового знакомого: крупный добродушного вида мужчина лет тридцати пяти — сорока в правой руке, защищенной мотоциклетной крагой, держал такого же добродушного вида сокола. Рассмотрел я и балобана. Несмотря на относительно небольшие размеры, он, благодаря широкой груди и массивной голове, производил впечатление крепкой птицы. Распустив «бороду», сокол с любопытством, но без тени страха поглядывал на нового человека. Колокольчик, совершенно скрытый от глаз перьями под хвостом, глухо позывкал (не знаю, почему Саша поместил колокольчик не на хвосте, как обычно, а под ним).

— Где вы купили эту великолепную птицу?

— У местных жителей в районе озера Иссык-Куль. Я уже несколько лет знаком с киргизскими сокольниками, — неторопливо заговорил Саша. — Надеялся через них достать тетеревятника — птицу, о которой я мечтал уже много лет. Но вот лишним оказался только птенец балобана. Они после долгих уговоров уступили его.

Из рассказа Саши я узнал, что своим главным успехом в работе с питомцем он считал его полное приручение.

— А вот до охоты дело не дошло, — разочарованно заметил сокольник. — Правда, он задавил несколько подранков, но на диких птиц я и не пытался его напускать.

К Алику Саша ехал с тайной мечтой обменять сокола на желанного тетеревятника, на что тот сразу согласился. Безбоязненно посадив балобана на голую руку, Алик принял его разглядывать, ощупывать, расспрашивая хозяина, как он с ним занимался. Саша пожаловался:

— Что-то последнее время он плохо стал идти на руку.

— Для такой жирной птицы это неудивительно, она могла и вовсе улететь! — заметил на это Алик.

Мы, конечно, тогда еще не знали об одной Сашиной слабости: он из нежной привязанности к своим птицам щедро их кормил и именно по этой причине еще долго не мог добиться успеха с самыми разными ястребами: те были настолько откормлены, что либо не желали смотреть на дичь, либо улетали.

Алик не форсировал подготовку сокола. Прошел добрый месяц, прежде чем тот достиг оптимальной упитанности. И тут выяснилось: он вовсе не апатичный, как сначала показалось, напротив, будучи далеко не худым, он с такой жадностью бросался на мясо, так азартно гонялся за ванилом, что обещал стать неплохой ловчей птицей.

Еще спустя месяц мы выехали с балобаном на первую охоту. Кекликов было мало, мы вспугнули только две стайки. Тем приятнее был успех — балобану удалось поймать одну птицу.

Кеклики взлетели ниже по склону примерно в ста—ста-пятидесяти метрах. Стайка, за исключением одной птицы, перевалив через гребень, скрылась. Балобан же погнался за кекликом, который полетел прямо. Расстояние между ними медленно, но верно сокращалось. Мы во весь дух бежали следом. Пролетев около трехсот метров, кеклик оказался на обширной межгорной долине с небольшими разбросанными кое-где холмами, на один из них он и опустился. Следом спикировал сокол. Добежав до холма первым, я увидел балобана, сидящего на камне и пристально взглядывающегося в куст таволги, росший у подножия. Догадавшись, что кеклик там, я приблизился и вскоре действительно выпугнул птицу. Не решаясь подняться в воздух, она попыталась спастись пешком. Ей удалось несколько раз увернуться от наседавшего сзади сокола. Но исход встречи был предрешен, мы понимали, что когтей хищника ему не миновать. Так оно и получилось.

Несмотря на то, что почин был сделан, я испытывал

некоторое разочарование. Ведь эти охоты предшествовали долгие беседы за чашкой чая, когда мы, затаив дыхание, слушали рассказы Алика о балобанах. Правда, самые замечательные случаи происходили обычно очень давно, а сам он о них слышал от отца или стариков. Одна из таких легенд мне запомнилась.

...Однажды пара балобанов поселилась на высоком дереве, заняв чье-то старое гнездо. Когда птенцы стали настолько большими, что отцу семейства прокормить их было уже трудно, пришлось отправиться на охоту и самке. Возвращаясь с добычей к гнезду, она вдруг увидела, что на нем сидит огромный беркут и доедает последнего птенца. Выронив добычу, она сложила крылья и обрушилась на врага с такой силой, что под дерево упали мертвый орел, оглушенный соколом и... гнездо — ветки, на которых оно помещалось, не выдержали удара и обломились. Эту картину наблюдал охотник, который пас неподалеку свой скот. Он выходил балобана, ставшего замечательной ловчей птицей. Если этот сокол делал бросок на стаю летящих кекликов, то, прошивая ее, ухитрялся выбить сразу несколько птиц, так что они дождем сыпались на землю...

Ничего похожего, конечно, ни на первой охоте, ни в последующем мне увидеть не пришлось. Да и трудно было от нашего балобана ожидать выдающихся результатов. Не говоря о неопытности и слабой тренированности, ему мешало плачевное состояние оперения. Птенцом, в период роста перьев (по-видимому, когда его взяли из гнезда), он, без сомнения, перенес голодовку, что роковым образом сказалось на их прочности. Практически на каждом крупном пере была заметна блеклая поперечная полоса. Маховые и рулевые перья, на которые во время полета приходится основная нагрузка, одно за другим обламывались по этой полосе, и вскоре сокол имел хвост, вдвое короче нормального, а крылья круглые, как у сороки.

Одним из качеств, которое Алик ценил в своем балобане, был охотничий интерес к млекопитающим. Он обнару-

жился, когда мы однажды возвращались с неудачной охоты. Уже недалеко от города дорогу машине преградила отара овец. И вот, когда мы медленно сквозь нее протискивались, сокол вдруг пришел в сильное возбуждение. Всегда безупречно сидевший во время поездок на руке хозяина, он с осторожением начал биться в стекло. Мы сначала подумали, что он заметил какую-нибудь птицу, однако вокруг никого, кроме овец, не было. Балобан же уставился на них горящими глазами и, не сомневаюсь, дай ему возможность — вцепился бы в любую.

Чтобы и дальше развивать в балобане эту наклонность, Алик стал его регулярно напускать на кроликов, которых разводил исключительно для кормления и притравки ловчих птиц. Клеточные зверьки, начисто лишенные осторожности, легко становились добычей балобана. Любопытно, что он с первого раза и постоянно в дальнейшем стремился нанести удар по голове — прием, по-видимому, наследственно закрепленный. После такого удара кролик, обычно пролетев несколько метров кувырком, падал замертво, а сокол взмывал круто вверх, готовый повторить атаку, если понадобится. Увидев же, что зверек неподвижен, он плавно опускался и перекусывал кловом шейные позвонки. Один раз я забрал кролика у балобана, чтобы посмотреть, каковы следы смертельного удара. На голове, точно посередине между ушами, мне удалось обнаружить небольшой и очень аккуратный, будто сделанный острым лезвием, разрез длиной в два сантиметра. Череп пробит не был. Такая травма сама по себе ни в малейшей степени не могла угрожать жизни зверька. Убил же кролика скорее всего удар.

Несколько кроликов когда-то сбежали, быстро одичали, но остались жить поблизости, устроив свои норы и ходы под камнями и в стоге сена. Кто только на них не охотился! Не считая самого Алика и его борзой — тазы, ловчих птиц — беркутов и тетеревятников, которых он напускал при каждом удобном случае, вкусным мясом непрочь были поживиться дикие беркуты и тетеревятники, ежедневно

появлявшиеся над склоном, а также лисы и куницы. И, тем не менее, два-три самых ушлых зверька уцелели.

Однажды на одного из этих кроликов, рискнувшего удалиться на полтора десятка метров от норы, Алик напустил своего сокола. Кролик, однако, был начеку и со всех ног пустился к стогу. Меньше метра разделяло хищника и зверька, когда тот юркнул в нору, вырытую прямо в сене. Каково же было наше удивление, когда и балобан, не снижая скорости, последовал за добычей. Спустя несколько секунд с противоположной стороны стога вынырнул перепуганный кролик и метнулся уже к настоящей норе, уходящей под камень. В этот момент, тоже с противоположной стороны стога, появился балобан. Ослепленный солнцем, он не заметил, куда скрылся преследуемый им зверек и остановился, озираясь по сторонам. Его и без того воинственный вид усугубляли соломинки, прилипшие на голове наподобие боевого наряда вождя апачей.

О том, что балобанов натаскивали для охоты на мелких антилоп и даже травили на людей, мне приходилось читать, но представить, как такого можно было добиться, я не мог. Наблюдая за нашим соколом, понял, что и с ним, причем без особых усилий, можно было достигнуть того же. Укрепил меня в этом мнении случай с писом, по кличке Турист. Это звучное имя носила молодая собака, которую в глухом горном ущелье маленьким щенком, неведомо как туда попавшим, нашел когда-то Алик. Турист вырос крепким, ростом с фокстерьера писом, причем вполне оправдывал свою кличку пристрастием к бродяжничеству. Он очень любил сопровождать Алика, когда тот выносил своего сокола на тренировку. С видом знатока и ценителя пес наблюдал за напусками на голубей, работой на вабиле, Но однажды этому пришел конец.

В тот день Турист, как обычно, сев на задние лапы и вывалив язык, важно наблюдал за бросками балобана на вабило. Отдергивая его в последний момент, Алик так раздорил сокола, что тот, вдруг слегка изменив направление,

стремительно спикировал на пса и огrel его по голове. Турист, жалобно взвизгнув, бросился наутек, но на него тут же обрушился второй удар, ну, а после третьего хищник вцепился когтями в голову обезумевшей от боли и ужаса собаки... и принял ее оципывать. К счастью для Туриста, поблизости оказался забор с маленькой дыркой под ним. Протиснувшись в нее, он сумел стяхнуть с себя своего мучителя и спасти свой скальп. С тех пор стоило Алику взять балобана на руку, как пес исчезал в своей будке и не высывал оттуда носа, пока птицу вновь не водворяли на седало. После того, как Алик подарил первого балобана своему другу чабану, Турист успел, видимо, позабыть полученный урок. Но появился новый балобан, и в один прекрасный день история повторилась.

Перелиняв весной и летом своего второго года жизни, балобан превратился в настоящего красавца. На его крыльях, спине и надхвостье появился темно-сизый нарядный оттенок, широкие полосы на груди и брюшке заменили четкие каплевидные пятнышки, голубые лапы и восковицы начали понемногу желтеть. Одним словом, сокол надел свой взрослый наряд.

Помня слова о том, что сокол становится настоящим охотником после первой линьки, мы с нетерпением ждали начала нового охотничьего сезона.

Правда раньше случилось происшествие, которое едва не привело к потере сокола. Только уехал на неделю Алик покупать себе лошадь, как неожиданно мне позвонила его жена:

— Балобан улетел, но, как будто, держится неподалеку.

— Ладно, оставляю все дела и еду в горы,— быстро сориентировался я.

Поиски в течение полудня ничего не дали. Положение осложнялось тем, что в период линьки с птицей никто не занимался (чтобы случайно не повредить растущие перья), ее только усиленно кормили и снабжали водой для купания. За четыре месяца такого содержания сокол, конечно

же, немного одичал и ожирел. К счастью, все наши волнения оказались напрасными: через пять дней вольной жизни балобан сам вернулся, причем не было заметно, чтобы он сильно исхудал.

— Казахи молодых беркутов и балобанов, взятых из гнезда, безбоязненно выпускали, едва они начинали летать,— рассказывал Алик.— При этом птицы иногда исчезали даже на несколько дней, но всегда возвращались.

— Как долго их выпускали свободно летать? — поинтересовался я.

— Обычно до тех пор, пока молодой хищник в один прекрасный день не возвращался с мясом в зобу. Это означало: птица стала настолько самостоятельной, что сумела поймать свою первую добычу, пора сажать ее на привязь и начинать подготовку к охоте.

— Получается так,— рассуждал я,— без всяких усилий охотника его питомец овладевал летным искусством, входил в хорошую физическую форму, учился ловить добычу...

— Конечно, такое могло происходить тогда, когда человек не имел ружья,— сказал Алик.

— Ты хочешь сказать, что никто не палил по первому хищнику, когда он подлетал на расстояние, как сейчас говорят «ружейного выстрела?»

— Да, хищник не боялся выстрела, как теперь.

Признаться, я недоверчиво отношусь к подобным рассказам, но сейчас задумался, потому что все балобаны, с которыми нам приходилось работать, производили впечатление именно таких птиц.

— Быть может в этой привязанности птицы к человеку и месту, где она выросла, и состоит главное очарование сдержания балобанов? — спросил я Алика.

— Наверное, так. Казахское название этого сокола — *ительги* — происходит от слова *ит* — собака — и дано ему потому, что балобан способен на собачью преданность. Сокол ведь прекрасно знает своего хозяина, выделяет его среди других людей...

—Согласен. Я читал, что сокол может узнатъ хозяина в любой одежде и даже в толпе людей; известны случаи, когда балобаны признавали своего воспитателя после продолжительной разлуки.

Погожим осенним днем мы, наконец, отправились на охоту. Живописные скалы перевала Архарлы под лучами солнца горели ярчайшими красками различных оттенков — оранжевого, розового, охристого. Едва мы вышли из машины, как уже услышали первых кекликов. Еще в дороге Алик предупредил:

— Сокол не в лучшей форме. Надо хорошо подготовить первый бросок, иначе птица быстро утомится, к успеха не жди.

Заметив место, где кричали кеклики, мы попытались незаметно из-за гребня подойти так, чтобы оказаться выше. Едва мы выглянули из-за скалы, как прямо над нами с шумом сорвался кеклик и помчался вдоль склона. Балобан, было, рванулся следом, но сразу безнадежно отстал и, сделав круг, вернулся на руку хозяина.

И все-таки мы в тот день добыли двух кекликов, причем не столько благодаря ловкости сокола, сколько нам «помог» тот ужас, который внушает этот хищник своим жертвам. Обоих мы взяли руками — одного Паша с трудом вынул из глубокой трещины скалы, другого я извлек из-под куста эфедры. Конечно, загнал их туда балобан, но без нашей помощи он вряд ли смог бы их добыть.

Мне вспоминается и другой случай, когда парализующий страх, который внушает балобан кекликам, решил исход охоты. Однажды с другим соколом мы поехали попытать счастья на куропаток. Когда вспугнули кекликов на крутом склоне, они, заметив хищника, устремившегося следом, круто спикировали вниз и попадали в кусты у самого подножия, а один, растерявшийся, выскоцил на галечник и замер на совершенно открытом месте. Балобан, гнавшийся за другим кекликом, даже не заметил неосторожной птицы и вернулся к хозяину. Мы договорились с

Аликом, что он с соколом займет удобную позицию, а я вспугну притаившегося кеклика. Но ничего у нас не вышло. Я подошел на пять, три, один метр — птица словно окаменела. Тогда я наклонился и взял ее в руки — бедняга и не думала сопротивляться.

Разогнав всех кекликов, мы так и не смогли больше ни одного поймать и поехали назад. Дорога, вырвавшись из тесного, извилистого ущелья, бежала по ровной долине. И вдруг недалеко от обочины мы заметили ворона. Он деловито ковырял какую-то дохлятину и вопреки обычной осторожности этих птиц не прекратил своего занятия и тогда, когда машина остановилась в тридцати метрах от него. Заметил ворона и балобан. Только стоило Алику открыть дверку, как он бросился в атаку. К нашему удивлению, ворон не только не пустился наутек, но и вообще никак не прореагировал на приближение хищника. Балобану приходилось преодолевать сопротивление довольно сильного встречного ветра, поэтому он стелился над самой землей, а скорость была не очень велика. Настоящего броска, конечно, не получилось. Сокол попытался ударить ворона по голове, но тот хладнокровно пригнулся. Балобан развернулся и сделал еще один короткий бросок. На этот раз ворону пришлось отскочить в сторону, а хищник опустился в метре от него на землю. И тут мы увидели, каким миниатюрным был наш балобан рядом с этим черным чудовищем, вооруженным могучим клювом. Кажется, понял это и сокол. Он остановился в нерешительности, а ворон, как будто поняв, что поесть спокойно ему не дадут, схватил в клюв нечто, похожее на высокий труп песчанки, расправил крылья и, подхваченный ветром, как по мановению волшебной палочки, взмыл без единого взмаха вверх и сел на стол.6

Мы решили дать балобану возможность реабилитировать себя и тут же пустили его на одного из пойманых в тот день кекликов, которые целыми и невредимыми сидели в мешочке. Сначала показалось, что сокола ждет второй

110

конфуз. Кеклик помчался как ракета, а хищник, хоть и не прекращал преследования, но отставал все больше. Не прошло и минуты, как обе птицы превратились в две маленькие точки. В бинокль было видно, что кеклик, уже, казалось бы, выигравший состязание в скорости, вдруг резко ее снизил, а у балобана, напротив, словно открылось второе дыхание. Он одним броском настиг жертву, ударил ее в воздухе и вместе с ней упал на землю. Произошло это километрах в полутора от нас, а птицы, летевшие по дуге, проделали путь, как минимум, в два километра.

Когда мы подъехали к балобану, он уже ошипывал добычу, а рядом расположился.... ворон, тот самый, с которым мы недавно «познакомились». Кто знает, возможно, не подоспев мы вовремя, он попытался бы завладеть чужой добычей, и не исключено, что ему это удалось бы.

Вообще ворон — одна из немногих не хищных птиц, которые отваживаются вступать в конфликт с крупными соколами. Ворон распространен на большой территории и делит места обитания на Крайнем Севере с кречетом, в средней полосе — с сапсаном, а на юге — с балобаном. И со всеми находится в состоянии «войны». Почти всегда причина «военных действий» — высокомерная привычка соколов занимать любое понравившееся чужое гнездо, не спросив на то разрешения законных хозяев. Ну а у воронов характер тоже не подарок, и уступать без борьбы они не привыкли. И если маневренные кречеты и балобаны обычно берут верх, то сапсанам нередко приходится ретироваться.

Охоту на зайца с балобаном мне пришлось увидеть только однажды. Она получилась скротечной и безрезульятной. Сокол ушел сделать только два броска. Возможно, он и задевал зайца (было плохо видно), но тот не остановился и, прежде чем сокол успел завершить еще одну атаку, скрылся в густых зарослях чия, откуда, несмотря на все старания, выгнать его больше мы не смогли.

Икар со своими балобанами много усилий приложил,

111

на открытом месте, лишенном растительности, успеха не добивался, потому что фазаны ловким маневром от него увертывались.

— Только один раз балобан успел догнать и схватить фазана, — рассказывал Икар. — Произошло это уже над тростниками зарослями. Сильная птица сумела вырваться и, оставив в когтях хищника клок перьев, скрылась в густой растительности.

Было ясно: попытки поймать сидящего на земле фазана почти наверняка обречены на неудачу. Преследование улетающих птиц тоже бессмысленно — балобан не способен, подобно ястребу, в считанные секунды развить максимальную скорость. Единственной возможностью повысить шансы хищника была отработка такого сложного приема, как следование сокола в выжидательном полете в воздухе за хозяином. Тогда, имея большой запас высоты, балобан мог бы очень быстро разогнаться, а догнав фазана, обладающе-

го никудышней маневренностью полета, он мог, по-видимому, без труда поймать его.

Однако возникали своеобразные трудности. Главное то, что на сей раз не мог дать верного совета Алик — он просто не знал, как это делается, так как казахи пускают соколов только с руки. Не оказалось точных рецептов и в литературе. Мы нашли лишь указание на то, что следования сокола за хозяином добиваются с помощью вабила.

И все-таки Икар, избравший оригинальный и простой путь, добился определенных успехов. Он начал с того, что приучил своего балобана прилетать на зов. Всегда маня птицу на руку с криком «ка!» и, естественно, вознаграждая за послушание мясом, он научил ее вскоре прилетать лишь по звуковой команде, которая не сопровождалась жестом руки. Расстояние все время увеличивалось, и в конце концов сокол без промедления летел на триста метров и более.

На следующем этапе обучения Икар, позвав сокола, не принимал его сразу на руку, а заставлял полетать. Если балобан делал попытку вернуться на свою присаду, следовала повторная команда. Время, в течение которого удавалось продержать над собой сокола в полете, день ото дня увеличивалось. Теперь уже охотник не стоял на месте, а перемещался в каком-либо определенном направлении, заставляя птицу послушно следовать за ним. Случалось, что балобан находился в воздухе более десяти минут, а пролетал за это время около километра. К сожалению, до конца Икар все же дело не довел и по сути уже отработанный прием на охоте так и не испытал.

...До сих пор речь шла о балобанах-гнездарях, то есть взятых птенцами из гнезда и выкормленных в неволе. Но, кроме того, дважды — и оба раза Паше — приходилось, обучать птиц, пойманных взрослыми.

Однажды у Паши улетел его первый ястреб. Произошло это на охоте почти в двух сотнях километров от города. Несмотря на большое расстояние, он через неделю, в следующие выходные дни, захватив с собой сетку и голубя,

отправился на «перекладных» поймать птицу, которой очень дорожил. На месте от чабанов узнал:

— Едва ли не каждый день мы видим совершенно непугливого ястреба с бубенцом на хвосте.

Обрадованный этим известием, Паша установил сеть и стал с нетерпением ждать результата. И вот во время проверки он уже издалека увидел, что колышки повалены, а в сети запутался какой-то хищник. Увы, вместо ожидаемого ястреба поймался балобан.

Балобан оказался крупной молодой самкой довольно светлой окраски. У него было очень мощное, длинное тело и относительно слабые лапы. Хотя в первый день-два сокол яростно сопротивлялся, когда его брали на руку, шипя, царапаясь и кусаясь как дикая кошка, он довольно скоро успокоился. Можно было начинать занятия. Вопреки ожиданиям, дела пошли не так уж и плохо. Балобан летел на руку, правда, на небольшое расстояние, зря не бился, хорошо ел. Но и только. Показав себя вначале вполне покладистой птицей, он вдруг стал неуступчивым и даже как будто более диким. Тем не менее по прошествии месяца он уже был готов для притравки на живую дичь.

Несмотря на свою внушительную величину, балобан проявил себя на удивление робкой птицей. Обнаружилось это, когда Паша начал притравливать сокола на кроликов. Для этих целей он покупал молодых зверьков, едва достигших половины нормального веса. И все же хищник не желал на них нападать, пугался любого их резкого движения. Даже отважившись вцепиться в кролика, он сразу же его отпускал и отскакивал в сторону, если тот начинал биться.

Пугали балобана незнакомые люди; внушали страх просто предметы и даже куры. У себя дома в Карагандинской области, куда Паша увез в отпуск своего сокола, он попытался натравить его на петуха. И тогда балобан, уже было смириившийся с неволей, вынужден был удирать. Шарахнувшись от петуха, он летел прямо и не останавливалась,

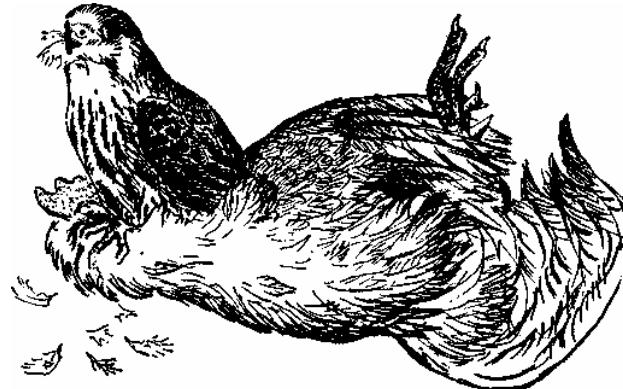
сколько мог следить за ним хозяин, пока не растворился в морозной дымке.

Как тут не вспомнить о вдвое меньшем балобане-самце, которого держал Алик!

Как-то раз, прияя к товарищу в гости, я заметил во дворе кучу белых перьев и лужицу крови. На столе в прихожей лежал огромный бройлерный петух. В дверях меня встретил мрачный Алик и, кивнув в сторону мертвый птицы, рассказал о своем несчастье:

— Из вольеры сокол прорез в щель и напал во дворе на самого большого петуха. Я прибежал на шум, да поздно — борьба закончилась, бесстрашный сокол уже ощипывал петуха. Какой был красавец и забияка этот петух! — скрупался Алик.

...Совсем не похожим на первого дикого балобана оказался второй — Паша поймал его спустя два года. И дело не столько в том, что он был в полтора раза меньше, сколько в удивительно покладистом характере птицы. Первые несколько дней, пока у сокола побаливала поврежденная при поимке лапа, Паша ограничился только кормлением птицы. Но и этого соколу оказалось достаточно, чтобы привыкнуть к людям.

— Не прошло и недели с начала занятий, как балобан стал хорошо идти на руку и исправно работать на вабиле,— рассказывал Паша.— Он ничем не отличался от гнездаря — совершенно не боялся людей, не делал попыток улететь и вопреки ожиданиям даже летал не лучше выкормыша.

К сожалению, этот балобан не долго прожил. Его силы постепенно подтачивала непонятная болезнь: пропал аппетит, появилась вялость. Сокол быстро худел, слабел и через две недели погиб.

Мне тоже приходилось держать балобана.

...Однажды после долгих поисков в горах Турайгыр мы обнаружили гнездо этого сокола. В нише отвесной скалы на остатках старого гнезда сидели четыре уже почти оперившихся птенца. Безжалостное солнце пустыни раскалило черные камни небольшого, дикого и безотрадного вида ущелья. От зноя молодые птицы тяжело дышали широко открытыми клювами. С помощью товарища я забрался после нескольких неудачных попыток на гнездо и остановился в полной растерянности: хотелось выбрать какого-то особенного птенца. Но все четыре были удивительно однотипными и не различались ни величиной, ни расцветкой. Испугавшись вторжения незнакомого существа, они забились в дальний от меня край ниши и угрожающе зашипели. Один из них был как будто менее агрессивным и не очень напуганным. Он даже, как мне казалось, с любопытством на меня поглядывал. Тем не менее, когда я попытался взять в руки приглянувшегося мне птенца, он показал отчаянное сопротивление. Я боялся, что улетит, но он попытка к бегству не предпринимал. С большими предосторожностями, стремясь не повредить нежных, еще растиущих перьев, нам все-таки удалось спустить его со скалы.

Не знаю, какими характеристиками обладали его братцы (судя по величине все четыре птенца были самцами), но с этим, «самым смирным» из них, пришлось изрядно поизиться. Если его не трогали, он не проявлял особого стра-

ха, но любое покушение на свою свободу пресекал самым решительным образом. Мне не хотелось применять крайней меры приручения птицы — дозированной голодовки, так как он все еще продолжал расти. Есть в моем присутствии он обычно отказывался, залетал на самый высокий предмет в комнате, в которой я его содержал, и оттуда внимательно следил за каждым моим движением.

Чтобы хоть как-то приручить сокола, я подолгу сидел с ним рядом, тем более, что разглядывать его, вникая в малейшие детали рисунка пера, было настоящим удовольствием. А красив он был необыкновенно! При огромном; разнообразии масти балобанов среди них попадаются настолько различающиеся между собой птицы, что с трудом верится в принадлежность к одному виду (причем иногда такие соколы составляют в природе пару, и тогда столь же различными могут быть птенцы одного выводка), я, пожалуй, не встречал более красивого рисунка и расцветки, чем у моего птенца. Он олицетворял собой тот тип балобанов,, который раньше принимали за самостоятельный вид и называли соколом Лоренца. Большим он так и не вырос, зато был исключительно красивого, изящного телосложения с. темным, контрастным рисунком оперения и благородной: осанкой.

К тому времени, когда я решил вплотную приступить к подготовке, молодой балобан, вопреки всем моим стараниям, оставался по-прежнему диким и независимым. Начал с того, что надел на сокола путцы и сократил паек. С путцами после нескольких дней борьбы (он мог часами теребить их клювом, пытаясь от них освободиться) смирился, а вот на ограничение питания никак не прореагировал. Теперь я ежедневно по несколько часов ходил с соколом на руке, и эти часы и для него и для меня были мукою. Он поминутно срывался с руки и повисал на путцах, а когда я другой рукой пытался ему помочь подняться на перчатку, балобан принимался кричать грубым, хрип-

лым голосом, не упуская ни малейшей возможности цапнуть за незащищенное место.

Конечно, в конце концов балобан и сидеть на руке научился, и есть в моем присутствии начал, и даже стал лететь по команде с небольшого расстояния, но доверия между нами не было. Причем он вовсе не стремился удрать, не сделал ни одной такой попытки. Я уверен, что даже предоставленный сам себе он бы мог улететь только по случайности. Идти же на сближение с человеком он не желал.

Настоящим удовольствием для меня было просто наблюдать за соколом, следить, как постепенно в нем развиваются от природы заложенные черты. Несмотря на то, что большинство действий молодой птицы совершаются инстинктивно, они поначалу несовершенны и требуют «доработки». Например, удивил меня балобан своим первым купанием. Погожим, солнечным днем я пустил сокола на длинном должнике на берег небольшого ручейка с чистой, весело журчащей водой. Балобан увидел воду впервые в своей жизни, однако, по всем признакам, у него сразу возникло желание искупаться. Он взъерошил перья и засуетился на берегу. К моему удивлению, сокол не вошел в воду, а начал «купаться» подле, на песочке, совершая все те же движения, что и при нормальном купании: хлопал крыльями, терся головой о спину и бока, перебирал клювом перья, а покончив с этим, вспрыгнул на камень и расправил крылья и хвост для «просушки».

Так же — с неудачи — он начал осваивать коронный соколиный прием умерщвления добычи. Как известно, соколы перекусывают жертве шейные позвонки клювом, снабженным предположительно именно для этих целей так называемым «зубом». Так вот, потребность при схватывании живой добычи что-то перекусить у молодого балобана несомненно была, но он бесполково хватал жертву за что угодно, но только не за атлант. И все же как-то незаметно после нескольких неудач он научился проделывать эту операцию не хуже дикой птицы.

Ощипывать жертву балобан научился тоже далеко не сразу. Сначала он бессистемно выхватывал у добычи клочки шерсти или перьев, а потом, так и не ощипав ее, съедал, но с каждым днем движения молодой птицы становились все более уверенными. К концу второй недели он умел уже это делать блестяще.

Любил соколенок поиграть. В такие минуты он походил на расшалившегося котенка. Может быть, потому, что тот и другой «охотились» за воображаемой добычей: те же выпады лапой, та же имитация борьбы. Да и смысл этой игры один — это тренировка перед настоящей охотой, на которой отрабатываются и совершенствуются необходимые приемы.

Отчаявшись достигнуть взаимопонимания с соколом, я решил отдать его Алику. Тот похвалил:

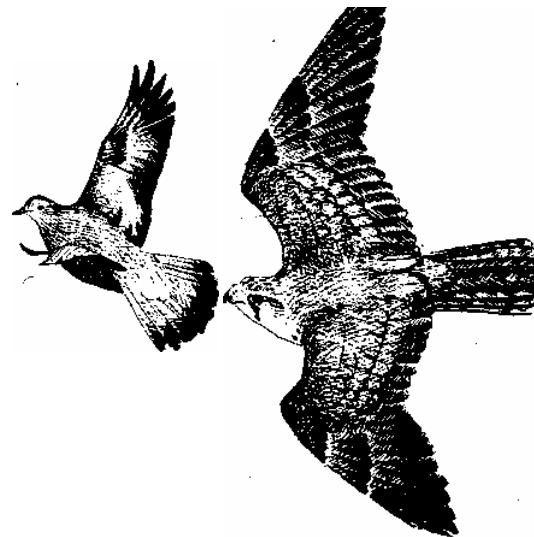
— Невелика птица, но какая красавица! — и, не колеблясь, принял подарок.

Дела у него пошли гораздо лучше, чем у меня. Я приехал к товарищу и не узнавал своего балобана. Того словно подменили — глаза подобрели, нрав стал покладистым, слушался любого жеста хозяина. А главное — он оказался великолепным летуном. С удивительной легкостью, искусно используя воздушные потоки, носился над ущельем, то взвиваясь так высоко, что казался не больше ласточки (и, кстати, очень походя на эту птичку изящным силуэтом) то мчась над самым склоном, лихо лавируя среди кустов и камней.

Во время одной из тренировок я подметил у него еще один очень любопытный элемент врожденного поведения. Во время атаки на вабило он двигался не по кратчайшему пути, а «подкрадывался», используя неровности рельефа, деревья, забор и другие преграды, чтобы незаметно подлететь на минимальное расстояние и уже оттуда произвести завершающий бросок. И это была птица, которой пока ни разу не довелось охотиться на живую добычу или видеть охоту другого сокола!

Однажды балобан подарил нам зрелище удивительного по красоте броска. Был ветреный день, именно такой, когда стоит птице расправить крылья, как ее подхватывает воздушный поток и несет, словно перышко. Алик пустил сокола, и тот, наслаждаясь властью над стихией, взмыл ввысь. Едва различимый для глаз, он принял кружить над ущельем, то скрываясь за гребнем, то появляясь вновь. И вот, когда сокол в очередной раз показался из-за гребня, Алик вытащил из сумки голубя. Тот забил крыльями, стремясь вырваться из рук. Балобан заметил движение, сложил крылья и начал падать почти отвесно вниз. Когда расстояние сократилось примерно до двухсот метров, голубя выпустили. Сокол мчался как пуля, и его идеально обтекаемые формы напоминали какой-то сверхсовершенный снаряд, и только путцы, трепещущие в потоке воздуха, нарушили гармонию, казались чем-то чужеродным литому телу птицы. Голубь не пролетел и двадцати метров, когда балобан, промахнувшись, промелькнул со свистом рядом. Не знаю, или хищника отбросило в сторону каким-то неожиданным завихрением воздуха (что часто бывает в горах), или он сам не решился ударить (при такой скорости это, возможно, было самым благоразумным), —или голубь сумел увернуться (что маловероятно). Так или иначе, сокол промчался мимо, и до сих пор не знаю, как он ухитрился не разбиться — до земли оставались считанные метры! Он вдруг снова взмыл вверх и повторным броском настиг жертву.

Отдавая балобана Алику, я, честно говоря, очень сомневался, что из него выйдет толк. В литературе встречается мнение, что балобаны, взятые птенцами из гнезда в возрасте не более десяти — четырнадцати дней, все без исключения становятся абсолютно ручными. Более того, если они содержатся в одиночку, происходит «запечатление на человека», то есть птица рассматривает хозяина как существо своего вида и, напротив, не признает других балобанов. Если же птенцы старше этого критического возраста, в за-

висимости от их индивидуальных особенностей приручение происходит более или менее успешно, причем, чем старше птица в момент, когда ее взяли из гнезда, тем труднее оно удается. Я взял своего балобана примерно в сорокадневном возрасте и поэтому думал, что по этой причине, а также вследствие неблагоприятных индивидуальных черт мне досталась неприрученная птица. Однако Алик без труда справился с задачей, оказавшейся для меня непосильной.

Среди некоторых сокольников бытует мнение, что вообще балобанов следует брать из гнезда в возможно более старшем возрасте. В таком случае они всегда побаиваются человека, а это исключает развитие агрессивности,

якобы, нередко встречается у соколов, выкормленных из пуховичков. Не знаю, насколько верно это мнение. Замечу только, что всё балобаны, выкормленные человеком с раннего возраста, которых мне пришлось видеть, были совершенно ручными и не обнаруживали ни малейших признаков этой агрессивности.

В опытных и умелых руках Алика мой сокол превратился в ловчую птицу с прямо-таки бесшабашной смелостью. "Этот маленький балобан нападал на собаку, на ястребов-тетеревятников, на большого петуха.

Вместе с другими видами крупных соколов страны балобаны внесены в Красную книгу. Этот факт говорит сам за себя. Птицы — редкие, численность их продолжает сокращаться. В руках опытного охотника этот сокол, бесспорно, — одна из лучших ловчих птиц. Об этом, в частности, свидетельствует его популярность среди сокольников Западной Европы и Ближнего Востока. Кроме того, он, пожалуй, единственный из крупных соколов, приносящий несомненную пользу сельскому хозяйству уничтожением вредных грызунов. Одним словом, балобан по всем статьям заслуживает особо бережного отношения, тем более, что практически не имея естественных врагов в природе, он только человеку будет обязан своим исчезновением или процветанием.

КРЕЧЕТ

Трудно что-либо добавить к тем восторженным строкам, которые посвящены этому крупнейшему соколу. Немало славных страниц вписал он в историю охоты с ловчими птицами. Кто не слышал о кречете, кто не видел изображения царственной белой птицы? Таких и нет, пожалуй. Но кто может похвастать, что встречал его в природе или даже просто видел в зоопарке? Очень немногие.

Не видели кречета и мы, и поэтому вполне понятно то нетерпение, с которым мы ожидали возвращения Икара

с Ямала. Он отправился туда, за тысячи километров, специально за этими соколами для организующегося питомника редких хищных птиц.

И вот, наконец, прозвенел долгожданный звонок. Икар сообщил:

— Я приехал, привез четырех кречетят. Приезжайте.

Не прошло и часа, как мы с Рашидом впервые увидели своими глазами прославленных птиц. Три птенца уже полностью оперились, а четвертый, самый младший, хотя и был чуть не с курицу ростом, носил еще серовато-белый пуховый наряд. Позже я их видел сотни раз, но никогда не переставал удивляться: облик этих птиц не соответствовал представлению, прочно укоренившемуся благодаря рисункам, кочующим из одной книги в другую. На них обычно изображено: относительно небольшая голова, длинная, узкая грудь, пышные «штаны», длинный хвост.

— А у этих все прямо противоположное: массивная голова, широченная грудь, короткое, коренастое тело, — заметил я. — Возможно, выглядит это не так элегантно, как на рисунках, но зато чувствуется мощь, угадывается неукротимая отвага.

— Именно от таких птиц скорее можно ожидать тех выдающихся охотничьих качеств, которыми отличаются кречеты, — добавил Рашид.

Самого младшего сокола Икар решил попробовать в охоте. Он взял его из гнезда, когда птенцу было всего несколько дней от роду. Мать соколенка была снежно-белой, и в надежде, что он вырастет таким же, Икар назвал его Альбой. И действительно, выросла великолепная птица,

крупная, статная, но... увы! Нормальной серой расцветки. "Стоит ли говорить о том, что кречетенок был абсолютно ручным, но, конечно, особо выделял своего воспитателя — Икара, заменившего ему родителей. Наблюдать за ним было просто уморительно. Нередко забравшись со двора в открытую дверь, громко шлепая по полу, грузный и *еще* неловкий, слонялся он по квартире, разыскивая хозяина. Икар начал обучать кречета одновременно с молодым балобаном. Я, к сожалению, не часто имел возможность к нему приезжать и пропустил весь период обучения. Он сообщил мне:

— Занятия идут с переменным успехом. То кажется, что у кречета получается лучше и он первым добьется успехов, то, вдруг обнаруживается преимущество балобана.

Альба заметно быстрее летала и здорово шла на вабило: броски были почти отвесными и выполнялись на огромной скорости. Балобан же был выносливым и, главное — очень вязким при преследовании добычи.

Однажды я все-таки выбрался к Икару и посмотрел его птиц в работе. Без всякого преувеличения — кречет произвел на меня неизгладимое впечатление! В воздухе у него крылья заметно тупее и шире, чем у балобана, а тело гораздо плотнее.

Я наблюдал напуск Альбы на голубя. Догоняла она его играючи, причем, не только догоняла, но и набирала при этом высоту. Затем следовал короткий, стремительный бросок.. Голубь тоже держался молодцом и ловко увертывался. Однако во всем облике сокола было столько уверенности, что сомнений в исходе погони не возникало. Действительно, после пяти-шести промахов кречет взял добычу низко, над самыми метелками тростника, и тут же опустился в него. Заметив место (впереди Икар, следом мы), с треском ломаясь сквозь заросли, бросились к соколу. Альба, прекрасно зная, что голубя доесть ей не дадут, при нашем приближении схватила добычу в лапы, поднялась

с ней вертикально вверх, пока не оказалась над тростником, и полетела прочь...

Вообще такое поведение сокола — явный брак в работе воспитателя, но я все равно был в восторге. Попробуйте заставить, например, балобана взлететь вертикально на метр! Даже для хорошо тренированной птицы это — не простая задача. А кречет взлетел на три метра, причем ему мешал тростник, и в придачу он тащил голубя.

После того, как Альба и во второй раз улетела, не подпустив нас, Икару пришлось смириться. Он присел метрах в двадцати от расправлявшегося с добычей сокола и после того, как от нее осталась лишь кучка перьев, извлек из кармана голубиное крыльишко и поманил Альбу. Та тотчас полетела к хозяину и набросилась на мясо с такой жадностью, словно и не съела только что целиком голубя. Потом Икар рассказывал, что Альба и прежде, поймав добычу, пыталась с ней удрать. Причем иногда, вернувшись домой, он обнаруживал где-нибудь на крыше дома кречета, доедающего добычу. Тот прекрасно знал окрестности, и, даже улетев на несколько километров, непременно возвращался домой.

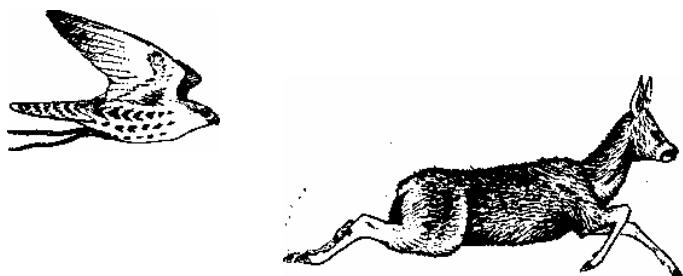
Пробовал Икар напускать кречета и на фазанов. Но это оказалось безуспешным. Сокол азартно гнал добычу, быстро настигал, но обилие кустарников и тростника приводило к тому, что фазаны в последний момент успевали скрыться. Если же фазанов удавалось застingнуть на открытом месте, они и здесь ловко избегали когтей хищника. Заметив приближающегося сокола, фазан оставался на месте и, вытянувшись в полный рост, хладнокровно ждал. Когда расстояние сокращалось до минимума и, уже казалось — ничто не могло спасти смелую птицу, она в последний момент успевала припасть к земле. Сокол проносился мимо, а фазан взлетал и что есть духу мчался в противоположную сторону к ближайшему укрытию.

Неудачи кречета были естественными. И ему, и его хозяину предстояло еще многому научиться, набраться опыта. Алик утверждал:

— Хорошо молодые соколы начинают работать лишь после шести месяцев тренировок, а настоящая охота начинается после первой линьки.

Однако не суждено было нам дождаться той поры. И тому были веские причины. Альба предназначалась для питомника. Она вместе с другими тремя кречетами должна была дать в неволе потомство. Поэтому рисковать ценной птицей Икар не мот. А ему пришлось уже пережить несколько тревожных минут. Например, когда Альба вдруг погналась за косулей. Хорошо, что та успела вовремя скрыться в кустах. А если бы зверь замешкался и, почувствовав когти вцепившегося ему в спину хищника, бросился бы сломя голову сквозь чащу? Произошел и другой неприятный случай. Балобан присел на столб и, коснувшись провода, получив удар током, но, к счастью, остался живым.

Одним словом, Альба сменила беспокойную жизнь ловчей птицы на размеренную и безопасную вольере. Несмотря на то, что хозяин полностью прекратил с ней занятия, она не изменила своей привязанности. Мало того, что она безошибочно узнавала его практически с любого расстояния и приветствовала особыми криками, с наступлением весны Альба при виде Икара приходила в страшное возбуждение, рвась к нему через сетку вольеры, принимала токовые позы, сопровождая их теми же звуками, что

и токующие в нормальной дикой паре соколы.

Собственно в этом не было ничего удивительного. Взята из гнезда крошечным птенцом и вскормленная человеком, она, как и следовало ожидать, стала принимать его за существа своего вида, то есть произошло так называемое запечатление. На подсаженного к ней самца кречета Альба просто не обращала внимания.

Вообще, судя по результатам первых попыток разведения кречетов в неволе, которые были в последнее время предприняты за рубежом, это дело перспективное. Кречеты как будто даже легче других крупных соколов дают потомство. Кто знает, быть может настанет время, когда потомки Альбы будут выпущены в тундре в тех районах, где дикие кречеты давно исчезли? Ну а если пофантазировать, то, наверное, можно представить картину: охотник приходит в питомник ловчих птиц и приобретает понравившегося себе кречета так, как например, сейчас берут охотничью собаку. Однако реальность далеко не безоблачна: кречет — одна из редчайших хищных птиц, занесенная в Международную Красную книгу.

ПЕРЕПЕЛЯТНИК

До самого последнею времени я опасался, что о перепелятниках мне будет нечего написать. Именно с ними нас особенно часто преследовали неудачи. Самым обидным было то, что перепелятник — одна из наиболее легко тренируемых птиц.

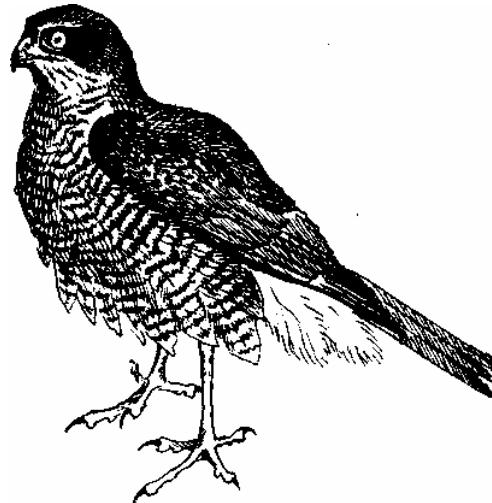
Чаще всего перепелятники гибли у нас в самом начале обучения. От истощения. После работы с несравненно более выносливыми тетеревятниками очень трудным было верно рассчитать безопасную степень истощения перепелятников. Дикие птицы обычно уже через день-два после начала занятий хорошо едят на руке, а еще через два-три дня безотказно летят на перчатку. Причем птицы не очень худые, со здоровым блеском в глазах, опрятно прижатым

пером, бодрыми, резкими движениями. И вдруг прямо на глазах, иногда в течение нескольких минут, с перепелятником происходит роковая перемена. Внешне она столь малозаметна, что сторонний наблюдатель ее и не уловит. Хищник как бы сникает. Сначала может даже показаться, что он просто смирился с неволей. Посадка становится расслабленной, ястреб почти перестает реагировать на резкие движения, на появление людей, машин. Сначала у него остается хороший аппетит, хотя прежней жадности уже нет, но и он постепенно пропадает. В такой момент, даже если птицу и удается накормить, она через несколько минут отрыгивает все съеденное мясо. Через два-три дня после появления первых малозаметных симптомов истощения птица погибает. Так мы потеряли трех перепелятников.

Не везло и в другом. У Саши, например, улетела, отвяжавшись, птица, обещавшая стать хорошим охотником. Это был не очень крупный рыженький перепелятник. Он обладал поразительной жадностью. Когда его манили на руку, он летел так стремительно и хватал перчатку с такой силой выбрасывая лапы, что каждый раз раздавался громкий шлепок. Не колеблясь, он с одинаковым азартом бросался на воробьев, голубей, кур и даже несколько раз делал попытки напастить на Сашиного фокстерьера Ладу.

— Меня не было дома,— рассказывал Саша.— Перепелятник отвязался каким-то чудом (он сидел в гараже), выбрался в узкую щель между воротами и крышей наружу. Соседи видели: ястреб с путцами кинулся с деревьев на голубей, кормившихся на земле во дворе, и оседлал одного. Завязалась отчаянная борьба, которая, несомненно, завершилась бы победой хищника, если бы не сердобольная старушка, проходившая мимо. Она несколько раз ударила ястреба хозяйственной сумкой, сумела-таки сбить его с жертвы. Он взмыл на дерево, а где-то через минуту улетел и оправившийся от испуга голубь.

У меня перепелятники улетали дважды, причем оба были выкормышами из гнезд одной и той же пары.

Первый был еще пуховичком, когда я поместил его в небольшую вольеру на балконе, набросав в угол кучу сухих прутиков. С самого начала мой питомец отличался прямо-таки неуемным аппетитом и спустя три недели вырос в крупную красивую птицу. Каждое утро на рассвете он будил меня громкими, несколько похожими на кошачье мяуканье криками. Опасаясь справедливого гнева соседей, утренний сон которых грозил быть прерванным этими жуткими воплями, я со всей возможной поспешностью несся на балкон, чтобы дать ему кусок мяса. Наблюдая, с какой жадностью он бросался мне навстречу, я с надеждой думал: «Наверное, замечательно мы с ним поохотимся». Вышло, однако, иначе.

Наступил день, когда надо было начинать обучение перепелятника. С парой новеньких красивых путц, подаренных мне Аликом, я подошел к вольеру и открыл дверцу. С торжествующим воплем ястреб бросился мне навстречу,

но... Если бы он сел мне на руку, все обошлось бы нормально. Но горячий, однако еще неловкий; птенец промахнулся и сел на ветку карагача, свисавшую к балкону. Было удивительно — в одно мгновение с ястребенком, который никогда раньше не обнаруживал по отношению ко мне страха, вдруг произошла разительная перемена! Он плотно прижал перо, став вдвое тоньше против прежнего; бледно-желтые глаза округлились, зрачки сузились, в них появился дикий блеск. Я осторожно, стараясь не делать резких движений и все еще уверенный, что перепелятник от меня никуда не денется, протянул к нему руку с мясом. Обычно бурно реагировавший на появление пищи, на сей раз он не удостоил ее внимания, а когда я уже почти дотянулся до него, стремительно сорвался, с треском и хлопаньем крыльев пробил корону карагача и, перелетев улицу, сел на ветку березы.

Хотя от прежней моей уверенности не осталось и следа, я все еще не терял надежды. И вот в течение всего дня я следил за ним, не спуская глаз. Перепелятник наслаждался свободой. Несколько часов он нежился на солнце, лениво перебирая кловом перья, затем перелетел на карагач в большом сквере. С любопытством, смешно вертя головой, он наблюдал за пролетавшими птицами, пробовал «на зуб» веточки и листья, дремал, одним словом, вел себя так, что почти не оставалось сомнений: если я его не поймаю, он неминуемо погибнет от голода.

Когда смеркалось, птенец довольно заинтересованно посмотрел на те лакомства, которые я ему демонстрировал под деревом, но не слетел, а перебравшись на удобную горизонтальную ветку, судя по всему окончательно устроился на ночлег. Досадуя на себя за бесполезно потерянный день, возвращался я домой в темноте, думая не без злорадства, что голодная ночь заставит перепелятника еще вспомнить о сытой и беспечной жизни вольере.

На следующее утро *еще* затемно я был уже под деревом. Птенец безмятежно спал, и мне пришлось прождать

С полчаса, прежде чем тот проснулся. Когда уже совсем . рассвело, перепелятник вдруг встрепенулся, вытянувшись на ногах, приподнял крылья и с наслаждением потянулся. И только после этого удостоил меня взглядом. Зазывно помахивая аппетитным свежим воробьем, я с замиранием сердца ждал реакции. увы, мои воробей не произвел на ястреба ожидаемого впечатления. Он вдруг звонко закричал (это было уже не занудливое мяуканье, а чистое, бодрое «ки-ки-ки») и взлетел на вершину соседнего дерева. К нему тотчас с тревожными криками подскочили две зеленушки. Ястреб уставился на одну с явным аппетитом, долго прицеливался, и наконец полетел к ней с жалобными просящими криками. Но... только он ее и видел! Обескураженный первой неудачей, птенец, однако, сделал правильные выводы. Следующий бросок был гораздо стремительнее, и зеленушки сочли за лучшее исчезнуть. Но охотничий пыл хищника отнюдь не угас. Он бросался на всех птиц, величиной от воробья до голубя, которые появлялись вблизи. Конечно, сказывалось отсутствие опыта, и поэтому многие попытки в совершенно безнадежных ситуациях были заранее обречены на неудачу. Тем не менее несколько раз он был очень близок к успеху, и, чем больше времени его отделяло от первой попытки, тем чаще это случалось. Оставив всякие попытки поймать птенца, я с изумлением наблюдал за ним. Ведь только вчера он совершил свой первый самостоятельный полет, а сегодня с поразительной скоростью, ловко лавируя среди ветвей деревьев, азартно охотился над городскими улицами! Увязавшись за очередной горлицей, он скрылся за высоким зданием, и в этот день я его больше не видел. Однако на следующее утро, а потом еще три или четыре раза в течение двух недель я встречал его в окрестностях нашего дома. В последним раз он появился ранним утром. Я слышал тревожный звон синиц и вышел на балкон. Ястреб сидел на ветке соседнего дуба спиной ко мне. Он был в порядке — я заметил это с первого взгляда. Блестящее перо плотно облегало тело. Пе-

репелятник то и дело, потряхивал из стороны в сторону хвостом, а это верный признак хорошего состояния. Случайно повернув голову и неожиданно обнаружив меня так близко, птица вихрем сорвалась с места и умчалась прочь, скрывшись спустя мгновение за высокими густыми деревьями. Я еще раз пожалел о том, что лишился такого великолепного ястреба. Но и испытывал чувство удовлетворения — хорошо, что он не погиб из-за моей оплошности.

На следующий год я твердо решил взять птенца из гнезда тех же родителей, что и мой первый питомец. Это была самочка, внешне очень похожая на прошлогоднего птенца.

— А ты ведь мог бы сейчас не держать в руках этого птенца, — сказал удовлетворенно Саша.

— Да, помню, как вы со своим сынишкой чуть было не погубили гнездо, — сказал я. — Ты мне еще звонил и просил совета.

А произошло вот что. Весной Димка полез на дерево и, обнаружив, что гнездо еще пустое, установил прямо на него сетку. Вскоре самка поймалась. Это было похоже на разбой, и Саша понимал и мучился угрозами совести.

— Никто из моих друзей, конечно, не одобрил бы этого поступка, — вспоминал сейчас Саша. — Но я не мог отказаться от крупного перепелятника — это было выше моих сил.

Саша начал потихоньку готовить птицу к охоте. Но дело продвигалось плохо. К тому же самка снесла два яйца... Вот тут-то Саша не выдержал и наконец позвонил мне. Все рассказал и просил совета, как быть.

— Думаю, ястреба надо немного откормить и, окольцевав, как можно скорее выпустить.

Так и сделали. Перепелятник, едва оказавшись на свободе, кругами набрал огромную высоту и полетел в сторону гор, туда, где было его гнездо. Самое удивительное, что через неделю, решив на всякий случай проверить гнездо, Саша вспугнул с него окольцованную птицу, насижи-

вшую кладку из трех яиц. Таким образом, прожив в неволе десять дней, птица, выпущенная на волю в центре города, в пятнадцати-двадцати километрах от своего гнезда, вернулась в него как ни в чем не бывало, отложила яйца и начала их насиживать...

Спустя месяц из всех яиц выпустились птенцы — две самки и самец (как выяснилось через две недели, когда они немного подросли). Мы с Сашей взяли себе по самочке, самца оставили в гнезде.

При всем внешнем сходстве между этим и прошлогодним птенцом общего было мало. Вялый, апатичный, он сильно дичился и в первый день не притронулся к еде. Потом, конечно, стал есть, но только, если я уходил с балкона. Каждый раз, когда я чистил вольеру или менял воду, он с такой силой бился о решетку, что я опасался, как бы он себя не изувечил. Не оперившись еще и наполовину, он покинул кучу веток на полу вольеры, имитировавшей гнездо, и перебрался на седало, полагая, видимо, что там безопаснее. Когда птенец начал перепархивать, он стал часто и подолгу биться, даже если никто его не пугал. Особенно сильное беспокойство охватывало перепелятника на закате. Он с остервенением бросался на решетку до тех пор, пока не наступала полная темнота. Тем не менее ястребенок вырос в крупную, хорошо сложенную птицу.

Я решил взять отпуск, чтобы как можно больше времени посвятить занятиям с питомцем, так как ожидал, что при его диком нраве для успеха потребуется немало усилий.

Действительность, к сожалению, превзошла мои самые худшие ожидания. Пожалуй, ни один дикий перепелятник (да что перепелятник, ни один тетеревятник) не мог сравниться с моим по непростишему упорству! С раннего утра и до позднего вечера носил я его на руке. И если вечером мне казалось, что глаза перепелятника немного «подобрели», то на следующее утро я убеждался, что меня встречает птица, *еще* более дикая, чем прежде. В конце концов, уже сильно похудевший, перепелятник после долгих раздумий иногда решался лететь мне на руку, но и то с двух-трех метров. Но это и все, чего мне удалось добиться.

День проходил за днем, а ястреб ни на йоту не становился более ручным. Что удивительно: он не реагировал на живых птиц, которых я ему предлагал, а от подранка-скворца шарахнулся в сторону с неподдельным ужасом. Поэтому я был очень удивлен, когда однажды, прогуливаясь с перепелятником на руке по степной дороге, вдруг почувствовал, как он дернулся, заметив слетевшего с куста на землю чернолобого сорокопута. И тогда я решил: будь что будет! Если ястреб еще раз дернется в сторону какой-нибудь птицы, рискну его пустить.

Такой случай вскоре представился. Из чахлых кустиков с «циканьем» вылетела какая-то овсянка, и перепелятник метнулся вслед. Расстояние между ними таяло на глазах, и когда я уже предвкушал первый успех своего питомца, тот, видимо, осознав, что он летит, что он свободен, вдруг взмыл вверх, начал парить, набирая кругами высоту. Вскоре он, однако, резко пошел на снижение и опустился на луг в ста метрах от меня. Я пошел следом и после непродолжительных поисков обнаружил ястреба. Он сидел совершенно неподвижно и настороженно следил за мной.

Теперь важно было не вспугнуть птицу резким, неловким движением. Я зашел спереди и начал медленно приближаться. И вот между рукой и птицей осталось не более тридцати сантиметров. Я замер. Перепелятник несколько раз судорожно склонив — голововка все-таки сказывалась — сделал шаг навстречу руке с мясом, затем другой... И вдруг с пронзительным «циканьем» рванулся вверх, поднялся еще выше, чем в первый раз и, подхваченный свежим ветерком, стал быстро удаляться. Но и на сей раз, пролетев с полкилометра, перепелятник опустился на землю. Постаравшись как можно точнее заметить место посадки, я побежал следом. Ястреб сел на вершину холмика, густо поросшего чилем. Более двух часов куртины за куртиной я обследовал кустики чия, но обнаружить перепелятника не смог. Не нашел я его и вечером и утром следующего дня.

Тем временем у Саши дела складывались намного лучше. Он не мог нарадоваться на своего ястребенка:

— Уже ездил с ним на охоту и поймал двух мелких птичек!

Казалось бы, чего в этом особенного, на то он и ловчий перепелятник, чтобы ловить. Но мы понимали: для Саши это был настоящий праздник, триумф.

— Да он ведь раньше нас всех, не считая, конечно, Абдуллы и Алика, начал заниматься с ловчими птицами, — сказал Паша. — Десятки их прошли через его руки, но ни одна не ловила. Сколько потрачено времени и усилий, сколько пережито надежд и разочарований!

— У другого давно бы опустились руки, — заметил я, — Саша все-таки добился своего.

— Причем добился с перепелятником, — добавил Паша. — А ведь это птица, которая до сих пор ни у кого из нас не ловила.

Мы с Пашей, конечно, сгорали от любопытства:

— Интересно, каков перепелятник в работе?

— Да и насколько охота с ним увлекательна и зрелищна?

Неудивительно поэтому, что на следующую охоту мы поехали втроем. Выбор остановили на морковном поле в нескольких километрах от города. Мы добросовестно обшарили чуть ли не половину поля, а перепелов не было и следа. Тогда решили пройти вдоль арычка, по берегам которого возвышались густые заросли сорняков. И здесь перепелов не оказалось, зато удалось выпутнуть несколько черноголовых чеканчиков, варакушек, коньков. Ястребок азартно бросался за всякой птицей, взлетавшей в радиусе пятнадцати — двадцати метров. Слабых летунов, вроде чеканчиков и варакушек, он настигал очень быстро, но те обычно успевали юркнуть в густые переплетения стеблей. Перепелятник с треском врезался в заросли травы, иногда настолько застревая в ней, что назад выбирался с большим трудом. В таких случаях Саша сманивал его на руку, а мы с Пашей пытались выпутнуть притаившуюся птицу. Если это удавалось, она почти наверняка попадала в когги хищника.

Вскоре перепелятник уже поймал четырех птиц, причем происходило это на расстоянии от трех до пятнадцати метров от сокольника. Пролетая очень быстро первые десять (от силы пятнадцать) метров, перепелятник обычно резко сбавлял скорость и прекращал преследование добычи. Особенно безнадежными выглядели его попытки гоняться за коньками. Те всегда улетали с резким набором высоты, и, если ястреб, возможно, мог бы с ними потягаться в скорости на горизонтальном полете, то подъем ему давался явно с трудом. После нескольких неудачных попыток перепелятник перестал реагировать на взлетающих коньков. И самым удивительным было не то, что он сумел сделать правильные выводы, а способность мгновенно устанавливать видовую принадлежность взлетающих птиц. Ведь когда взлетали варакушки, он срывался с руки так быстро, что казалось это происходит одновременно. К концу охоты

перепелятник заметно утомился и начал хитрить — срывался с руки, якобы за птицей, а сам, отлетев десяток-другой метров, садился на землю и тотчас разворачивался в сторону хозяина, ожидая, когда его поманят на руку в расчете на обязательное вознаграждение. Кстати, поймав птицу, он тоже хитрил, стараясь спрятаться. Распластавшись на земле, он залмирал с добычей в когтях, хотя улететь попыток не делал.

В целом ястребок нам очень понравился. Его бойкость, азарт сочетались с хорошей выучкой — тут надо отдать Саше должное. Например, промахнувшись, ястреб на зов хозяина возвращался не присаживаясь, а сразу разворачивался в воздухе. Перед возвращением в город Саша скормил одну из пойманных птичек проголодавшемуся перепелятнику. Как мне было тут не вспомнить своего! Просто не верилось, что оба они из одного гнезда. Даже будучи очень голодным и истощенным, мой на руке ел, поминутно озираясь, подолгу останавливалась, а то и срывался с руки. Другое дело Сашин: прикрывая полусложенными крыльями мясо (как бы кто не отнял!), он с ожесточением терзал его, отрывая большие куски вместе с перьями и костями, давясь и задыхаясь их заглатывал. Иногда, если кусок был слишком велик и застревал в глотке, ястреб закатывал глаза, продевал судорожные движения головой, пытаясь его протолкнуть. Выглядело все это довольно забавно. Но все же мы понимали: именно таким, наверное, и должен быть хороший ястреб-перепелятник.

Сама охота по зрелищности, конечно, уступала охоте с тетеревятником, не говоря уже о соколиной. Все выглядело как-то слишком просто — не было ни захватывающей погони, ни виртуозных воздушных трюков, ни отчаянной борьбы.

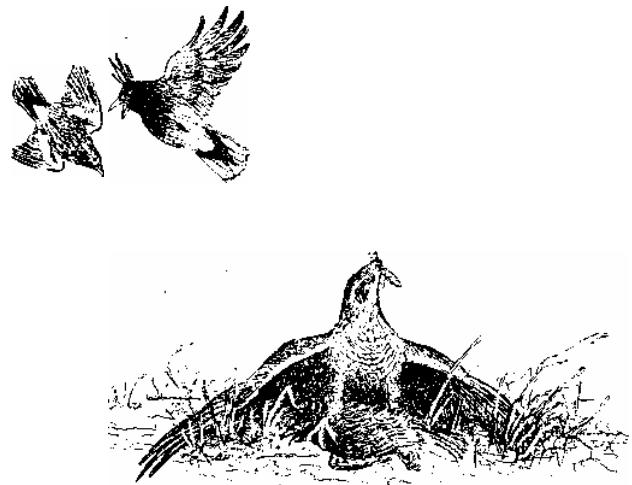
Саша еще несколько раз выезжал со своим перепелятником и успешно охотился, но однажды ястреб, преследуя добычу, улетел очень далеко и скрылся за деревьями лесо-

полосы. Самые тщательные поиски ничего не дали — птица исчезла..

Вскоре успех в охоте с перепелятником пришел и к Паше. На сей раз он обучал не выкорьши, а молодую самку, пойманную уже вполне самостоятельной птицей. Паша не имел времени для тщательной подготовки ястреба. Поэтому, едва добившись, что тот стал хорошо идти на руку, предварительно окольцевав и укоротив ему пугцы (чтобы они не мешали птице в случае, если она улетит), отправился на охоту. И хотя ястреб был недостаточно выношен, Паша попробовал нести его в руке и бросать на добычу, как это нередко делают азиатские сокольники, что еще больше увеличивало риск потерять птицу. В руке она, действительно, протестовала, пытаясь вырваться, хватала клювом за пальцы. Тем не менее когда из кустов выпорхнула какая-то птаха, Паша почувствовал, как перепелятник напрягся и дернулся в руке. Вслед другой взлетевшей птице он швырнул ястреба и тот едва ее не поймал.

В тот день ястребу удалось настичь добычу — мелкую птичку — только один раз, но для Паши важней было то, что птица ни разу не сделала попытки улететь. Не стremилась это делать она и в последующем, несмотря на то, что была далеко не худой.

Самой интересной оказалась охота на майн. Обладая медленным и маломаневренным полетом, они не могли соревноваться с быстрым перепелятником, однако были достаточно сильными и смелыми, чтобыказать ожесточенное сопротивление, отбрыкиваясь сильными ногами и ловко орудуя крепким клювом. Но главный козырь майн — взаимовыручка. Едва услышав сигнал бедствия, они что есть духу мчались на помощь попавшей в беду товарке и самоотверженно бросались на хищника. После того, как первая майна была таким образом освобождена из когтей перепелятника, он несколько дней не решался нападать на этих вздорных птиц. Когда же наконец неприятные впечатления от первой неудачной охоты забылись, Паша, когда перепе-

лятник догонял и ловил майну, приходилось демонстрировать свои спринтерские качества, чтобы оказаться на месте событий первым и защитить питомца.

Пробовал Паша напускать своего ястреба и на птиц покрупнее — на галок и сорок. Галку, пущенную с руки, перепелятник, несмотря на отчаянное сопротивление сильной птицы, не уступающей ему по массе, все-таки одолевал. Однако на вольных птиц он нападать не решался, безошибочно чутьем хищника угадывая в них слишком сильного противника, не сломленного неволей.

В порядке эксперимента Паша попробовал погонять своего перепелятника на вабиле, и, по его словам, это получалось у ястребка совсем неплохо. В отличие от соколов, которые атакуют вабило сверху, взмывая после каждого промаха, перепелятник совершил броски на горизонтальном полете.

Неосторожность одного молодого самца балобана коренным образом повлияла на судьбу перепелятника. Со-

кол попал в Пашину сеть и сразу завладел всем его временем и вниманием. Поэтому было решено ястреба отпустить. Хорошо откормив ею в течение нескольких дней, Паша снял с него путцы и оставил сидеть на седале без привязи. Несколько раз в течение дня он приходил посмотреть, не улетел ли ястреб, но тот спокойно сидел на привычном месте. И все же перепелятник исчез, тихо и незаметно, как и подобает ястребу.

Наверное, для любого начинающего сокольника ястреб-перепелятник — самая подходящая птица. И причин тому немало. Главное — этого ястреба сравнительно легко достать, ведь он один из самых многочисленных хищных птиц и гнездится почти во всех лесных районах страны, а на пролете и зимовке встречается в достаточном количестве в степных и пустынных районах. Вынашивать на руке перепелятника несложно. Охотиться же можно в самых разнообразных условиях, да и подходящую дичь — птиц, величиной от воробья до голубя — можно найти всюду.

Конечно, среди перепелятников, как впрочем, и среди любых ловчих птиц, могут встретиться и малопригодные особи. Что ж, такие обычно рано или поздно улетают, и жалеть об этом не стоит.

Пожалуй единственный серье́зный недостаток перепелятника — это его нежность. Необходимо быть очень осторожным в дозировке пищи, стремиться обеспечить питомца свежим птичьим мясом, почаще давать возможность купаться. И тогда можно надеяться, что ястреб подарит немало волнующих минут на охоте, щедро вознаградив за терпение и заботу.

САПСАН И ШАХИН

Относительно этих редких птиц мне почти нечего сказать. Все, что мне известно об их использовании на охоте, porчерпнуто из литературы и рассказов Абдуллы и Алика, самому же приходилось видеть сапсана и шахина только вольными птицами.

140

Странно, что вопреки традиции, по которой восточные сокольники издавна отдавали предпочтение балобанам, Алик и Абдулла в один голос утверждали:

— Сапсан, его еще называют лачин, — лучшая ловчая птица.

— Еще в детстве нам приходилось наблюдать за гнездом сапсанов, — сказал Алик. — Оно располагалось на высокой, отвесной, почти неприступной скале. Несмотря на большой риск, до гнезда каждый год добирались охотники и вынимали из него птенцов.

— Но ведь после этого сапсаны должны были бы покинуть это место? — спросил я.

— Нет, — ответил Алик, — продолжали гнездиться. К гнезду, единственному на многие десятки километров, стекались желающие обзавестись сапсаном — их было настолько много, что некоторые опережали конкурентов и забирались на скалу даже едва ли не в день вылупления птенцов.

— Я тоже это делал несколько раз, — признался Абдулла. — Выращенные из пуховичков, соколы становились хорошими ловчими птицами, но рано или поздно улетали.

Наверное, правильно и хорошо подготовленный сапсан, действительно, великолепная ловчая птица. Вспоминаю, с каким восторгом впервые читал в известной книге Г. П. Дементьева о ловчих птицах: опытные сокольники добивались выдающихся результатов, охотясь с сапсанами.

Алик утверждал:

— Сапсана можно с успехом использовать и для охоты на зайцев.

; — Что-то я сомневаюсь,— сказал я.— А если и поймает, едва ли справится с такой сильной добычей.

Алик сверкнул глазами, запнулся, подбирая слова, и на конец темпераментно выпалил:

— Если лачин один раз ударит — белый мозг зайца на зеленой траве лежать будет!

Известный орнитолог, специалист по хищным птицам Вольфганг Баумгарт в своей монографии о балобанах, сравнивая возможности разных видов соколов в качестве ловчих птиц, отмечает, что сапсан способен показывать хорошие результаты, если только в момент появления дичи будет находиться в воздухе, имея большое преимущество в высоте. Словом, необходимо научить сокола кружить в воздухе, следя за охотником, который (лучше всего с помощью собаки) отыскивает и поднимает на крыло добычу. Ну а добиться такого взаимопонимания и синхронности в действиях охотника и сокола — задача посильная, но не простая. Как-то опытный охотник Абдулла заметил:

— Сапсана обучить труднее, чем балобана. Он никогда так не привязывается к хозяину. Он требует очень строгого контроля, его нельзя перекармливать — сытая птица может улететь.

Еще скучнее сведения о шахинах. Известно, что их давно использовали для охоты. Об этом писал еще путешественник Марко Поло. Есть довольно неопределенные сведения о том, что их еще сравнительно недавно натаскивали в Туркменистане для охоты на зайцев. Как будто в США в настоящее время их напускают на жаворонков. Вот, пожалуй, и все.

У меня было подозрение: те соколы, которых братья принимали за сапсанов, были на самом деле шахинами. Эти виды настолько близки, что среди специалистов до сих пор нет единодушия: считать ли их разными подвидами сапсана или самостоятельными видами. Поэтому немудрено, если их перепутали простые охотники. Этот вопрос разрешился, когда в питомник соколов из ФРГ прибыли два

шахина, молодой, в первом наряде самец и взрослая самка. Какой непривычный облик они имели! Оба такие маленькие — самец едва ли больше крупного чеглока, самка, правда, несколько превосходила самца в размерах. Удивляло все: массивные головы с большими клювами они держали как-то странно втянутыми в плечи; у них были несуразно большие с длинными тонкими пальцами лапы и короткие хвосты, выпуклые большие глаза и широкая грудь. Картина довершала своеобразная расцветка. Если самец имел довольно скромный наряд, то оперение самки сразу выдавало в ней южную птицу: сизый верх и яркие, почти кирпичного цвета брюшко и грудь, бока в темных поперечных полосах, которые на брюшке рассыпаются на отдельные крапинки, под глазами черные усы. Таков в нескольких словах портрет этих редких птиц. Перелиняв через год во взрослый наряд, самец стал, пожалуй, даже красивее самки, хотя общий тон его оперения был значительно светлее — спина голубовато-серая, низ — нежно-кремовый. Оба шахина вопреки названию — их именуют рыжеголовыми сапсанами — имели темное темя, и лишь на затылке слегка пробивался коричневый цвет.

Едва Алик увидел шахинов, как с уверенностью сказал

— Никогда прежде таких птиц не встречал. Сапсаны с Барлыка были вдвое крупнее, и в их расцветке не было рыжих тонов.

Я понимал, что моим тайным надеждам — если не найти когда-нибудь гнездо шахинов, то хотя бы увидеть их в природе, — вряд ли было суждено сбыться. Слишком хорошо я к этому времени знал Алика: уж если он так говорил, можно не сомневаться.

И все-таки в тот год мне посчастливилось увидеть шахина, а вернее — нам с Пашей, и причем не просто увидеть, а несколько раз наблюдать его охоту.

Началось, пожалуй, все с того, что Паша дал в газету объявление о желании приобрести небольшой домик. Среди полутора десятков предложений Паша остановил выбор на

самом дешевом варианте. За относительно невысокую плату он стал обладателем двухкомнатной халупы, в которой уже десять лет никто не жил. Тонкие стены из трухлявого горбыля, кое-как обмазанного глиной, защищали разве что от нескромного глаза и были настолько хрупки, что счастливый новоиспеченный домовладелец однажды, случайно задев одну из них рукой, проломил брешь. Для метеоролога такой дом был бы настоящей находкой — не высывая носа из-под одеяла, можно было с точностью до градуса определить температуру воздуха на улице, силу и направление ветра, вид и обилие осадков. Однако Паша не был метеорологом, его больше интересовала орнитология, а уж если быть точным до конца, тот ее раздел, который занимается изучением хищных птиц. Тем не менее вскоре выяснилось, что и для орнитолога это скромное помещение оказалось сущим кладом. Ведь над ним летали соколы!

Едва обжившись, Паша обратил внимание: над его двориком то и дело небо прочерчивали силуэты этих хищников. Вскоре выяснилось: маршруты соколов перекрецивались над расположенным по соседству плодоконсервным заводом, который обладал для них загадочной притягательной силой. Здесь-то мы решили вести наши наблюдения. Раздобыв пропуски на завод, мы облюбовали в качестве наблюдательного пункта маленькую площадку, воздвигнутую над переплетением каких-то толстых металлических труб. На двенадцатиметровую высоту вела железная лесенка, а сверху открывался великолепный обзор на всю близлежащую территорию. Мы отметили: отходами халвичного цеха кормятся сотни голубей, горлиц, воробьев, а те в свою очередь привлекают соколов. Причем не только мелочь, вроде дербников, но и балобанов, сапсанов и даже шахина.

Не знаю, выпала ли кому-нибудь прежде такая удача — иметь возможность ежедневно в течение всей зимы наблюдать вблизи охоту четырех видов соколов, три из которых из-за своей редкости внесены в Красную книгу

СССР? И если у нас в Казахстане балобаны еще кое-где сохранились, то последнее достоверно известное гнездо сапсана было найдено двадцать лет тому назад, гнезда шахинов вообще не находили, а самих птиц за последние сто лет орнитологи видели не более пяти раз!

Обычно рассвет заставал нас на наблюдательном пункте. Утренний ветерок разгонял туман, а заодно и остатки тепла из-под одежды. Нетерпеливые горлицы первыми, *еще* в полуутро, начинали слетаться на завод со всех сторон, спеша поскорее набить зобы аппетитными крошками семян подсолнечника, которые в избытке находили в больших кучах лузги возле халвичного цеха. Вскоре к ним присоединялись воробы, голуби, а там налетали м соколы.

Избыток эмоций, вызванный редкостным зрелищем в первые дни наблюдений, уступил постепенно место тщательному сбору ценной информации по малоизученной стороне жизни хищных птиц. Иногда просто глаза разбегались: одновременно в поле зрения охотились сразу несколько соколов, а тут еще уйму времени занимали записи в дневниках, которые в сильный мороз окоченевшими пальцами было делать очень непросто. Трудно было в особенно холодные дни, когда и пяти минут нельзя было выстоять неподвижно. Пришлось научиться совмещать наблюдения в бинокль и оформление записей в дневнике с отплясыванием лихой чечетки!

Уже первые наблюдения нас обескуражили. Прямо на наших глазах рушился миф о соколах, бывающих без промаха, о страшном ударе заднего когтя, об ужасе, парализующем силу и волю птиц при виде грозного хищника. Вот, например, как описывал эффект, производимый появлением сапсана, У. Г. Хэдсон в своей книге «Натуралист в Ла-Плате»: «Внезапное появление над головой болотного сокола (сапсана) производит необыкновенно сильное впечатление. Мне нередко случалось видеть, как все обитатели болота впадали в какой-то панический страх, становились как бы безумными и забывали о всяких других опасностях; взгля-

дывая на небо, я был заранее уверен, что над болотом висела на тонких крыльях сама смерть, в образе сокола. Птицы, оказавшиеся, в это время на лету, вдруг падают вниз, точно подстреленные из ружья, скрываясь в камышах или воде; утки, оказавшиеся далеко от берега, вытягивают в уровень с землею свои шеи и, точно раненые, волочат свое тело, надеясь укрыться в траве; нет ни одной птицы, которая отваживалась бы подняться вверх и покружиться над хищником, как обыкновенно бывает с другими видами соколов; при всякой внезапной остановке парящего в вышине сокола, когда он угрожает броситься на добычу, крики испуганных птиц сливаются в глухой стон; и эти взрывы ужаса так заразительны, что тотчас с журчанием проносятся на всей поверхности болота, напоминая порыв ветра, когда он стонет и гудит, пробегая среди камышей. Все время, пока сокол висит над болотом, всегда на высоте около сорока ярдов, угрожая от времени до времени ринуться вниз,— можно бывает слышать, как переливающийся стон, происходящий от слияния многих сотен и тысяч птичьих криков, то вдруг усиливается, то снова замирает; в таких же случаях, когда сокол опускается ниже обычного, глухой стон превращается в отчаянный вопль, ужаса».

Должен сказать по поводу этого отрывка: в жизни все оказалось естественное и справедливе.

Выяснилось, что соколам ежедневно приходится трудиться что называется «в поте лица своего», чтобы получить свой кусок мяса, призывая на помощь не только прекрасные физические данные — способность без устали подолгу быстро и маневренно летать, но и опыт, смекалку, умение вовремя оценить ситуацию, выработать оптимальную тактику, найти наиболее эффективные приемы. Уже через несколько дней мы научились различать отдельных хищников, а к концу наблюдений узнавали «в лицо» шесть дербников трех сапсанов, двух балобанов. Причем не только по внешним признакам — величине, расцветке и так далее, но

и по стилю полета, манере охоты, особенностям поведения. Оказалось: большинство из них имеют свои «коронные» приемы и зачастую по манере охоты, скажем, два дербника могут различаться между собой гораздо сильнее, чем с каким-нибудь сапсаном или балобаном.

Что касается горлиц, голубей и воробьев, то они вовсе не казались беспомощными перед атаками хищников! у них тоже были свои приемы самозащиты: отлично зная слабости соколов — стремление ловить добычу только в воздухе, неспособность быстро набирать скорость на горизонтальном полете, недостаточную маневренность — умело их использовали. Например, некоторые голуби, увидев сапсана, вместо того, чтобы обратиться в паническое бегство, смело двигались ему навстречу и дерзко летали рядом, с легкостью увертываясь от бросков хищника, а затем, улучив момент, когда сапсан затевал одну из своих дальних погонь за другой птицей, спокойно отставали от него. По нашим наблюдениям, жертвами хищников обычно становились птицы, проявлявшие недостаточную бдительность и не замечавшие их во время преследования.

Какую же способность продемонстрировали наблюдающие нами соколы?

Один из сапсанов — прекрасная, крупная, взрослая, птица, которая особо импонировала Паше,— добычу ловила в среднем после девятнадцати неудачных бросков эта цифра не случайная, всего мы наблюдали двести восемьдесят бросков этого сокола). Светлый, мощный, удивительно неутомимый балобан, который очень нравился мне, однажды поймал горлицу на восемьдесят втором броске, ну а рекордсменом оказался лихой самец дербника. Он появлялся над заводом только несколько дней, носился, как метеор, и, быстро поймав воробья, исчезал. На поимку двух воробьев он затратил всего семь попыток.

Как я уже говорил, наши с Пашей симпатии разделились. Но так было лишь до того дня, когда впервые появился шахин. Он сразу покорил наши сердца. Что это была

за птица! И можно ли себе представить более совершенное сочетание силы и грации, скорости и легкости, чем у летящего шахина! Пожалуй, именно легкость покорила меня прежде всего. И балобаны, и дербники, и сапсаны способны летать очень быстро (просто дух захватывает, когда наблюдаешь их стремительные броски!) Но зато и видно, что птицы работают с полной отдачей.

Дербники после нескольких бросков присаживаются, чтобы отдохнуть. Балобан чередует стремительные атаки с медленным, расслабленным полетом. Даже сапсан после длительной погони за голубями устает настолько, что, если посмотреть в бинокль, видно, как тяжело дышит широко раскрытым клювом. Медленно летящим или, тем более, отдохвающим, я шахина вообще не видел. В полете, когда не очень частые, глубокие взмахи, чем-то напоминающие полет крачка, чередуются со скольжением с плотно прижатыми к телу крыльями, он кажется, мчится со скоростью, совершенно не соответствующей прилагаемым усилиям. Причем поражает способность очень быстро разгоняться.

Однажды мы стали свидетелями такой сцены: из-за тополей, росших за оградой завода, внезапно появился сокол. Резко снизившись, он промчался, стелись над крышами складов, в двух десятках метров от нашего наблюдательного пункта. В морозном январском воздухе были видны мельчайшие детали оперения — небольшие «усы», молочно-кремовый низ тела, ярко-рыжие пятна по бокам головы. В считанные секунды школ пересек по диагонали территорию завода и уже за ее пределами промахнулся по горлице. Резко взмыль, шахин тотчас развернулся почти на сто восемьдесят градусов и погнался за другой горлицей, которая на такой же высоте летела примерно в трёхстах метрах. Он вновь промелькнул мимо нас и ловко подхватил добычу, которая с начала погони не пролетела и ста метров.

Если попытаться грубо прикинуть скорость хищника, исходя из того, что горлицы при нормальном полете имеют что-то около сорока километров в час, а шахин летел при-

мерно в четыре раза быстрее, то получим цифру примерно около ста шестидесяти километров в час. На самом деле скорость шахина была, по-видимому, *еще* выше в заключительной стадии броска, ведь, развернувшись, он начинал практически с нуля и какое-то время терял на разгон. Из литературы известно о специальных замерах скорости полета ручного шахина при выпуске его на голубя. На горизонтальном полете он развивал скорость около двухсот километров в час. Вероятно, на большее не способна никакая другая птица. К сожалению, видели мы шахина мало, всего пять раз. Он сделал двадцать три броска, три из них были удачными.

Позже, заинтересовавшись эффективностью охоты хищных птиц, я перерыл все книги, оказавшиеся (в моем распоряжении, но найти удалось совсем немного достоверных данных. Все они однозначно говорили: даже самые ловкие и сильные хищники, как ястребы и соколы, охотящиеся на подвижную добычу — на птиц, совершают немало промахов, прежде чем добываются удачи (доля удачных бросков колеблется в пределах пяти — двадцати процентов). Это — у сильных, здоровых, вольных птиц. Вот почему охотника не должны обескураживать неудачи их пернатых питомцев, которые, естественно, обычно уступают диким хищникам в тренированности, опытности и «спортивной форме».

Сапсаны в настоящее время стали очень редки. Численность их продолжает быстро сокращаться. Шахины — вообще одна из самых малочисленных гнездящихся птиц нашей страны. Судьба этих соколов тревожит специалистов и просто любителей природы во многих странах. Прилагаются немалые усилия для их сохранения. Кое-где научились разводить их в неволе и теперь выпускают туда, где эти соколы некогда обитали, но затем исчезли по разным причинам, которые, тем не менее, все так или иначе связаны с деятельностью человека.

Стоит ли говорить о том, что в настоящее время «изымать» из природы этих птиц ради охоты — преступление.

Очень хороший пример благородного отношения к редким хищникам дают, в частности, сокольники Германской Демократической Республики. Используя для охоты достаточно многочисленных ястребов — тетеревятников и перепелятников — они много усилий прилагают для охраны гнездовий дневных хищников, подбирают ослабленных, больных или раненых, используют свой богатый опыт обращения с хищными птицами, чтобы «поднять их на ноги» и затем выпустить на волю. Организуют зимнюю подкормку, ведут борьбу с браконьерством, оказывают помощь орнитологам в учетах численности и изучении экологии хищников. Все это, естественно, говорит о больших возможностях человека в благородном проявлении его любви к природе, к защите ее представителей от исчезновения.

БЕРКУТ

Много легенд и письменных доказательств есть о древно-охоты с беркутами в Казахстане. Но речь пойдет не о том . Как же этот способ охоты выглядит в наше время? К сожалению, надо признать, он, судя по всему, доживает последние дни. И причину, по-видимому, не стоит искать только в том, что стало меньше дичи. Да, меньше, но для охоты с беркутами все еще достаточно в республике. И не потому, что сократилась численность самих беркутов— есть места, например, юго-восток республики, особенно в горных районах, где они распространены, как и раньше. Мне кажется, важнее другое обстоятельство — исчезла категория людей, которые потенциально имели необходимые условия для такой охоты. Однажды тот же Алик сказал мне:

— Не следует верить тем книгам, в которых охота с беркутом описывается как народная забава. Нет, бедный человек не мог позволить себе такое. Ведь совсем не просто прокормить крупного хищника. Да и для охоты нужна лошадь, причём хорошая. А главное — занятие требует уйму

времени: обучение и подготовка беркута — дело очень хлопотливое и трудоемкое. Если бы такой человек держал беркута для развлечений, как бы он кормил свою семью?

Современному охотнику, конечно, иметь беркута не только трудно, но и нет резона. Судите сами: какой смысл кормить круглый год орла, затем полтора-два месяца до начала сезона интенсивно заниматься с ним, чтобы всего несколько раз в установленные правилами охоты ограниченные сроки и в отведенных угодьях попытать счастья? Причем стараться без особой надежды на успех — ведь хороших результатов можно достичь лишь при регулярной охоте в течение продолжительного времени! Что же касается окупаемости, то об этом не может быть и речи. Даже если беркут очень хорош, охотник опытен и этой «компании» удастся отловить десяток-другой лис, шкурки которых необходимо сдать, выручка окажется незначительной из-за низких закупочных цен на пушнину.

Самое удивительное, что, несмотря на такие сложности, есть любители охоты с беркутом. Это — обычно престарелые беркутчи, обладающие огромным опытом и знаниями, накопленными десятками поколений охотников, но не способные участвовать в охоте, требующей физической силы и ловкости. Есть и просто желающие к ней приобщиться — совсем молодые люди, энтузиасти, но их страсть не подкреплена необходимыми навыками. Можно сожалеть, что уходят в прошлое знатоки, а на смену им идут наивные любители, которые, например, не умея поймать вольного хищника, обычно вынимают птенцов из гнезд; или, допустим, при содержании хищника, его подготовке, при изготовлении необходимого снаряжения, лечении проявляют удивительное невежество. Птица в лучшем для нее случае после того, как хозяин убедится в ее «непригодности», попадает в зоопарк. Однако значительно чаще орлы пропадают от болезней,увечий, истощения или улетают, а на воле опять-таки погибают от голода, так как не способны самостоятельно охотиться.

Сейчас успешно охотятся с беркутами буквально единицы. Мне самому так и не посчастливилось присутствовать на настоящей охоте, но зато я имел возможность довольно детально ознакомиться с подготовкой птицы с момента ее поимки и до пробных напусков...

...Выноска беркута была новым делом и для Алика. Хотя этих птиц держал и его отец, и старший брат Абдулла, сам он впервые обладателем беркута стал в сорок лет: по протекции Икара взял его в зоопарке. Средней величины орел так разжирил в вольере, что весил, пожалуй, больше самой крупной вольной птицы. Даже не мог подняться в воздух, за что получил имя, которое в переводе с казахского звучит примерно так: «Рыжий, который ходит пешком». Худел он очень медленно, однако, когда достиг охотничьей кондиции, выяснилось, что вопреки имени, летать может и даже очень неплохо.

Меня поражало терпение охотника. Изо дня в день, не торопя событий, Алик часами возился с птицей, отрабатывая какой-нибудь элемент подготовки или просто держа ее на правой руке, осторожно поглаживая левой и что-то негромко при этом приговаривая.

Сам я в то время занимался с дербником и невольно делал сравнение одной из самых мелких ловчих птиц с самой крупной. И оно было не в пользу беркута. Было в нем, как мне казалось, что-то от древних ящеров — тяжеловесная заторможенность реакций, непробиваемое упорство, мрачная непредсказуемость действий. Скажем, хождение на руку. Орел с безразличным видом сидел на камне, смотрел куда угодно, только не на хозяина. Проходила минута, другая — и все еще было непонятно, видел ли хищник предлагаемое ему мясо или нет, — как вдруг, когда меньше всего этого ожидали, он, плотно прижав перо, отталкивался лапами от камня, делал два-три тяжелых взмаха крыльями и... оказывался на руке! Правда, при напуске на живую добычу — кроликов, кошек, мелких собак — выяснилось, что эта медлительность обманчива.. Беркут, неторопливо

взмахивая крыльями, тем не менее очень быстро настигал жертву, а лапы в момент схватывания совершали такое неуловимо быстрое движение, что, казалось, добыча сама к ним прилипала..

Когда подготовка беркута завершилась, Алик взял отпуск и верхом отправился на охоту. Объявился он через три недели — дочерна загоревший, с одной лисьей шкурой. Сообщил: на охоте отличился старик Туйгун, десятилетний, уже беззубый кобель тазы, которого он тоже брал с собой.

— Ну как беркут? — спросил я.

— Неважно. Правда, справился с сайгаком. Прежде чем схватить антилопу, нанес ей с налета, как сокол, несколько ударов когтями. Ловил зайцев, даже филина он умудрился взять. Только вот на лис почему-то ни в какую охотиться не пожелал!

После этой поездки решилась судьба беркута: пришло «Рыжему, который ходит пешком», вернуться в зоопарк...

Еще не одного беркута поменял Алик, когда пришел наконец первый успех. Несколько орлов он поймал в сети и капкан — попались мелкие и очень старые самцы, явно негодные для охоты на лис, однако одного из них ему удалось обменять на огромную молодую самку, которую взяли из гнезда птенцом и два года продержали в неволе. Сколько сил на нее было потрачено! Несмотря на внушительные размеры, она оказалась трусливой и не то, что на лису, на сурка боялась напасть! К тому же оказывалось, что она никогда прежде не летала. Несмотря на все усилия воспитателя, она не научилась летать так, как это необходимо для охоты. Но, как выяснилось, сил ей хватило для того, чтобы однажды улететь: испугавшись незнакомого человека на лошади, беркут дернулся и оборвал должностник. Через несколько дней прошел слух, что в низовьях ущелья, в котором жил Алик, кто-то поймал орла, но ничего определенного о его дальнейшей судьбе выяснить так и не удалось.

Как-то раз Алик неожиданно стал обладателем двух беркутов. Сцепившись из-за добычи, они упали на землю и нанесли друг другу такиеувечья, что уже не могли подняться в воздух. Охотник выходил обоих, но одного выпустил на волю. Для себя оставил другого, которому и суждено было первым из его орлов открыть счет пойманным лисам.

Обстоятельства складывались так, что следовало торопиться и подготовить птицу в кратчайшие сроки: она попалась осенью, довольно много времени ушло на лечение, а конец охотничьего сезона приближался неумолимо. И вот что удивительно — Алику удалось за месяц подготовить орла. Но какой ценой! Я много раз бывал у него в это время и видел, каких усилий ему это стоило! От постоянного недосыпания (ведь для того, чтобы не дать уснуть птице, — а это необходимое условие быстрой подготовки — надо бодрствовать и самому) у него покраснели глаза. Лицо осунулось от недоедания, так как не хватало времени даже для приготовления пищи. Беркут же, напротив, выглядел молодцом.

— Он меня доконает, — жаловался Алик, — ему все ни почем!

Но через месяц птица была подготовлена и до окончания сезона успела поймать двух корсаков и двух лис.

Однако беркутчи был не вполне доволен своим питомцем:

— Хотелось бы иметь и более крупного и более сильного. А то поимка каждой лисы сопровождается отчаянной борьбой, отнимающей у хищника много сил.

Быть может, потому, что не очень-то дорожил Алик своим беркутом, однажды рискнулпустить его, когда тот, заметив какую-то добычу, дернулся с руки, хотя невдалеке надвигалась стена густого тумана. Орел взлетел и вскоре исчез в тумане, как потом стало ясно, навсегда.

Один раз судьба все-таки улыбнулась Алику — он поймал себе именно такого беркута, о каком мечтал всю жизнь.

Произошло это знаменательное событие тридцать первого декабря — о лучшем новогоднем подарке нельзя было и мечтать. Орел попал в сеть очень удачно, не повредив, как это нередко случается, перьев. Через несколько дней мы его взвесили и обмерили. Вес птицы, которая все это время не притрагивалась к пище и несомненно похудела, составил шесть килограммов триста граммов (всего на четыреста граммов меньше максимального, известного науке), зато семидесятишестисантиметровые крылья оказались на два сантиметра длиннее рекордных.

Облик могучей и вместе с тем стройной птицы никого не оставлял равнодушным. Особенно сильным было впечатление, если беркута сажали рядом с другим, средних размеров орлом, доставшимся Алику в подарок от чабана. Даже не верилось, что обе птицы относятся к одному виду. Орел был всем хорош, но что особенно важно — достаточно молод (не старше пяти—шести лет), о чем свидетельствовала светлая окраска хвоста.

— Такую птицу можно поймать раз в жизни — твердил охотник, не сводя восторженных глаз с величественного пленника.

И вот он начал готовить орла к охоте. Делал это не спеша, я бы сказал бережно. Да и куда было торопиться — до осени оставалось более полугода, к тому же в запасе была еще одна хорошо обученная птица, правда, старая, некрупная, но с хорошим экстерьером. Обучение красавца-орла продвигалось медленно, но верно, и лишь одно беспокоило — он боялся незнакомых людей. В этом не было ничего удивительного, ведь он практически никого, кроме хозяина, и не видел. Чтобы устранить этот существенный пробел в подготовке, беркутчи прибег к старому, испытанному средству — оседлал лошадь и с беркутом на руке отправился в город. Покружив несколько дней по самым оживленным улицам в районе Центрального рынка, он добился того, что беркут совершенно перестал замечать не только людей, но и машины. Более того, хищник начал с определенным ин-

тересом реагировать на бродячих собак и кошек, то и дело появлявшихся на улицах. Как-то раз Алик довольно опрометчиво решил пустить на шнуре орла на кошку, которая буквально перед самой мордой лошади перебегала улицу. Но... ей удалось благополучно улизнуть! Зато охотнику не поздоровилось. Прохожие не стесняясь в выражениях, высказали ему все, что они о нем думали. Кое-как наш Алик спасся от разгневанных граждан, дав себе слово никогда не позволять подобных вольностей!

К началу охотничьего сезона оба беркута успели перелинить и были в оптимальной кондиции. Поэтому Алик взял с собой обоих. Мы с нетерпением ждали от него вестей и почти не сомневались, что он вернется с богатой добычей. Вышло, однако, иначе. При первом же напуске погиб беркут-красавец, с которым связывались радужные надежды. Причем погиб только по вине охотника! Решив перестраховаться, он на первый раз пустил птицу с шнуром. Лиса была ниже по склону, и орел, скользя на подобранных

крыльях, развил огромную скорость. К несчастью, шнур зацепился за что-то, и птицу со страшной силой швырнуло на землю. Удар был таков, что, когда Алик подскакал к беркуту, тот был уже мертв. Он оплакивал как ребенок своего беркута — птицу, какую можно поймать лишь раз в жизни. Сколько трудов и лишений, сколько надежд и разочарований — и все напрасно.

Однако не возвращаться же назад, не испытав привезенного за две сотни километров другого орла. И вот маленький, невзрачный беркут заработал в меру своих сил. Оказывается, не прошли даром предыдущие неудачи, горькие уроки — появился опыт, позволивший охотнику с малопригодной птицей добиться успеха, хотя каждая лиса стоила хищнику отчаянных усилий, а нередко и ран.

Алик потом рассказывал:

— Конечно, удача каждого напуска во многом зависела от быстроты моего коня. Часто бывало, что, подскакав к месту схватки орла с лисой, я заставлял птицу без добычи — она не смогла удержать ее. Нередко беркут, сцепившись со зверем на склоне, катился с ним кубарем вниз и потом оказывался под ним, и тогда уже больше помышлял об обороне.

Что же заметил охотник? Птица оказалась сообразительной. Она поняла, что без помощи хозяина с лисой ей совладать очень трудно, поэтому смелость и энергия, с которой она атаковала жертву, была тем больше, чем ближе находился охотник. Отловив семь лис, Алик вынужден был сделать перерыв, чтобы подлечить питомца, у которого от зубов лис особенно пострадали лапы. Заодно он изготовил для орла кожаные «перчатки», которые полностью себя оправдали, достаточно надежно предохраняя пальцы от укусов. И вот еще полдюжины лис (не говоря уже о зайцах) стали добычей неутомимого беркута — итог, достойный и куда более сильного орла.

И все-таки Алика этот беркут не устраивал: крупная птица за то же время могла бы достичь большего. Поэтому

он решил хорошо послужившую птицу выпустить на волю. Правда, прежде ей предстояло сняться в фильме про сурков, где необходим был эпизод охоты орла на этих зверьков. Старый беркут не подвел и на сей раз и вполне артистично сыграл свою роль.

...Охота с беркутом, традиционно распространенная в прошлом среди народов Средней Азии и Казахстана, сейчас начала находить поклонников и в других местах. Описаны случаи их успешного применения для ловли зайцев, кроликов, бродячих кошек и даже косули в Западной Европе. Известно мне и о двух таких сокольниках, проживающих в нашей стране. Один из них, И. С. Воробьев из Восточного Казахстана, знаком мне не только по рассказам знающих его людей, но и как один из авторов научных статей, посвященных хищным птицам Алтая. Этот человек по профессии лесник и очень увлечен наблюдениями за хищными птицами и их изучением. Ему известны все гнезда в окрестностях кордона, едва ли не каждого беркута он знает «в лицо». Зимой, когда хищникам бывает особенно плохо, охотник приходит им на помощь: регулярно дает им подкормку. Держит Воробьев несколько беркутов, но охотится, кажется, только с одним. Кроме обычной добычи — лис, на счету его беркута несколько побед над рысями; успешно ловит он и косуль.

С другим беркутчи, Юрий Носковым из Шушенска, я знаком. И хотя наша встреча была очень короткой, не больше часа, этого хватило, чтобы убедиться — он именно такой, каким я его представлял: увлеченный человек, знающий толк в хищных птицах. Работать ему пришлось с ястребами, кречетами, даже орлом-карликом. Но с особой гордостью он рассказывал о своем беркуте. На лето птицу пристраивает в зоопарк, а перед началом охотниччьего сезона забирает. Буквально во всем — и в методах подготовки, и в изготовлении и применении снаряжения, и в способах охоты — он обязательно применяет что-то свое, новое. Например, беркута он носит не как принято — на варежке, а

на специальной Т-образной деревянной подставке. Путцы и должник у него тоже собственной конструкции — короткие ремешки с металлическими кольцами на конце, сквозь которые пропускается прочный капроновый шнур. Охотится Юра пешком. Основной объект — зайцы-русаки, с которыми, по его словам, даже крупный ловчий ястреб-тетеревятник очень редко справляется, так что применение орла вполне оправданно. Кроме того, ему со своим питомцем удавалось добывать лис и косуль.

Охота с ловчими птицами и, пожалуй, особенно с беркутами, требует острой наблюдательности, хорошего знания повадок и образа жизни хищника. Взять хотя бы сложную систему параметров, по которым определяются потенциальные рабочие качества орла. Кроме общих размеров, относительной величины лап и когтей, толщины костей и развитости мускулатуры, учитываются десятки мелких признаков. Вот только некоторые из них: форма головы; величина клюва и толщина его конъяка; размеры ноздрей; наличие белых перьев на плечах (они обычно не видны; но даже если имеются, то, чтобы их обнаружить, необходимо раздвинуть прикрывающие их перья нормальной бурой окраски); степень изогнутости когтей (чем меньше, тем лучше) и наличие по их внутреннему краю острой грани; количество крупных щитков на верхней поверхности внутреннего пальца (обычно их три; ценится, если больше); толщина жилы, которая прощупывается спереди голени; количество рулевых перьев (обычно их двенадцать, но иногда встречаются птицы и с тринадцатью рулевыми, что считается хорошим признаком) и так далее.

Не знаю, насколько можно верить этим признакам, но во всяком случае примечательно, что охотники вникали в такие тонкости. Что же касается классификации беркутов по возрасту, то она хорошо согласуется с данными науки: *балапан* — молодая птица в возрасте до одного года; *тирнек* — двухлетний орел, от балапана отличается тем, что частично линяет; *тастулек* — беркут на третьем году жиз-

ни, полностью линяет, нередко образует пару и строит гнездо, но не размножается; *ана* — птица впервые размножается; *бархын* — взрослый орел, в оперении которого тем не менее происходит постепенное изменение окраски и рисunka (примерно до пятнадцати лет); *баришын* — старый беркут в окончательном наряде; *коктулек* — очень старый беркут, от барышына отличается серым цветом пуха (у более молодых птиц он белый).

Как видно, классификация охватывает очень обширный промежуток жизни орлов. Точному установлению этих признаков в немалой степени способствовало то, что довольно часто сотрудничество охотника с беркутом продолжалось по нескольку лет, иногда десятилетиями, и даже свыше тридцати лет. Такой уникальной возможности наблюдать птицу и ее возрастные изменения орнитологи могут только позавидовать. Нередко случалось, что, стараясь вместе со своим хозяином, беркут его переживал и переходил по наследству сыну. Вообще о долголетии этих птиц ходят легенды, причем это тот случай, когда они имеют под собой достоверную основу. Точно зафиксированы случаи, когда беркуты в неволе прожили тридцать и пятьдесят семь лет и даже как будто девяносто два, девяносто пять и сто один год.

Пожалуй, самым убедительным свидетельством исключительного долголетия беркутов послужила добыча в 1845 году во Франции птицы с золотым ожерельем на шее, на котором была выгравирована надпись на латинском языке: «*Caucasus Patria; Fulgor Nomen; Budinski Dominis Mihi Est; 1750*». Это означает: «Кавказ моя родина; Фульгор мое имя; Будинский мой господин; 1750». Этот орел прожил с ожерельем девяносто пять лет! Остается только гадать, в каком возрасте он получил золотое украшение, которое, несомненно, должен был заслужить.

Ту огромную популярность, которую беркуты имеют в качестве ловчих птиц, им принесли в первую очередь великолепные природные данные. Разве неудивительно, что

эти орлы, редко достигающие шести килограммов, справляются с добычей, многократно превосходящей их по **массе**, причем не только с относительно беззащитными копытными, но и с такими сильными хищниками, как дикие степные кошки, лисы, рыси, волки? Одной силы и ловкости, страшных когтей и клюва было бы недостаточно! На помощь хищникам приходит инстинктивное владение приемами, за которое, прежде чем оно выработалось и закрепилось, наверное, заплатили своими жизнями тысячи и тысячи их предков.

Вот, например, как описывает действия беркутов при охоте на волков немецкий орнитолог доктор Реммлер, который сам имел ловчую птицу и с ней успешно охотился на этих хищников: «Тотчас, как волк почувствует хватку орла за крестец, он молниеносно поворачивает голову назад, чтобы схватить птицу. В большинстве случаев это происходит в правую сторону. Такая попытка схватить — именно то, что ожидает беркут. Он отпускает левую лапу и бьет ею в голову добычи обычно таким образом, чтобы схватить и сжать обе челюсти. Затем он с неправдоподобной мощью прижимает голову волка к его боку. При этом нередко ломается шея или позвоночник зверя и наступает мгновенная смерть. Если же этого не происходит, он отпускает правую лапу и хватает как можно ниже за грудную клетку. То сжимая, то разжимая когти, он рвет сердце и легкие. И в этом случае смерть наступает через несколько секунд. Весь процесс происходит полностью инстинктивно и с такой молниеносной быстротой, что очень сложно проследить и различить каждую отдельную хватку».

Поражают и летные качества беркутов. В природе они отличаются от других крупных орлов не только величиной и своеобразным изящным силуэтом, но и легкостью и быстротой полета. Специальными измерениями было установлено, что на горизонтальном гребном полете эти орлы способны развивать скорость сто двадцать восемь, сто пятьдесят и даже сто шестьдесят километров в час; при планиро-

вании (при попутном ветре и с одновременным набором высоты) она возрастает до ста девяноста, а при пикировании, возможно, даже до трехсот двадцати!

Мало кто в пернатом царстве может сравниться с беркутом в скорости полета. Однако полет беркута и достаточно маневрен, что позволяет ему охотиться даже на птиц в воздухе, например, на журавлей, дроф, уларов.

Как бы в соответствии с большими физическими возможностями у беркута и чрезвычайно богатый набор потенциальных жертв: это млекопитающие размером от косули и сайгака до мышей и землероек; птицы — от дроф и лебедей до жаворонков и воробьев; ящерицы, змеи, черепахи, рыбы, насекомые... Не говоря уже о падали и добыче, которую они сплошь и рядом отнимают у более слабых хищников. Кстати, Алик утверждает, что среди беркутов нередки особи, живущие почти исключительно мародерством и нахлебничеством. Это, как правило, мощные самки, которые круглый год находятся на иждивении своих самцов. Они никогда не упускают случая завладеть чужой добычей, не гнушаются и падалью. Если в сети охотника попадает такой орел, его узнают по оперению, которое всегда в идеальном состоянии, и по отсутствию ран и шрамов на лапах. Обычно такую птицу сразу отпускают, так как хорошего охотника из нее не выйдет.

Беркуты издавна привлекали внимание людей своей силой, ловкостью, смелостью и красотой. Не случайно их изображения украсили гербы знатных родов, старинных городов и могущественных государств. Оправдано и то, что человек попытался использовать эти выдающиеся качества в своих целях. Но, наверное, в силу тех же причин он увидел в беркуте и других хищниках опасных конкурентов и объявил им воину. И пусть сегодня большинство несправедливых обвинений снято и с ними вновь заключен мир, хищные птицы, увы, переживают далеко не лучшие свои дни. Останется ли охота с беркутом или уйдет в область преда-

ний, сейчас важнее другое — сохранить этих великолепных птиц.

Как это ни печально, наряду с гибелю от инсектицидов и пестицидов, которыми опрыскивают посевы, и на опорах ЛЭП, огромный урон популяции этих орлов в Казахстане и Киргизии наносят люди, прельстившиеся романтикой древнего искусства охоты с беркутами, но имеющие о ней отдаленное представление. Сотни молодых птиц, попадающих в неопытные руки, уже никогда не совьют своего гнезда, не дадут потомства. Вместо этого они влакат жалкое, полуголодное существование у таких горе-охотников, десятками заболевают, калечатся, гибнут. Необходимо привлечь воздержаться от бессмысленного разорения гнезд беркутов. Эти действия наказуемы: беркуты занесены в Красную книгу, а значит, находятся под защитой государства.

«ВОРОН ВОРОНУ...»

«Ворон ворону глаз не выклюет» — гласит старая латинская пословица. Возможно, она и справедлива, если иметь в виду воронов (хотя это сомнительно), но уже то хорошо, что римляне не вздумали утверждать: «Ястреб ястребу и т. д.». Занимаясь с разными ловчими птицами, да и наблюдая за вольными хищниками, мы не раз имели возможность убедиться: нередко между ними царят весьма напряженные отношения, приводящие порой к серьезным конфликтам.

Однажды во время сборов на охоту Алик со своим ястребом зашел в помещение, в котором мы с Икаром держали своих птиц. Дальнейшее произошло настолько стремительно, что никто из нас не то что помешать, даже сообразить ничего не успел. Ястреб вырвался из рук охотника, мелькнул через комнату и вцепился в небольшого самца тетеревятника, которого тренировал Икар. Мы все броси-

лись на выручку и вскоре, по одному разжимая пальцы хищника, освободили несчастного ястребка. Тот, правда, держался как ни в чем не бывало, живо реагировал на предлагаемую пищу и, казалось, ничуть не пострадал. Однако позже последствия мертвой ястребиной хватки оказались очень сильно — птица болела несколько недель, и был даже период, когда хозяин опасался за ее жизнь.

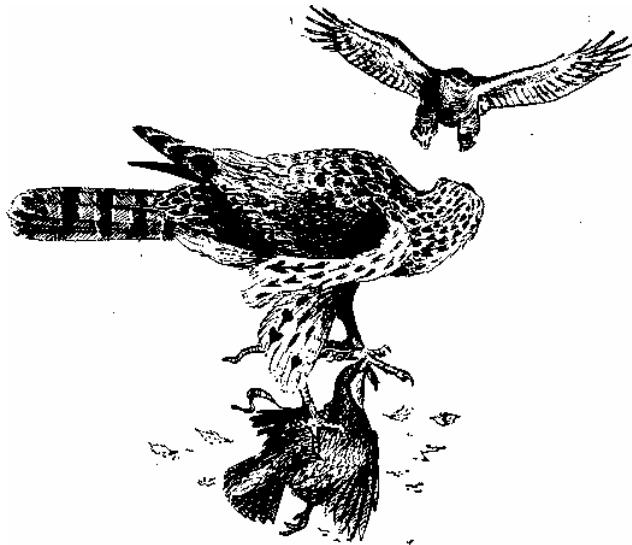
Другой случай произошел во время охоты на кекликов. Мы разбрелись со своими птицами кто куда в поисках дичи. Часа через два я увидел Сашу, который шел в моем направлении. Вскоре я разглядел, что он был в гордом одиночестве без своего великолепного ястреба. Спустя несколько минут мы сошлись, и я узнал, что уже давно, в самом начале охоты, при первом же напуске, тетеревятник улетел. Он погнался за кекликом и исчез вслед за ним за холмом.

— Эх, если бы ты видел, как он летел, это была симфония! — с жаром рассказывал товарищ.

Я смотрел на друга и с удивлением отмечал про себя: он был не слишком расстроен. Впрочем, думал я, может быть потому, что за ту зиму он уже потерял нескольких птиц, неудачи закалили его, и тех двух часов, что прошли с исчезновения хищника, вполне хватило для восстановления душевного равновесия.

— Попытаемся еще раз поискать беглеца, — предложил я.

Мы не торопясь, тщательно осматривали (все укромные места, двигаясь вдоль склона. Как только достигли того места, где товарищ в последний раз видел своего ястреба, ниже с шумом сорвались два кеклика. Мой ястреб рванулся следом и на отличной скорости быстро настиг одного из них. Но кеклик сумел увернуться и что было духа помчался к куче валунов, намереваясь, по-видимому, скрыться в пустотах между ними. И ему это едва не удалось. Ястреб настиг его у самых камней.

Оживленно обсуждая только что пережитое зрелище захватывающей погони, мы спускались по склону. Вдруг сбоку, из глубокой промоины выскользнул крупный ястреб и спланировал к валунам, где моя птица уже начала оципывать добычу. За камнями нам не было видно, что произошло между хищниками. Но когда мы подбежали метров на десять, чужой тетеревятник, оказавшийся с пугацами, вылетел и сел неподалеку. Саша (это был, конечно же, его ястреб) побежал его манить, а я поспешил к своему, но... обнаружил только кучу перьев кеклика. Под валунами слышалась какая-то возня, причем звук довольно быстро перемещался то в одну, то в другую сторону. Наконец, через несколько минут из щели показалась голова ястреба, я сразу протянул руку с мясом, и он, после некоторых коле-

баний, вылез наружу, взобрался на перчатку, но есть не стал, а все заглядывал под камни.

Нетрудно было догадаться, что пока хищники «выясняли отношения», кеклик улизнул, и уж в тесных лабиринтах под валунами, где все преимущества были на его стороне, ему нечего было опасаться когтей тетеревятника. Я тщательно осмотрел птицу, но ни крови, ни ран не обнаружил, да и выглядела она бодро. В тот день я ее больше не пускал, а через какое-то время заметил, что с ястребом творится неладное. Всегда, бойкий, деятельный, он стал вялым, плохо шел на руку, несмотря на обильное кормление худел. Однажды, когда он после плотного обеда уминал зоб, проталкивая мясо в желудок, я услышал свист вырывающегося наружу воздуха. Значит, ему все-таки досталось. Так и есть: оказался проколотым один из воздушных мешков. Кстати, точно такое же шипение я слышал и у ястреба Икара после того, как тот побывал в когтях своего собрата. К счастью, мой тетеревятник довольно скоро выздоровел, и к нему вернулись его прежние живость и сила.

А Саша так и не поймал своего тетеревятника. Двух часов тому вполне хватило, чтобы вновь ощутить вкус к вольной жизни. Тогда мы обследовали промоину, надо было проверить: удалось хищнику при первом напуске поймать добычу. Перья кеклика не обнаружили, зато сам он вдруг пулей вынырнул из тесного закоулка. Значит, ястреб загнав его в укрытие, терпеливо караулил, притаившись рядом, пока не соблазнился чужой добычей.

Далеко не всегда ястребы в стычках между собой отдельывались только царапинами. У Алика, например, один из тетеревятников съел двух других. Из литературы известно, что такие случаи вообще нередки среди ловких птиц, причем не только ястребы, но и соколы не прочь полакомиться себе подобными.

Однажды Алик позвонил мне и сообщил: — Позавчера поймал для тебя ястреба. Приезжай и забери. Птица целехонька, ни одно перышко не помято.

Я быстро приехал. Когда взглянул на ястреба, сразу заметил: у него виснет одно крыло. Поймав мой взгляд, Алик сказал:

— Можешь благодарить своего балобана — его работа.

Балобан был уже давно не моим, но у меня сохранилась к нему особая симпатия. Что же произошло? Оказывается, во време тренировки на вабиле сокол, заходя на очередной бросок, неосторожно пролетел слишком близко мимо седала, на котором находились ястребы, и один из них, предназначенный для меня, к несчастью, рванулся, пытаясь поймать маленького балобана. Хорошо, что должника не хватило, и тетеревятник вынужден был вернуться на место. Но сокол тотчас развернулся и сам бросился в атаку. После этого у ястреба оказалось поврежденным крыло.

Я взял ястреба домой, чтобы подлечить. На это ушло около двадцати дней.

Мой балобан вообще отличался очень непочтительным отношением к тетеревятникам. Однажды, тоже во время тренировки на вабиле, он вдруг как сквозь землю провалился. Алик на всякий случай заглянул под навес, где держал крупного ястреба, и, к своему удивлению, обнаружил сокола там. Он сидел рядом с вдвое более крупным тетеревятником и доедал кусок мяса, который только что у него отнял. Через несколько дней он повторил этот номер, но, по-видимому, на сей раз не сумел избежать ястребиных когтей и довольно долго после этого выглядел нездоровым.

Природа агрессивности хищников по отношению друг к другу мне не совсем ясна. О гнездарях можно предположить, что они по неопытности не способны верно оценить свои силы. Например, об этом говорит приведенный случай с балобаном. Похоже Икар наблюдал у дербника — тот бросался на других дербников и даже, как не без гордости утверждал его хозяин, с аппетитом поглядывал на беркута. Что касается птиц, выросших на воле, то для их агрессивности есть, вероятно, другие причины. Возможно,

какие-то особенности поведения ловчих птиц (или, быть может, путцы на их лапах) провоцируют нападение их диких сородичей. Так, я был свидетелем атаки ястреба-тетеревятника на Пашину птицу. Только она собралась лететь на руку манившего ее хозяина, как вдруг испуганно закричала и низом метнулась в сторону, запуталась шнуром в кустах и начала там в панике биться. Одновременно мы услышали звук рассекаемого воздуха и увидели пикировавшего по соколиному с огромной высоты ястреба. Правда, в присутствии людей он не решился довести бросок до конца, Саша рассказывал:

— Моего балобана однажды очень настойчиво преследовал дикий, и лишь по счастливой случайности перепуганная молодая птица не была потеряна.

Несколько раз на наших дербников нападали пустельги, которые вряд ли рискнули бы связываться с дикими соколами. Еще большую смелость обнаруживали перепелятники, атакуя ловчих тетеревятников (кстати, в природе первые нередко «попадают на стол» последних). Если внимательно наблюдать за ловчими птицами, можно заметить, что те время от времени пристально смотрят в небо. Это наверняка, означает, что где-то летит хищник. Относительно безобидного, вроде пустельги, они просто провожают взглядом, при появлении более опасных прижимают перо иногда начинают проявлять беспокойство.

Нет мира или во всяком случае он есть не всегда и среди вольных хищников. Однажды мне вместе с Рашидом, Аликом и Абдуллой довелось стать свидетелем любопытного случая. Мы все сидели на лавке возле дома. Наслаждались последним теплом погожего октябрянского дня и разговаривали, конечно же, о хищниках. Вдруг примерно с середины крутого остепненного склона, который начинался сразу за садом, донесся странный звук, спустя минуту-другую он повторился. Мнения разделились:

— Это мякует одичавшая кошка, — сказал кто-то из нас.

— Нет, собака воет.

Тем временем звуки участились и, наконец, в кустах мелькнуло крыло крупной птицы. На этот раз мы быстро пришли к одному мнению:

— Так это были предсмертные крики кошки или собачонки, которую схватил беркут.

Алик оживился. Ему позарез нужен был беркут, и теперь, если удастся вспугнуть его с добычи и поставить на ней капканы появятся реальные шансы поймать орла. Он, правда, недоумевал, слушая все еще продолжавшееся мяуканье:

— Почему затянулась борьба? Обычно беркут умерщвляет добычу очень быстро!

Так или иначе, надо было спешить, и Алик полез по склону, а мы остались внизу наблюдать. Когда до места, откуда показалось крыло орла, осталось всего несколько метров, из кустов вдруг тяжело поднялись два беркута. Наш товарищ кошкой метнулся к ближнему из них, задел крыло рукой, но удержать не смог. Но в этом и не было нужды. Оба орла, едва дотянув по воздуху до подножия склона, рухнули на землю. Вскоре Алику удалось схватить за лапы одного, Абдулле — другого, и они потащили птиц к дому.

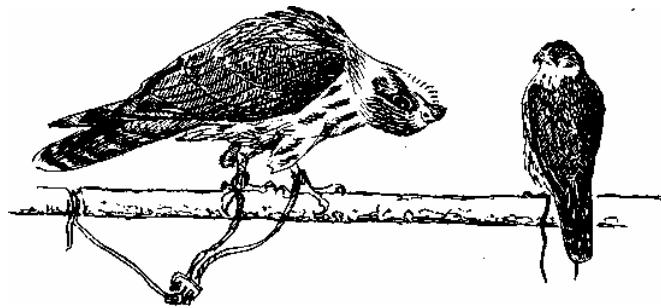
Оба беркута обессилили от напряженной борьбы и потери крови (у каждого на теле зияли глубокие раны). Когда их положили рядом на траву, они даже не делали попыток подняться на ноги. Жена Алика, оказывается, еще рано утром, примерно за четыре-пять часов до нас, слышала те же звуки, что и мы, и говорила об этом мужу. Но тот не придал ее словам значения. Мы же вспомнили, что низко над склоном все утро с криком летал молодой беркут (видимо, одна из сцепившихся птиц была его отцом). Позже, осмотрев следы, мы установили: дерущиеся орлы прокатились вниз по склону более восьмидесяти метров.

О причинах схватки можно только гадать. Если бы это произошло в гнездовой период, легко было бы предполо-

жить соперничество из-за гнездового участка или из-за самки, хотя, впрочем, по некоторым данным именно осенью может происходить образование пар и занятие участков. Во всяком случае наблюдаемый нами поединок — не исключительный факт.

За два года до этого в Алма-Атинский зоопарк поступили два беркута, которые тоже были пойманы сцепившимися на земле. Они настолько увлеклись борьбой, что позволили человеку подойти вплотную и накрыть их телогрейкой. Что интересно — впоследствии они очень мирно, не обнаруживая ни малейших признаков вражды, сидели рядом в одной вольере. Любопытно и то, что в том и другом случае дерущимися птицами оказались самцы.

Приходилось мне видеть и соперничающих самок возле орлиного гнезда на северо-востоке Турайгыра. Сначала мое внимание привлек самец от гнездовой пары. Не зная устали, он играл в воздухе, совершая знаменитый «гириляндовый полет»: после крутого стремительного пикирования орел, используя огромную скорость, с легкостью взмывал вверх, лишь слепка раскрывая сложенные при падении крылья. Затем снова следовало пикирование, а за ним опять взлет. Траектория движения хищника напоминала гигантскую гирилянду. Меня поразило, что тира очень затянулась. Прошел час, а беркут то скрывался за гребнем, то вновь появлялся из-за него. Он и не думал прерывать своего занятия. Чтобы лучше видеть, я выбрался на гребень и сразу заметил еще двух орлов. Это были две самки. Одну из них — ее безошибочно можно было узнать по большой прорехе в правом крыле — я уже не раз видел прежде в паре с небольшим и очень старым самцом, тем самым, который так самозабвенно кувыркался сейчас высоко в небе. Другую — стройную, с длинными крыльями и хвостом — я, пожалуй, тоже встречал несколько раз, километрах в семи — десяти над каньоном Чарына, причем всегда в одиночку. Конечно, это могли быть и разные птицы, так как вторая самка не имела никаких особых примет. Но мне так казалось.

Было в облике этих трех орлов что-то неестественное. Ощущение тревоги от их полета не покидало меня. Две самки синхронно вырисовывали рядом круги, а самец с маниакальным упорством играл над ними. Пришепища постоянно держалась чуть сзади и повыше самки с «прорехой», и в этом чувствовалась неприкрытая угроза — позиция для атаки отменная. Вскоре я понял, что сложность ситуации для законной хозяйки гнезда заключалась в том, что она хуже набирала высоту. Несмотря на все старания уйти из опасного положения, ей это не удавалось: видимо, сказывалось отсутствие трех или четырех маховых, в то время как у соперницы оперение крыльев было в идеальном состоянии.

Вскоре от угроз чужая самка перешла к боевым действиям. Один за другим следовали не очень быстрые, но все-таки внушительные броски. Атакуемой самке приходилось крутить в воздухе «бочки», выставляя навстречу атакующей лапы. Несколько раз птицы сцеплялись и начинали падать, но затем разлетались в стороны. Самец в отчаянии принимался клекотать, но в спор значительно более крупных и сильных самок вмешиваться не рисковал, ограничиваясь

«гирляндовым полетом», который является не только элементом брачного поведения, но и служит для маркировки гнездовой территории. Трудно предсказать, чем бы все **это** закончилось, если бы не ураганный ветер, налетевший со стороны Сюгатинской долины и пригнавший к тому же тяжелые тучи, из которых вовсю сыпал мокрый снег. Орлы внезапно исчезли, скрывшись в глубоких ущельях.

И все же справедливости ради следует признать, что агрессивное поведение хищных птиц, ловчих и вольных, — вовсе не правило. Помню, как сжалось однажды у меня сердце, когда дербник, с которым я занимался, вдруг под сел на седало к привязанному там балобану. Тот уставился на маленького наглеца, зачем-то перевернув голову на сто восемьдесят градусов. Но когда я взглянул на его глаза, то стало ясно — тревожиться нет причин: в них было только доброжелательное любопытство. Известно, что сокольники нередко приучают своих птиц охотиться в паре (относится это только к соколам), причем результативность такой охоты обычно заметно выше, чем с одиночками.

Особенности взаимоотношений хищных птиц требуют, конечно, соблюдения определенных, совсем не сложных правил при их содержании, дрессировке, а также на охоте. Так, ловчих птиц лучше всего держать поодиночке в отдельном помещении, а если такой возможности нет, важно их надежно привязывать на таком расстоянии друг от друга, чтобы исключить контакт между ними. Во время занятий, когда птица свободно летает, надо позаботиться о том, чтобы она не могла приблизиться к другим хищным птицам. И уж тем более недопустимы одновременные занятия нескольких сокольников. На охоте, если в ней участвуют несколько сокольников, тех птиц, которые не приучены к совместной работе, нужно напускать по очереди, а лучше разойтись за пределы видимости. Не следует забывать и о диких хищниках — если они летают поблизости, желательно воздержаться от напуска ловчей птицы.

Алик любит повторять, что не бывает некрасивых ловчих птиц. Я бы добавил, что нет среди них неинтересных. Сколько прошло их через наши руки, и каждая обладала такой неповторимой индивидуальность, что как бы много времени не прошло, их «образы», не тускнея, сохраняются в памяти. Я попытался рассказать лишь о некоторых из них, ну и, конечно, немного и о соколиной охоте, благодаря увлечению которой мне и моим товарищам удалось глубже заглянуть в удивительный мир пернатых хищников.